

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

№ 3 (13) • 2013

COMPARATIVE POLITICS

СВИДЕТЕЛЬСТВО о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-38335 от 8 декабря 2009 г.

Главный редактор

А.Д. Воскресенский, д.полит.н.,
д. философии (Манчестерский ун-т), проф.
Alexei D. Voskressenski, Prof. Dr.Pol.Sc.,
PhD (University of Manchester)

Заместитель главного редактора

О.В. Гаман-Голутвина, д.полит.н., проф.

Ответственный секретарь

Е.В. Колдунова, к.полит.н., доц.

Редакционная коллегия номера

А.Д. Воскресенский

В.В. Гриб

С.И. Лунев

Е.В. Колдунова

И.Ю. Окунев (выпускающий редактор)

О.Г. Харитонова (редакция номера)

Редакционный совет

Т.А. Алексеева, д.филос.н., проф.,
заслуженный деятель науки РФ
О.Н. Барабанов, д.полит.н., проф.
В.Я. Белокреницкий, д.и.н., проф.
В.В. Гриб, д.ю.н., проф.
В.И. Журавлева, к.и.н., доц.
М.В. Ильин, д.полит.н., проф.
Е.В. Колдунова, к.полит.н., доц.
В.Г. Ледаев, д.филос.н., д. философии
(Манчестерский университет), проф.
М.М. Лебедева, д.полит.н., проф., заслуженный
работник высшей школы РФ
В.В. Михеев, д.э.н., проф.,
член-корреспондент РАН
О.В. Павленко, к.и.н., доц.
Е.В. Попов, к.ю.н., доц.
В.Д. Соловей, д.и.н., проф.
Л.В. Сморгун, д.полит.н., проф.
М.В. Стрежнева, д.полит.н., д. философии
(Манчестерский университет), проф.
Д.В. Стрельцов, д.и.н., проф.
Т.А. Шаклеина, д.полит.н., проф.
А.Ю. Шutow, д.и.н., проф.
И.Н. Тимофеев, к.полит.н., доц.

Международный консультационный совет

Профессор *Ayse Ditrîhs*
(Университет Анкары)
Профессор *Akihiro Iwashita*
(Университет Хоккайдо)
Профессор *Zhao Huasheng*
(Фуданьский университет)
Профессор *Klaus Segbers*
(Свободный университет Берлина)
Профессор *Anne de Tanguy* (Сьян По)
(Свободный университет Берлина)
Профессор *Yu-Shan Wu*
(Институт политологии, Academia Sinica)
Профессор *Alexander Zhebit*
(Федеральный университет Рио-де-Жанейро)
Профессор *Charles E. Ziegler*
(Университет Луисвилла)
Профессор *А. Файзуллаев*
(Университет мировой экономики
и дипломатии Узбекистана)

Учредитель:

Издательская группа «Юрист»

Главный редактор

Издательской группы «Юрист»:
Гриб В.В.

Редакция:

Бочарова М.А.,
Лаптева Е.А.

Центр подписки:

(495) 617-18-88 (многоканальный)

Адрес редакции:

115035, г. Москва, Космодамианская

наб., д. 26/55, стр. 7

Тел. (495) 953-91-08

E-mail: avtor@lawinfo.ru;

http: www.lawinfo.ru

Отпечатано в типографии
«Национальная полиграфическая
группа». Тел. (4842) 70-03-37

Формат 60x90/8. Печать офсетная.

Физ.печ.л. — 27,0.

Усл. печ. л. — 27,0.

Общий тираж 3000 экз.

Цена свободная.

Номер подписан в печать: 10.11.2013 г.

ISSN — 2221-3279

© Воскресенский А.Д., 2013

© Сравнительная политика, 2013

© Издательская группа «Юрист», 2013

СОДЕРЖАНИЕ

ФАКУЛЬТЕТУ ПОЛИТОЛОГИИ МГИМО (У) МИД РФ — 15 ЛЕТ

А.Д. Воскресенский. Факультет политологии — основа политологической школы МГИМО-Университета4

Alexei D. Voskressenski. The Dean's Word: 15 years anniversary of the School of Political Affairs. MGIMO-University, Ministry of Foreign Affairs, Russian Federation 16

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И ГЕОПОЛИТИКА

А.Д. Воскресенский. Инновации и мировая политика 19

Tatiana A. Shakleina. New Trends in Subsystem Formation in the 21st Century 33

Т.Л. Шаумян. Индия, ШОС и БРИКС в современной геополитике 44

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ДИСКУССИИ

Klaus Segbers. The End of Politics?! 65

А.А. Борщ. Политическая борьба в современном мире 70

Б.И. Макаренко. Гражданское общество как ресурс развития России 74

НА КНИЖНОЙ ПОЛКЕ

Политический бестселлер:

Адам Пшеворски представляет книгу «Democracy in a Russian Mirror» 98

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

М.В. Ильин. Политическое самоутверждение России 103

В.А. Смирнов. Бизнес-сообщество как бассейн рекрутирования политической элиты постсоветской Литвы 119

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЛОКАЛЬНОГО ОПЫТА

В.В. Горбатова. Правовая регламентация и практика социологического сопровождения избирательной кампании по выборам депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации 4 декабря 2011 г. и Президента Российской Федерации 4 марта 2012 г. 128

А.А. Ярлыкапов. Ислам на Кавказе и его влияние на конфликтность в регионе и России 133

Научная жизнь

Наши партнеры: India Chronicle. A Monthly e-newsletter 153

Журналу «Сравнительная политика» — три года 154

Рецензии 174

Аннотации статей 177

Об авторах 183

Информация для авторов 184

CONTENTS

MGIMO-UNIVERSITY SCHOOL OF POLITICAL AFFAIRS 15 YEARS ANNIVERSARY

Alexei D. Voskressenski. The Dean's Word: SCHOOL OF POLITICAL AFFAIRS, MGIMO-University, Ministry of Foreign Affairs, Russian Federation. 15 years anniversary.....	4, 16
--	-------

COMPARATIVE POLITICS AND GEOPOLITICS

Alexei D. Voskressenski. Innovation and World Politics.....	19
Tatiana A. Shakleina. New Trends in Subsystem formation in Eurasia.....	33
Tatiana L. Shaumyan. India, SCO and BRICS in Modern Geopolitics.....	44

DISCUSSION

Klaus Segbers. The End of Politics?!	65
Alexandr A. Borshch. Political Struggle in Modern World	70
Boris I. Makarenko. Civil Society as a Resource for Development of Russia.....	74

ON THE BOOKSHELF

Introducing political bestseller: Adam Przeworski presents the book «Democracy in a Russian Mirror»	98
---	----

COMPARATIVE POLITICS

Mikhail V. Ilyin. Political raison d'être of Russia	103
Vadim A. Smirnov. Business-community as a source for recruitment of political elite in Post-Soviet Lithuania	119

COMPARATIVE ANALYSIS OF LOCAL CASES

Victoria V. Gorbatova. The Legal Regulation and Practice of Sociological Support of the Campaign for the Election of Deputies of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation on December 4, 2011 and the President of the Russian Federation, on March 4, 2012	128
Akhmet A. Yarlykapov. Islam in the Caucasus and its Impact on Conflict Potential in the Region and in Russia.....	133

Academe

Our partners: India Chronicle. A Monthly e-newsletter	153
3rd Anniversary of Comparative Politics Journal	154
Reviews	174
Abstracts	177
Our Authors	183
Information for Authors	184

ФАКУЛЬТЕТ ПОЛИТОЛОГИИ — ОСНОВА ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ МГИМО-УНИВЕРСИТЕТА

Из всех факультетов политологии в России наш, наверное, самый старый, хотя на самом деле он очень молодой, ему исполнилось всего 15 лет¹. Политолог — относительно новая специальность, которая обрела «легальную» институциональную самостоятельность лишь в 1990-е гг. В отличие от многих других вузов, ориентированных на подготовку преподавателей политологии или прикладных политтехнологов, у нас в МГИМО сформировалась своя политологическая школа «полного цикла», и академическая, и практическая, которая предполагает обучение политологов с «нуля» вплоть до самой высшей квалификации как преподавателей и исследователей, так и прикладных аналитиков, консультантов и практиков. Уникальность нашей школы позволяет факультету политологии предложить абитуриентам обучение по более широкому кругу специальностей и специализаций, чем во многих других вузах, и одновременно дать им более глубокую как теоретическую, так и практическую подготовку.

При этом наши преподаватели — не только теоретики, но и практики, поскольку они не только пишут книги, но и реально участвуют в политическом процессе и знают о нем не понаслышке.

Факультет изначально задумывался как лидер в политологическом образовании на постсоветском пространстве, и пока ему удается сохранять это лидерство. ФП дает солидную теоретическую подготовку и одновременно готовит выпускников к реальной жизни, к тому, чтобы заниматься практическими вещами, быть востребованными на рынке и уметь зарабатывать деньги, т.е. существовать как конкурентоспособные спе-

циалисты в реальном мире. В сентябре 2013 г. РИА «Новости» и НИУ ВШЭ опубликовали очередной мониторинг качества бюджетного приема в вузы России. Рейтинг по отдельным направлениям подготовки ведется с 2010 г., что позволяет делать первые выводы о динамике качества приема на политологические факультеты страны.

Факультет политологии МГИМО в 2013 г. вновь стал лидером политологического образования в стране. За годы мониторинга факультет, специализирующийся на подготовке политологов-международников со знанием двух иностранных языков, стабильно занимает 1-2-е места по качеству абитуриентов.

Можно говорить о том, что в стране сформировалась «большая четверка» ведущих политологических факультетов: факультеты политологии МГИМО, МГУ, СПбГУ и факультет прикладной политологии НИУ ВШЭ. Данные факультеты традиционно конкурируют за самых сильных абитуриентов, а факультет политологии МГИМО последние четыре года уверенно удерживает на этом поприще ведущее место, хотя конкуренция со стороны других вузов усиливается.

Предтечей факультета политологии МГИМО-Университета была кафедра политологии, образованная в 1990 г. Ее заведующими были в 1990–1991 гг. профессор Р.Г. Богданов, а в 1991–1994 гг. — заслуженный деятель науки РФ доктор философских наук, профессор А.Ю. Мельвиль, в дальнейшем — первый декан факультета политологии и проректор МГИМО по научной работе, президент Академии политических наук. К первому поколению шко-

	2010	2011	2012	2013
Факультет политологии МГИМО (У) МИД России	2 (84)	1 (92,3)	2 (91,6)	1 (95)
Факультет политологии МГУ им. М.В. Ломоносова	1 (86,7)	2 (89,7)	3 (91,1)	2 (92,6)
Факультет прикладной политологии НИУ ВШЭ	6 (81,8)	10 (84,7)	5 (87,6)	3 (90,8)
Факультет политологии СПбГУ	3 (82,7)	5 (87,5)	6 (87)	4 (90,4)
Факультет сравнительных политических исследований Северо-Западного института управления (филиал РАНХиГС в г. Санкт-Петербурге)	н/д	н/д	11 (83,8)	5 (87,9)
Факультет социологии и политологии Финансового университета	5 (81,8)	4 (88,5)	19 (80,6)	6 (87,9)
Факультет гуманитарных и социальных наук РУДН	7 (81,5)	8 (85,6)	8 (85,7)	7 (87,6)
Факультет истории, политологии и права РГГУ	н/д	13 (82,9)	4 (88,3)	8 (86,3)
Философский факультет КФУ	н/д	12 (83,1)	14 (83,1)	9 (85,3)
Философский факультет Томского ГУ	8 (76,8)	21 (78,4)	12 (83,7)	10 (83,6)
РЭУ им. Г.В. Плеханова	н/д	3 (89,2)	1 (92,8)	11 (82,9)

лы политологии МГИМО принадлежали профессора М.В. Ильин, А.М. Салмин (декан факультета политологии в 2004–2005 гг.), Ю.Е. Федоров, М.М. Лебедева, В.М. Сергеев и др.

Крупный вклад в развитие факультета политологии и реформу его учебных программ внес выпускник МГИМО 1976 г. доктор политических наук, профессор А.Д. Богатуров — декан ФП в 2005–2007 гг. В 2007 г. А.Д. Богатуров был назначен проректором МГИМО по программному развитию, а затем стал первым проректором МГИМО.

В январе 2008 г. деканом факультета стал доктор политических наук, профессор А.Д. Воскресенский — востоковед и политолог, первый из российских ученых получивший высшие научные степени России и Великобритании (доктор политических наук и доктор фило-

софии Манчестерского университета по специальности «Политика и международные отношения»), автор тринадцати монографий, выдержавших несколько изданий в России и за ее пределами. До прихода на факультет в качестве декана А.Д. Воскресенский возглавлял кафедру востоковедения МГИМО (с 1999 по 2008 г.) и преподавал на факультете политологии магистерские курсы.

Создание ФП стало ответом на реальную общественную потребность реформирующейся России, когда на определенном этапе ее развития возникла необходимость в профессионалах политологического и международно-политического профилей новой формации. Выпускники факультета на уровне мировых стандартов владеют уникальными квалификациями, позволяющими свободно ориентироваться в

сложностях внутривнутриполитической и международной жизни, включая такие важнейшие ее сферы, как процессы подготовки и проведения выборов, отношения бизнеса и государства, взаимодействие экономических, военно-политических и идеологических интересов различных стран и народов.

Сегодня на факультете политологии и администрируемых профессорами факультета магистерских программах обучается более 500 студентов и слушателей магистратур. Общий конкурс при поступлении на бюджетную форму обучения по бакалаврским программам факультета политологии вырос с 2,8 человека на место в 2006 г. до 13 человек на место в 2013 г., а в целом на факультете по двум направлениям подготовки — международным отношениям и политологии — составил 20,3 человека на бюджетное место и 15,3 человека на договорное место. На договорной (платной) форме обучения за этот период конкурс возрос с 1,6 до 8,19 человека на место по программам политологии и 28 человек на договорное место по программам мировой политики. В год десятилетнего юбилея (2008 г.) в ходе приемной кампании на факультет было подано 320 заявлений абитуриентов, а в 2013 г. — в год 15-летия факультета — на все отделения и формы бакалаврского обучения было подано 1399 заявлений.

На факультете работают около 80 профессоров и преподавателей. В их числе — лучшие эксперты-международники и политологи страны, имеющие богатый опыт практической работы в МИД России и других органах государственного управления, в частном секторе, а также структурах, занимающихся фундаментальными и прикладными исследованиями в интересах органов власти и бизнеса. Ведущими представителями профессорско-преподавательского состава факультета политологии являются академики А.А. Кокошин, Ю.С. Пивоваров и Е.М. Примаков, член-кор-

респонденты И.С. Иванов, профессора Т.А. Алексеева, А.Д. Богатуров, И.М. Бусыгина, А.Д. Воскресенский, О.В. Гаман-Голутвина, А.А. Дегтярев, М.В. Ильин, Н.А. Косолапов, В.М. Кулагин, М.М. Лебедева, О.Ю. Малинова, А.И. Никитин, В.М. Сергеев, М.А. Хрусталева, П.А. Цыганков, Д.Н. Фельдман, Т.А. Шаклеина и др.

Сегодня в структуре факультета политологии — семь кафедр.

♦ Сравнительной политологии

Заведующая — доктор политических наук, профессор О.В. Гаман-Голутвина. Кафедра обеспечивает общеобразовательные курсы по политологии, ведет работу со студентами и аспирантами по наиболее перспективным направлениям современной политической компаративистики. Теоретические и практические аспекты сравнительной политологии — в центре научной жизни кафедры.

♦ Политической теории

Заведующая — доктор философских наук, профессор Т.А. Алексеева. Преподаватели кафедры знакомят студентов с основными категориями, проблемами и теоретическими подходами современной политической науки, включая науку о международных отношениях. Анализ и разработка политических концепций и теорий является стержнем научной работы кафедры.

♦ Мировых политических процессов

Заведующая — доктор политических наук, профессор М.М. Лебедева. Кафедра занимается разработкой и преподаванием дисциплины «Мировая политика», в рамках которой международная арена рассматривается шире, чем сфера исключительно межгосударственного взаимодействия, а также научными исследованиями на этом направлении.

♦ Прикладного анализа международных проблем

Заведующая — доктор политических наук, профессор Т.А. Шаклеина. На кафедре сосредоточено преподавание и разработка методических блоков, свя-

занных с прикладным анализом международных ситуаций, политическим регулированием экономических и международных процессов. Теоретические и практические аспекты этой проблематики — основа научно-исследовательской составляющей ее работы.

♦ **Экономической политики и государственно-частного партнерства**

Заведующая кафедрой — кандидат экономических наук, доцент Е.Б. Завьялова. В рамках деятельности кафедры ведется научное исследование и преподавание по проблематике взаимодействия бизнеса с государством и обществом в современной России и зарубежных странах, а также вопросов, связанных с осуществлением государственной экономической политики.

♦ **Гражданского общества**

Заведующий — доктор юридических наук, профессор В.В. Гриб. Кафедра была создана в июне 2008 г. на основании обращения Совета Общественной палаты Российской Федерации к руководству МГИМО. Кафедра обеспечивает преподавание цикла дисциплин, раскрывающих современные механизмы функционирования гражданского общества и защиты прав человека.

♦ **Английского языка № 7**

Заведующая — кандидат педагогических наук, доцент И.А. Мазаева. Кафедра обеспечивает профессиональную языковую подготовку студентов факультета в соответствии с самыми высокими требованиями МИД России.

Факультет политологии ориентирован на комплексную подготовку специалистов-международников с акцентом на транснациональных составляющих современных политических и экономических процессов. Это позволяет выпускникам факультета вырабатывать широкий профессиональный кругозор, определяющийся оптимальным соотношением знаний дисциплин международного, общественно-политического, историко-политического и экономиче-

ского профилей. Особое внимание уделяется глобальным составляющим политики и экономики, в силу того что международный аспект — это не только «бренд» МГИМО, но и определяющий фактор современного развития стран и народов в целом.

В рамках общего профиля МГИМО уникальная профессиональная «ниша» факультета — подготовка международных, специализирующихся в сферах сравнительной политологии, экономической политологии и мировой политики. При сравнительном анализе отношений бизнеса и государственной власти, политических процессов и политических институтов в разных странах мира в фокусе внимания факультета — внешние, международные факторы, воздействующие на внутреннюю политику и экономическую стратегию. И наоборот, при анализе мировой политики, мировых политических процессов особое внимание уделяется изучению внутренних факторов и обстоятельств формирования и реализации внешней политики государств. В этой международной составляющей, интегрирующей изучение внутривнутриполитических и внешнеполитических процессов и явлений, — специфика и отличие ФП МГИМО-Университета от других факультетов и отделений политологии, появившихся с середины 1990-х гг. в различных российских вузах и ориентированных преимущественно на подготовку преподавателей политологии или прикладных политтехнологов.

В соответствии с «брендом» МГИМО профессиональная подготовка на факультете политологии включает изучение двух иностранных языков (обязательно английского, а также второго языка по выбору: французского, немецкого, испанского или китайского). В числе общих гуманитарных и социально-экономических дисциплин на ФП преподаются философия и экономика, право и история, социология и риторика. Обязательным является изучение

математики и информатики, по которым разработаны инновационные курсы с интерактивным использованием интернет-технологий.

Общие профессиональные дисциплины, преподаваемые на факультете политологии, включают в себя (в зависимости от отделения): теорию политики, сравнительную политологию, мировую политику, историю и теорию международных отношений и внешней политики России, политические процессы в РФ, мировую экономику, политическую географию, проблемы глобального развития, международное право, политические технологии, дипломатию, международную интеграцию, международные конфликты, международную безопасность, этнополитику. В числе дисциплин специализации — политические системы и политические культуры стран Запада и Востока, анализ международных ситуаций, политические аспекты экономического развития и экономической стратегии, оценки политических рисков, взаимоотношения государства и бизнеса, экономическая политология и международная политическая экономия, парламентаризм и президентство, модели избирательных и партийных систем, основы публичной политики. Они дополняются такими курсами, как: основы сравнительного изучения региональных внешнеполитических процессов, европейская стратегическая культура и внешнеполитические институты Европейского союза, идейно-теоретические основания мирополитического взаимодействия, современные технологии политико-информационной работы, технологии конструирования политических идеологий, методология и практика анализа международных ситуаций, основы теории игр и ее использование в моделировании международно-политических процессов, основы политического и бизнес-лоббирования, политико-информационная работа и основы делового управления информа-

ционным пространством. Все курсы подкреплены авторскими учебниками, учебными пособиями и фундаментальной монографической литературой, значительная часть которой вышла в свет после 2000 г.

На факультете политологии есть три отделения: сравнительной политологии и политической экспертизы, мировой политики и экономической политологии. Для всех специальностей базовая подготовка — политологическая, с уклоном в международную проблематику, но у каждого отделения есть своя специфика. Отделение экономической политологии ориентировано на практический анализ политического регулирования и политического менеджмента экономических процессов. Это направление стало неотъемлемой частью «товарного знака» факультета, и сегодня другие университеты активно «осваивают» эту политологическую «нишу», впервые освоенную именно МГИМО-Университетом и его факультетом политологии. Выпускники этого отделения умеют политическими методами влиять на экономические процессы и выступать посредниками между государством и негосударственным сектором. Сегодня это одно из перспективных направлений политической науки, которое постепенно наращивает и свою академическую глубину через освоение сравнительного анализа экономической политики стран и регионов мира. Выпускники отделения мировой политики особое внимание уделяют анализу и менеджменту мирополитического взаимодействия. В стандарт этого направления заложено свободное владение по крайней мере двумя иностранными языками, но есть студенты, которые успешно осваивают и три, и даже четыре иностранных языка. В сфере специализации выпускников отделения сравнительной политологии находятся сравнительный анализ политических процессов и политическая экспертиза. В 2014 г. предусматривается расширение деятельности

факультета: отделение экономической политологии расширяет и углубляет свой профиль, добавляя к своим курсам специализации сравнительную экономическую политику стран и регионов мира и политический менеджмент. Уточнено и его название — отделение прикладной экономической политологии и политического менеджмента. В 2014 г. планируется открытие нового отделения: конфликтологии и общественной дипломатии. Урегулирование международно-политических конфликтов средствами общественной дипломатии, превентивная дипломатия и сотрудничество для развития становятся новыми императивами современной эпохи, которые должны получить адекватное образовательное наполнение.

Для студентов ФП предусмотрена практика в МИД России, Администрации Президента РФ, Аппарате Правительства РФ, Государственной Думе, Россотрудничестве и других органах государственной власти, в частных компаниях, занимающихся политической аналитикой, консалтингом и т.д. В последнее время появились и такие новые формы, к примеру, как практика в иностранных посольствах.

Наш факультет предоставляет студентам не только уникальные возможности получить знания от факультетской профессуры в стенах МГИМО и практиковаться в разного рода государственных и негосударственных организациях, но и расширить свои знания за счет программ партнерства с зарубежными вузами. Для этого предусмотрены как стажировки в вузах-партнерах, инкорпорированные в образовательный процесс бакалаврского и магистерского уровней обучения, так и различного рода самостоятельные языковые стажировки. Кроме того, факультет проводит спецкурсы силами приглашенных известных иностранных преподавателей. Коллеги-политологи с уникальными авторскими курсами приезжают к нам из Сьянс-По, Свободно-

го университета Берлина, Стэнфордского университета, университетов Беркли, Северной Каролины и Айовы, Колумбийского университета и Университета штата Нью-Йорк, Оксфордского университета, Университета Бергена (Норвегия) и др. «В ответ» на факультете организуются и разного рода спецкурсы, востребованные иностранными студентами и стажерами. То есть возможности по сотрудничеству у ФП фактически безграничны.

На базе ФП работает уникальная совместная со Свободным университетом Берлина сертифицированная программа бакалаврского уровня German Studies Russia, она администрируется факультетом, но обучаются на ней студенты практически всех факультетов МГИМО.

Помимо трех бакалаврских программ, на базе факультете политологии были открыты программы магистерской подготовки. В рамках направления «Международные отношения» обучение проводится по программам «Мировая политика» и «Международные отношения и транснациональный бизнес». Программа «Мировая политика» имеет три отделения — российское, российско-французское и российско-германское.

Обучение на российско-французском отделении осуществляется совместно профессорами и преподавателями МГИМО и Парижского института политических наук (Sciences Po). Обучение проходит на русском и французском языках. Выпускники российско-французского отделения получают два диплома — диплом магистра МГИМО-Университета и диплом магистра Парижского института политических наук.

Студентов российско-германского отделения обучают преподаватели МГИМО, Свободного университета Берлина, Потсдамского университета и Университета имени В. Гумбольдта (Берлин). Выпускники этого отделения получают дипломы

магистра МГИМО-Университета и магистра Свободного университета Берлина.

Совместные программы с самыми престижными мировыми центрами подготовки политологов в области международных отношений и мировой политики ориентируют на получение двойного диплома, и, что самое главное, полную международную «конвертацию» полученных знаний и навыков.

Магистратура по направлению «Политология» изначально предполагала обучение по программе «Российская политика», которая давала уникальное знание способов формирования политического курса, принятия политических решений в области внешней и внутренней политики в России. К преподаванию в магистратуре «Российская политика» привлекались приглашенные профессоры ведущих европейских университетов — Миланского, Бергенского, Свободного университета Берлина и др. В качестве основы этой программы факультетом политологии совместно с Университетом Бергена (Норвегия) был разработан магистерский модуль на английском языке по российской политике. В 2010 г. эта программа была преобразована в отдельную новую самостоятельную программу по политическим наукам на английском языке *Politics and Economics of Eurasia*. В 2012 г. была открыта новая магистерская программа по политическим наукам — «Политическая экспертиза и GR-стратегии», в 2014 г. планируется ее дальнейшее расширение.

Политический анализ в рамках сравнительно-политического и международно-политического профиля обучения также активно внедрен в магистерской программе «Политика и экономика регионов мира» по направлению «Зарубежное регионоведение» совместно с преподавателями факультетов политологии и международных отношений. Эта программа пользуется популярностью как у студентов обоих факультетов, так и у студентов других вузов страны.

Кроме магистерских программ политологического профиля выпускники ФП также поступают практически на все программы МГИМО-Университета: «Мировая политика», «Международная политика и транснациональный бизнес», «Внешняя политика и дипломатия России» (совместно с Киевским институтом международных отношений) по направлению «Международные отношения», «Теория и практика синхронного и письменного перевода» по направлению «Лингвистика», «Международная журналистика», «Международное частное и гражданское право» по направлению «Юриспруденция», «Международный банковский бизнес» (совместно с ОАО «Газпромбанк»), «Международный учет, анализ и аудит», «Финансовая экономика: рынок ценных бумаг» по направлению «Экономика», «Международный бизнес», «Международный менеджмент» (совместно с ICN School of Management, Франция), «Менеджмент в области военно-технического сотрудничества и высоких технологий» (совместно с ГК «Ростехнологии»), «Устойчивое развитие и стратегическое управление в энергетике» (совместно с Сент-Эндрюс, Великобритания) по направлению «Менеджмент».

Факультет ведет активную научную работу. За прошедшие пять лет подготовлено более 50 учебников и учебных пособий, порядка 80 монографий (индивидуальных и в соавторстве), более 600 научных статей.

Среди публикаций факультета — такие уникальные издания, как «Демократия в российском зеркале» (редакторы-составители: А.М. Мигранян, А. Пшеворский, коллектив авторов), «Современная мировая политика. Прикладной анализ» (под ред. А.Д. Богатурова, коллектив авторов), «Восток и политика: Политические системы, политические культуры, политические процессы» (под ред. А.Д. Воскресенского,

коллектив авторов), «Экономическая политология: отношения бизнеса с государством и обществом» (под ред. А.Д. Богатунова, коллектив авторов), «“Большая Восточная Азия”: мировая политика и региональные трансформации» (под ред. А.Д. Воскресенского, коллектив авторов), «Международные отношения в Центральной Азии: события и документы» (под ред. А.Д. Богатунова, коллектив авторов), «Современные глобальные проблемы» (под ред. В.Г. Барановского, А.Д. Богатунова, коллектив авторов), «Политическая география. Формирование политической карты мира» (И.М. Бусыгина), «Гражданское общество: учебник» (А.С. Автономов, В.В. Гриб (руководители авторского коллектива), Е.В. Попов, Е.В. Попова, Р.Ю. Шульга), «История международных отношений (1945—2008 гг.): конспект лекций» (А.Д. Богатунов, В.В. Аверков), «Инновационные направления современных международных отношений» (под ред. А.В. Крутских, А.В. Бирюкова, коллектив авторов), «Vocabulary for Political Science Students» (под общ. ред. Н.Н. Павловой, Н.А. Чес, коллектив авторов), «История политических учений: электронный учебник» (А.А. Чанышев), «Политические системы и политические культуры: Сборник учебных материалов» (коллектив авторов), «Внешнеполитический процесс. Сравнительный анализ» (Т.А. Алексеева, А.А. Казанцев), «Мегатренды. Основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке» (под ред. Т.А. Шапклинной и А.А. Байкова, коллектив авторов), «Обществознание: настольная книга ученика» (О.В. Гаман-Голутвина, Е.Г. Пономарева, О.А. Удашова), «Механизмы государственно-частного партнерства в экономической политике» (В.Г. Варнавский) и др.

Многие преподаватели факультета приняли участие в подготовке нового учебника МГИМО по современным международным отношениям, опубликованного в 2012 г. и в работе над многолетним изданием «Политический атлас

современности». В процессе подготовки находится учебник нового поколения по сравнительной политологии, заканчивается работа по издательской подготовке книг: «Мировое комплексное регионоведение», «Практика зарубежного регионоведения и мировой политики».

Значительное число изданий профессорско-преподавательского состава ФП отмечены наградами Института общественного проектирования (ИНОП) — национальной премией в области общественно-научной литературы «Общественная мысль» («Международные отношения в Центральной Азии: события и документы» / под ред. А.Д. Богатунова, «Восток и политика: политические системы, политические культуры, политические процессы» / под ред. А.Д. Воскресенского), Российской ассоциации политической науки (книги А.Д. Богатунова, А.Д. Воскресенского, М.В. Ильина, И.В. Кудряшовой, И.М. Бусыгиной, А.А. Дегтярева и др.), Российской академии наук (монография Е.В. Колдуновой), Российского совета по международным делам,

Что нового ждет успешно сдавших вступительные экзамены и поступивших на факультет в последние годы? Как будет развиваться наш факультет? Сейчас идет глобальная перестройка системы образования, которая дает нам возможность повысить качество обучения, в частности, сделав дополнительный упор на практическую сторону образовательного процесса, одновременно увеличив номенклатуру курсов по выбору и предложив программы «под потребителя», т.е. под конкретного студента (так называемое *tailored education*). Эволюционным путем модернизируется учебный план, мы вводим все больше практических занятий — практикумов, круглых столов, деловых и ролевых игр, которые ориентируют студента на получение практических навыков, сужая разрыв между обучением и реальной жизнью. Для выпускников это означает лучшее обра-

зование, большую востребованность и, в конечном счете, большее финансовое вознаграждение за работу более высокого качества.

Семь лет назад мы начали набор студентов-политологов, изучающих китайский язык. Теперь в учебный план включены спецкурсы, которые помогут им стать специалистами по политическим проблемам Китая. С 2008 г. мы ввели курсы, связанные с ролью стран Востока в мировой политике, сравнительным анализом социально-политических учений Востока, изучением этнопсихологии стран и народов Азии и Африки. Это углубляет и расширяет подготовку наших студентов, а значит, помогает им быть более востребованными на рынке труда. Планируется открытие новой образовательной программы и нового отделения подготовки по общественным наукам, что существенно углубит и одновременно расширит образовательные возможности факультета, а значит, как мы думаем, привлечет новых абитуриентов и сделает жизнь на факультете ярче и интереснее.

ФП — один из флагманов МГИМО в использовании новейших методик обучения. Профессоры факультета активно используют в учебном процессе ролевые игры. И в области политологии, и в мировой политике моделирование разного рода конфликтных ситуаций и умение эти конфликтные ситуации разрешить дает очень полезные практические навыки. Кроме того, на факультете разрабатываются разного рода компьютерные методики. Уже сейчас все программы курсов наших преподавателей есть в Интернете, вводятся компьютерные методики объективной проверки остаточных знаний студентов и т.д. Расширяется номенклатура курсов политико-правовой проблематики. Эта традиция будет продолжена и развита.

С точки зрения содержания учебного процесса студентам предлагается все

новое, что существует в политологической сфере, причем с полным пониманием того, как происходящие процессы трансформируются в разных странах и регионах, каковы общие и специфические тенденции и тренды мирового и регионального развития. Именно поэтому наши выпускники очень хорошо востребованы как в государственном секторе (МИД России, другие государственные министерства и ведомства), так и в международных компаниях. наших вчерашних студентов можно встретить в таких крупных компаниях, как «РусАЛ», «Газпром», «Транснефть» и т.д.

Выпускники всех трех отделений факультета политологии легко находят себя в профессиональной жизни. Специалисты по сравнительной политологии работают политическими аналитиками, спичрайтерами или занимаются сравнительными научными исследованиями. Спрос рынка в этом секторе растет. Выпускники-международники трудятся в российских и международных структурах, занимающихся организационным обеспечением международной деятельности и международной аналитикой. Они выступают в качестве дипломатов, международных политологов-менеджеров, международных управленцев, советников различного ранга. А спрос на квалифицированных политологов-международников в международных отделах компаний, количество которых быстро увеличивается, только растет.

Отделение экономической политологии уникально для российских вузов. Осваивать проблематику отношений власти и бизнеса пытаются либо экономисты, либо юристы, однако у них не хватает профессионального понимания политических процессов. Таким образом, выпускники Отделения экономической политологии занимают практически пустующую нишу на отечественном рынке труда. Кроме того, возник и новый сегмент рынка — *business and politics* — анализ взаимоотношений между госу-

дарством и бизнесом. Спрос на специалистов в этой области увеличивается и в государственном, и в частном секторе, так как страна в целом интернационализируется и ее национальные интересы вовне становятся более выпуклыми. Соответственно политологи со знанием экономических процессов могут занять еще и эту нишу.

Бурлит на факультете общественная жизнь. С 2008 г. мы проводим два конкурса «Моя первая курсовая работа» и «Моя первая исследовательская работа». С первого курса мы учим студентов приобретать профессиональные знания и, соответственно, поощряем тех из них, кто действительно «вложил душу» в свою работу. При этом сами тематические планы обучения на ФП крайне увлекательны: здесь очень много неизданного, принципиально новых проблем, постановок вопросов. И студентам интересно: можно написать что-то свое, сделать то, чего еще никто не делал. Этот элемент творчества на факультете очень поощряется. Нам хочется, чтобы студент понимал, что учеба — не только его личное дело. За его успехами следят на факультете, пусть самые начальные, умозаключения и исследования студентов интересны профессорам. Подчеркну, все работы студентов внимательно читаются и разбираются преподавателями. Это часть нашего профессионального воспитания. И эта незаметная скрупулезная работа формирует «дух» факультета, она является стержнем факультетской политологической школы.

Образование ФП — качественное, фундаментальное, при этом ориентированное на практику и быстро адаптирующееся к требованиям реальной жизни. Все это позволяет выпускнику факультета политологии уверенно чувствовать себя в жизни.

Выпускник факультета политологии — это профессионал нового типа, свободно владеющий двумя иностранными языками. Образованный на уровне

международных стандартов, он может самостоятельно разбираться в сложных политических и экономических проблемах международного развития и внутренней жизни России. Он является специалистом, который способен сделать карьеру в сфере практической внешней политики и дипломатии, анализа политических интересов государства и бизнеса, практического применения различных моделей государственного управления, прикладных политических технологий, информационно-аналитической работы во всем ее многообразии.

Таким образом, за прошедшие годы факультет политологии МГИМО существенно упрочил свою репутацию в образовательной и научной среде. Объемы учебно-методической и научной работы факультета подтверждают, что де-факто факультет представляет из себя сформировавшуюся не только учебную (с программами полного цикла от бакалавриата до аспирантуры), но и научно-исследовательскую площадку с высокой инновационной составляющей. Научные публикации, причем фундаментального характера, традиционно являются сильной стороной факультета. На образовательном направлении в результате полного обновления учебных планов, позволяющих формировать специализированные компетенции, необходимые политологу-международнику для работы в сфере политической экспертизы, факультет смог четко обозначить свою профессиональную нишу в российском образовательном и исследовательском пространстве.

Задачи, которые стоят перед факультетом, связаны с необходимостью дальнейшего творческого развития образовательного, административного и научного направлений на уже сформированной за годы предыдущей работы базе.

Образовательное направление

- ребрендинг существующих политологических программ, открытие нового отделения по направлению политология, которое планируется в 2014 г.;

- дальнейшее позиционирование образовательных программ факультета политологии как предоставляющих классическое университетское образование с одновременной высокой составляющей практикоориентированных элективных курсов;

- развитие конкурентных преимуществ факультета — высококлассной языковой подготовки, сочетающейся с профессиональными образовательными траекториями в области политологии, международных отношений, наук об обществе в целом;

- регулярное обновление учебных программ, постоянное уточнение программ семинаров, обновление литературы и использование в преподавании исследовательских новинок;

- увеличение номенклатуры элективных курсов, способных качественно достроить индивидуальные образовательные траектории студентов;

- дальнейшее внедрение новых образовательных методик, основанных на лучших достижениях отечественной и зарубежной педагогических школ в области гуманитарных наук;

- дальнейшее углубление и расширение корпуса собственной учебной литературы, подготовленной преподавателями факультета, по основным направлениям подготовки;

- поддержание традиции и практики внимательного научного руководства на всех этапах обучения;

- борьба с плагиатом;

- сохранение преемственности лучших образовательных традиций факультета, но одновременно и расширение практико-ориентированной компоненты в процессе перехода студентов с уровня бакалавра на уровень магистратуры;

- интернационализация магистерских программ факультета, в перспективе — превращение их в программы двойного диплома, поиск зарубежных партнеров, отработка совместных мето-

дик образования с зарубежными партнерами;

- дальнейшая работа силами всего профессорско-преподавательского и административного состава факультета над формированием стабильной абитуриентской базы.

Административно-организационное направление

- поддержание высокого уровня дисциплины профессорско-преподавательского состава при одновременном понимании того, что именно благодаря его работе содержательно функционируют и факультет, и университет в целом, поддержание на факультете комфортной и гуманистической творческой атмосферы;

- поддержание дисциплины и одновременно формирование у студентов уважительного отношения к профессорско-преподавательскому составу и административным сотрудникам;

- поддержание четкой и прозрачной системы поощрения студентов и преподавателей, основанной в первую очередь на конкретных достижениях и профессиональном росте;

- внимательная работа со студентами, поддержка, включая психологическую при необходимости;

- проведение мероприятий профориентационного характера, встречи с выпускниками, достигшими значимых карьерных успехов в своей профессиональной сфере;

- организация выступлений гостей-практиков: политиков, экспертов, мастер-классы выдающихся специалистов в области политической экспертизы;

- повышение открытости выборов заведующих кафедрами, возможно, на альтернативной основе;

- подготовка силами кафедр нового поколения преподавательских и научно-исследовательских кадров, ответственно относящихся к судьбе факультета и университета.

Научное направление

- усиление научно-исследовательской компоненты в работе факультета;
- подготовка научно-исследовательских работ обобщающего характера, в идеале силами каждой из кафедр факультета в области своей профессиональной специализации;
- эффективное внедрение научных разработок в учебный процесс;
- интенсификация интернационализации научной деятельности, в том числе в направлении подготовки публикаций для реферируемых журналов на английском и других иностранных языках, повышение индекса цитируемости профессорско-преподавательского состава;
- интернационализация журнала «Сравнительная политика», издающегося на базе факультета политологии;

- расширение практики проведения факультетских научных мероприятий, в том числе с международными партнерами (практика таких мероприятий уже заложена опытом проведения презентаций факультетских книг, журнала «Сравнительная политика», подготовленной факультетом специальной секции 7-го конвента РАМИ «Стратегии великих держав», совместного круглого стола с Пекинским педагогическим университетом, ежегодных политологических симпозиумов и др. научных мероприятий).

А.Д. Воскресенский,
*декан факультета политологии,
доктор политических наук,
профессор*

¹ Факультет политологии МГИМО-Университета / ред.: А.Н. Ракова, М.А. Троицкий; под общ. ред. А.Д. Воскресенского. М.: МГИМО-Университет, 2009. URL: http://www.mgimo.ru/files/38157/MGIMO_2009-1.pdf

THE DEAN'S WORD: SCHOOL OF POLITICAL AFFAIRS, MGIMO-UNIVERSITY

Alexei D. Voskressenski

School of Political Affairs at MGIMO-University is one of the oldest among all Schools of Political Science and Politics in Russia. Unlike many other Russian institutions of higher learning that are focused on training lecturers in Political Science or Politics, here at MGIMO-University we established our own “full-cycle” School of Political Affairs which implies training political scientists up to highest qualification (BA, MA, PhD, Dr.Pol.Sc) of lecturers, researchers, diplomats, consultants and practitioners. The unique nature of our School lets offer prospective students education in a wider range of specializations, than in many other higher educational institutions in Russia, and at the same time provide them with profound theoretical knowledge and practical skills.

There are 7 Departments at the School of Political Affairs: Department of Comparative Politics, Department of World Politics, Department of Political Theory, Department of Applied Analysis of International Relations, Department of Political Economy and Economic Policy, Department of Civil Society, Department of Language Training. Basic training for all specializations includes Political Science with an emphasis on international issues as a distinctive feature of MGIMO-University. *Department of Political Economy and Economic Policy* is oriented on case study of political regulation of economic process and also on business-government relations. *The Department of World Politics and the Department of Applied Analysis of International Relations* place special emphasis on international analysis and management of interaction in the sphere of world politics. The graduates of the *Department of Comparative Politics* are specializing in comparative analysis of political pro-

cess and political expertise. *The Department of Political Theory* concentrates on theoretical issues, and the *Department of Civil Society* does research and training in creation of Civil Society issues. *The Department of Language Training* ensures the preparation in foreign languages (English, French, German, Spanish and Chinese) and the research on language-related issues.

Our School opens up unique opportunity for undergraduates not only to gain knowledge from the faculty of MGIMO-University itself, but also to broaden knowledge thanks to partnerships and exchange programs with higher educational institutions in various countries. For this purpose various internship programs as well as language training programs in partner-universities are available for students at different levels of education. In addition, there are special courses of prominent visiting professors held at our School. Political scientists from *Sciences Po* (Paris), *Freie Universität* Berlin, *Stanford University*, *University of California* (Berkeley), *North Carolina, Iowa, Columbia, New York University and State University of New York, Oxford University, University of Bergen (Universitetet i Bergen, Norway), Yuan Zhi University, China Institute of International Affairs, Delhi University* and many other universities come to the School to deliver their courses and guest lectures. “In return” the School organizes various specialized courses that are in demand with foreign students.

There is close cooperation of the School of Political Affairs and *Freie Universität* Berlin in delivering the unique BA-level certificate program German Studies, Russia. The sphere of this cooperation includes as well one of the first **double-diploma** Master's programs at MGIMO-University — *Russian-*

French Master's Program in International Relations and World Politics that is organized jointly with Sciences Po (Paris). Sciences Po is one of the world's top international training centers for specialists in Political Science, International Relations and World Politics. *Similar program* is implemented in collaboration with *German universities*: Freie Universität Berlin and Humboldt-Universität zu Berlin. The graduates get double diploma and, what is the most important, the possibility to study internationally to obtain additional skills and knowledge.

For undergraduates of the School of Political Affairs there are introductory **internships** in the Russian Parliament and other government bodies (Administration of the President, Government Administration, Ministry of Foreign Affairs and other ministries), private consulting companies and think-tanks. Recently new forms have emerged, for example internships in foreign embassies.

The faculty extensively employs game training in the academic activity. Both in the sphere of comparative politics and international relations modelling of conflicts and working out tactics for their resolution provide students with a unique set of practical competencies. Different computer teaching methods and innovative methods of testing students' knowledge are also being adopted.

Alumni of the School easily find themselves in professional life. Students specializing in Comparative Politics work as political analysts, speech-writers or comparative political science researchers. In this sector in Russia the demand is increasing. Alumni in World Politics work for Russian and international organizations specializing in organizational support of international activity and international analysis. They act as diplomats, international political scientists\managers, international experts\mediators, and advisers at different levels. There is an increasing demand for qualified political scientists\international experts in international departments of national and international companies that are growing in number in Russia.

About 80 professors and lecturers work in the Department. Among them there are the experts in international relations and political science having wide experience of practical work in the MFA of Russia and other departments of state administration, in private sector, as well as in the structures engaging in fundamental and applied research. Senior members of the faculty at different times were: Andrei Kokoshin (Head of the Parliamentary Committee), Yuri Pivovarov (Director of RAS Institute), Yevgenyi Primakov (former Prime Minister), Tatiana Alexeeva, Alexey Bogaturov (First Vice-Rector of MGIMO-University), Irina Busigina, Alexei D.Voskressenski (current Dean), Oxana Gaman-Golutvina, Andrey Degtyaryov, Igor Ivanov (former Foreign Minister), Mikhail Ilyin, Alexander Kononov, Nikolai Kosolapov, Vladimir Kulagin, Marina Lebedeva, Olga Malinova, Andrei Melville (former Vice-Rector for Research), Alexander Nikitin, Victor Sergeev, Alexander Solovyov, Mark Khrustalev, Pavel Tsygankov, Dmitry Feldman, Tatiana Shakleina.

The School of Political Affairs develops cooperation with foreign partners engaging in intensive academic research and lecturing in the sphere of Political Science and Politics. On different stages among our foreign partners were colleagues from Stanford University, University of California (Berkeley), North Carolina, Iowa, Columbia University and Brown University, State University of New York, Sciences Po, Freie Universität Berlin, University of Oxford, University of Bergen (Universitetet i Bergen, Norway), Upsala University (Uppsala Universitet, Sweden), Delhi University (India), Institute of International Relations of the MFA of PRC, Fudan University (China), Yuan Zhi University etc.

Dean

Professor, Dr. Pol. Sc. Alexei D. Voskressenski — Professor of Comparative Politics and Asian Studies, MGIMO-University (Moscow). He received his M.A. (*summa*

cum laude) in Chinese Studies from Moscow State University, holds a PhD in Political Science / Government Studies from the Victoria University of Manchester (GB) and a PhD in Asian Studies from the Institute of Far Eastern Studies (Moscow). He is the author, co-author, and editor of fifty books (the latest is *The East and Politics: Political Systems, Political Cultures, Political Process* (Aspect Press, 2011), of which twelve are monographs including *Russia and China. A Theory of Interstate Relations* (Routledge, 2003) and *Political Systems and Models of Democracy in the East* (Aspect Press, 2007). He also edits a Russian journal, *Comparative Politics*.

Koldunova Yekaterina Veler'evna — Vice-Dean, PhD in Political Science.

Okunev Igor Yurievich — Vice-Dean, PhD in Political Science.

Departments at the School of Political Affairs:

The Department of Comparative Politics

Head: Prof. Dr. Pol. Sc. Oxana Gaman-Golutvina. The Department does teaching and research in Political Science and Comparative Politics.

The Department of Political Theory

Head: Prof. Dr. of Philosophy Tatiana Alexeeva. The Department teaches students general problems and theoretical approaches to contemporary Political Science and International Affairs. The main focus of the Department is the analysis and the development of concepts and theories.

The Department of World Politics

Head: Prof. Dr. of Philosophy Marina Lebedeva. The Department deals with World Politics.

The Department of Applied Analysis of International Problems

Head: Professor, Dr. of History Tatiana Shakleina. The Department teaches methods of applied analysis of international issues, political management of economic and international processes.

The Department of Civil Society

Head: LLD Vladislav Grib. The Department was established in June 2008 meeting demands of the development of civil society in Russia and on request of the Public Chamber of the Russian Federation. The Department concentrates on contemporary mechanisms of civil society and on the mechanism of human rights protection.

The Department of Political Economy and Economic Policy

Head: Dr. Elena Zavalova, PhD in Economics. The Department was established in 2011 in collaboration with IEA to teach Political Economy, Economic policy and to make research on government-business relations.

The Department of Language Training

Head: Dr. Irina Mazaeva, PhD in Linguistics. The main goal of the Department to ensure the implementation of the requirements of the Ministry for Foreign Affairs of the Russian Federation in teaching English as a language of professional activities.

ИННОВАЦИИ И МИРОВАЯ ПОЛИТИКА¹

А.Д. Воскресенский

Современные официальные парадигмы, признавая необходимость сотрудничества, на практике пока слабо увязывают процесс мирового развития кооперативистского типа с внешними и внутренними аспектами национальной экономической, политической, научной и образовательной модернизации и процессом производства, приращения и распространения инноваций. Понимание и прогнозирование упущенных возможностей или непродуманных решений в процессе модернизации требует нового уровня не только образования, но и интеллекта, что подтверждается простой логикой современного научно-технологического развития: в современных обществах бессмысленно приказывать совершить научное открытие и производить инновации, так же как нельзя «назначить», к примеру, лауреата Нобелевской премии. Но, создавая, поддерживая и развивая открытую конкурентную научно-образовательную среду с правильно выстроенными институтами, доброжелательными и гуманистическими отношениями «внутри» высокопрофессиональных и/или творческих сообществ, можно «вырастить» кандидата, в частности, и на Нобелевскую премию, изобретения которого в соответствующей социальной среде могут быть трансформированы в инновации. В современном обществе кандидат на мировое признание по производству инноваций, скорее всего, как показывает практика, будет «продуктом» формирования нескольких национальных образовательных систем и научных школ, через которые он пройдет в ходе достаточно долгого пути (в зависимости от своего изначального интеллектуального потенциала) индивидуальной интеллектуальной эволюции. Специфика науки и образо-

вания как ключевых сфер в производстве изобретений, да и вообще всего процесса приращения инноваций, заключается в том, что, реформируя и рационализируя институты науки и образования, пока никому не удалось административно (т.е. искусственным путем) «ускорить» созревание собственного интеллекта нации, «подстегнуть» процесс приращения знаний и формирования среды инноваций без создания условий и атмосферы, благоприятствующих получению, передаче нового знания и трансформации его составных частей в инновации. Три известные попытки XX в. осуществить «ускоренное развитие» образования и науки в закрытых обществах на собственной почве — в нацистской Германии, периода «культурной революции» в Советской России и в маоцзэдуновском Китае, привели к таким потерям в национальных системах науки и образования, на преодоление которых каждой из этих стран потребовались десятилетия. Самый яркий пример — потеря Германией своей самой современной к 1930-м гг. национальной школы ядерной физики в ходе насильственной «этнической национализации» науки и образования. Восполнить потери прошлого, «научный статус» и инновационный потенциал стало возможным только в 1990-е гг. путем международной научной кооперации и, в частности, «за счет» распавшегося СССР.

На основе научных подходов и сравнительного исторического опыта выстраивается цепочка взаимосвязей между императивами внутреннего развития и их внешним обеспечением и, соответственно, между задачами внутренней, в том числе образовательной и инновационной, политики и их внешней поддержкой, т.е. в том числе и внешнеполи-

тической. Поиск оптимального баланса внешней и внутренней политики связан как со степенью зрелости национальной политической элиты, осуществляющей такие преобразования, так и с ее культурным своеобразием, преобладающими архетипами восприятия своего собственного исторического и зарубежного опыта, национальным характером и национальными стереотипами. То есть национальный консерватизм модели восприятия мира может мешать национальному развитию и препятствовать процессу производства социальных и технологических инноваций, а может помочь обеспечить стабильность развития и создавать базу производства инноваций в определенных сегментах общества.

Если мы исходим из того, что научные открытия и инновации производятся спонтанным озарением, то мы отрицаем необходимость научной базы, международного уровня образования и системы получения и приращения высокопрофессионального знания (и кухарка может управлять государством, и дворник может совершать научные открытия), необходимых для получения открытия и продуцирования инноваций. Тогда мы сакрализируем процесс открытия и можем посчитать, что для обеспечения его гуманитарно-обществоведческой составляющей уровень, глубина знания, степень освоенности мирового знания второстепенны. Если мы исходим из того, что открытия есть полученные логико-интуитивным путем и подтвержденные экспериментом (при всем своеобразии его в некоторых областях науки) новые знания в конкретной области науки, то мы утверждаем понимание необходимости получения базовых и продвинутых естественнонаучных и социально-гуманитарных знаний международного уровня путем обучения и исследовательской деятельности.

Сегодня «открытие» в гуманитарных и общественных науках сделать крайне трудно, и также не просто передать на

соответствующем уровне следующим поколениям весь тот огромный багаж гуманитарного и обществоведческого знания, которое имеет человечество. Гуманитарное и общественное знание не накапливается в том смысле, что его нужно заново осваивать каждому новому поколению. Но высокий уровень этого знания, в конечном счете, и привел человечество в том числе и к сегодняшнему уровню технологий и знаний в области естественных наук. «Усекать» и «сокращать» это знание — значит выпускать в жизнь специалистов, не готовых к новому этапу международной конкуренции, т.е. обрекать свою страну на заведомый проигрыш в конкуренции по производству инноваций.

В области естественных наук научное открытие может приводить, а может и не приводить к получению инноваций — коммерциализированных изобретений — в зависимости от созданного технологического уровня и уровня социально-политических инноваций в конкретной стране, т.е. изобретение не обязательно трансформируется в новый уровень технологий в конкретной стране. Таким образом, сегодня «освоение» и в гуманитарных, и в естественных науках может означать только международно признанный «уровень освоения» всей номенклатуры мирового знания, подтвержденный международно признанным, а не только национальным, результатом научных исследований.

В одной из последних книг гарвардского профессора британца Н. Фергюссона «Цивилизация: Запад и другие»² удачно показано, что начиная с XV в. Запад сумел вырваться в своем развитии вперед, поскольку предложил шесть инновационных концептов, которых не было у других цивилизаций: конкуренцию, современную науку и образование, правопорядок, современную медицину, экономическое потребление, трудовую этику. Сегодня не освоившие эффективно эти концепты обречены на неизбежное

отставание. Все другие успешные цивилизации освоили эти шесть концептов, начав соревнование на пути построения социально-политического порядка открытого доступа, путей совершенствования социально-политического порядка открытого доступа и, возможно, национальных версий социально-политического порядка открытого доступа во всех сферах, в том числе в науке, образовании, инновационных сферах деятельности. На этой основе и стало происходить конкурентное продвижение к следующему, более высокому и совершенному технологическому и социальному укладу. Завершение эпохи базового освоения этих социальных инноваций всеми социальными обществами, адаптировавшимися пусть и в различной степени к эпохе современности, а также складывающаяся конкуренция на пути построения более совершенных версий социально-политического порядка и вызывает дискуссию о характере и формах мирового лидерства, в том числе в науке и образовании, а также требуют увязки проблематики мирового лидерства со способностью производить социальные и технологические инновации самого высокого уровня в ключевых областях науки и экономики.

Сегодня вхождение в «клуб» мировых лидеров связано не только с уровнем экономического, технологического и политического развития, но и со способностью продуцировать и транслировать интеллектуальные и социальные инновации, т.е. обеспечивать диффузию инноваций. Конкуренция на пути продвижения к новому, более совершенному технологическому и социальному укладу, требует производства социальных, экономических и политических инноваций, которые являются базой для инноваций технологических, а также создания современной системы производства и передачи знания следующим поколениям. Сумевшие обеспечить продуцирование как технологических, так и со-

циальных инноваций подтвердят свой существующий статус или станут новыми мировыми лидерами. Формула успеха в формировании национальной политики в области науки и образования сегодня общеизвестна. Она заключается в умелом сочетании общих закономерностей и своей собственной специфики в ходе модернизации традиционных методов получения знания, его воспроизводства и развития в образовательном и исследовательском процессе с сохранением всего рационального и нужного, что накоплено к моменту начала модернизации. Только путем полного освоения номенклатуры мирового знания (хотя способы и формы его освоения и могут быть разными), а не его выборочных сегментов, и модернизации инфраструктуры и институтов получения и передачи знания может произойти осовременивание старых и становление новых собственных, отечественных инновационных школ мирового уровня, востребованных и в среде практиков.

В настоящее время в России происходят быстрые изменения во всех областях, совершенствуются отношения государства и общества. Необходимость изменений провозглашена в сферах образования и науки. Образование и наука становятся ключевыми сферами в инновационном преобразовании экономической, правовой, политической и духовной сфер, в формировании будущего страны. Зафиксирована необходимость разработки и проведения в жизнь научной стратегии развития, в том числе и научных стратегий модернизации образования и исследований. В этой связи тривиальна истина, что ключ к экономическому и технологическому развитию лежит в сфере образования и исследований в естественнонаучной сфере. В то же время без классного гуманитарного и общественно-политического образования и науки мирового уровня никакие задачи технологического обновления решить не удастся. Следовательно, повышается важность

научного определения соотношения между гуманитарным/обществоведческим и естественно-научным знанием в соответствии с запросами на инновации современного государства и общества. Роль в этом процессе гуманитарных и общественных, в том числе и политических, наук очевидна, а без международных сравнений и кросс-регионального и кросс-трансового анализа просто не обойтись.

В свое время новая советская политическая элита посчитала, что страна сможет вырваться в лидеры потому, что раньше других «угадала» мировое направление социальных инноваций — императив построения единого коммунистического общества и обобществления производства — как тренд будущего развития всего мира. Политики решили, а часть научного сообщества сразу же согласилась с псевдонаучной необходимостью «подстегнуть» путем насильственной мобилизации развитие одной, даже не самой-то и передовой страны, чтобы обогнать другие страны на этом угаданном как единственно верном пути через усечение комплексной сложности общества силовым искоренением альтернативных путей развития. В этот угаданный тренд, ставший «новой религией», поскольку научный анализ мирополитической реальности был просто «подверстан» под «социальный заказ» неожиданно вставшей у кормила власти в результате исторических потрясений и «сконструированной» путем социальной инженерии политической элиты, были вложены колоссальные национальные ресурсы, а на его алтарь брошены миллионы жизней. В конце концов оказалось, что был допущен грубый просчет в региональном политико-экономическом анализе социальных и технологических перспектив мирового инновационного развития. В ходе коррекции национального курса развития часть политической элиты «приняла решение» «закрыться» от внешнего мира, а несогласных с такой

постановкой вопроса — репрессировала, т.е. физически уничтожила или отправила в лагеря. Но такой путь обеспечил рывок на очень коротком историческом этапе, с колоссальными издержками и в конечном счете привел к распаду государства. Сегодня цена таких «просчетов» общеизвестна.

Лидерство в продуцировании технологических и социальных инноваций или даже просто интенсификация этого процесса вряд ли достижимы «через» попытку возглавить государства естественного социального доступа в их возможном, но исторически проигрышном противостоянии государствам открытого социального доступа³. Даже если предложить другим государствам взять за основу новую «синтетическую», основанную на спонтанных озарениях, но не подкрепленную научными инновациями, иерархически сегментированную картину мира, другие государства и народы могут не принять ее хотя бы просто потому, что будут, как не желающие присоединиться к такой коалиции, так и самостоятельно или с внешней помощью успешно осуществляющие переход от системы закрытого или полужакрытого социального доступа к системе открытого социального доступа. Причем количество государств с системой открытого социально-политического доступа будет увеличиваться просто в силу факта большей открытости и справедливости этой системы, а значит, ее большей универсальности, если мировое устройство не архаизируется из-за какой-либо мировой или космической катастрофы, которую человечество не сумеет предвидеть или предотвратить. Однако в этом случае вопрос будет стоять «просто» о биологическом выживании человечества на фоне примитивизации всех форм социальной деятельности. В то же время «силовое насаждение» или «прямой импорт» социальных инноваций, даже, казалось бы, самых передовых, нередко приводят к прямо противоположным результатам —

отторжению даже рациональных предложений, усилению конфликтности и противостоянию разных точек зрения на мировое развитие без перспективы поступательного гармоничного движения.

Так происходит постепенное «устаревание» традиционных международных отношений и господствовавшего в 1990-х гг. видения традиционного предметного поля мировой политики⁴, «расширение» и «интернационализация» этого поля, повышение интеллектуального уровня аргументации и инкорпорирование проблематики, связанной с появлением региональных подсистем международных отношений⁵, новой региональной реальности и характера внутреннего политического развития⁶, которая требует применения кросс-региональных сравнительных подходов. Эти процессы де-факто привели к появлению нового сегмента современного знания — мирового комплексного регионоведения и сравнительной мировой политики — в предметном поле дисциплины «мировая политика», в свое время «отпочковавшейся» от традиционных международных отношений. Если говорить о России, то только таким путем полного освоения номенклатуры мирового знания, а не его выборочных сегментов может произойти становление собственной, отечественной школы, позволяющей конструировать практикоориентированное предметное поле и реалистичные мирополитические и внешнеполитические концепции компаративистского характера, востребованные в среде практиков, которые традиционные международные отношения не продуцируют, а возможно, никогда и не смогут спродуцировать в силу методологической ограниченности своего предметного поля, концентрирующегося «вокруг» межгосударственных отношений без глубокого комплексного осмысления причин тех или иных мировых событий, в современных условиях, в особенности движущих сил и характера составляющих

мирового инновационного развития кооперативистского типа.

Сегодня становится как никогда ясно, что сфера применения реализма как концептуальной основы национальной внешней политики непрерывно суживается⁷, так как при развитии опираться только на национальные ресурсы, исходя из фиктеанских представлений о «замкнутом государстве» XIX в. и основанной на этих философских представлениях советской политико-экономической системы закрытого типа⁸, больше не представляется возможным. Издержки такого развития, прежде всего с точки зрения технологического и инновационного отставания, слишком велики. Это хорошо показало сравнение опыта СССР и КНР, выразившееся в технологическом и экономическом отставании закрытой системы советского типа от мировых лидеров и, параллельно, в ускоренном сокращении отставания при внутренних реформах и одновременном увеличении степени открытости в Китае. Действительно, изобретения отца и сына Черепановых, А. Попова, С. Лебедева, И. Сикорского, А. Прохорова, Ж. Алферова известны во всем мире, но существующая в СССР система не позволяла конвертировать идеи в рыночный товар — коммерциализовать идеи и превращать их в инновации, поскольку отрицала социальные инновации, создающие механизмы для массового распространения инноваций технологических. В сегодняшнем мире реальность пространства взаимозависимости (прежде всего финансовой, ресурсной и технологической, но также и политико-экономической) и основанной на ней необходимости кооперации превалирует, в то время как реалистическая традиция продолжает испытывать традиционные сложности при объяснении этой мировой тенденции и, соответственно, выработки рекомендаций для формулирования конструктивной внешней политики кооперативистского типа. Таким образом, путем

конструирования международных отношений дипломатическими средствами через эволюцию существующей модификации мирового порядка можно решать, в частности, и вопросы финансирования инноваций с целью сокращения разрыва с технологически наиболее развитыми странами⁹. Хотя фундаментальные экономические кризисы в мировой системе возникают при жизни каждого отдельно взятого поколения¹⁰ силовой слом существующего мирового порядка¹¹ лишает надежды на лучшее будущее, поскольку ставит предлагающую такую силовую деконструкцию страну перед дилеммой поиска союзников, цели и национальные интересы которых могут де-факто оказаться совершенно несхожими, а возможно, и противоположным образом ориентированными, либо же осуществлять слом и строительство нового политико-экономического пространства на развалинах старого мирового порядка самостоятельно, что чревато перенапряжением сил и национальной катастрофой. Историческое прошлое СССР и КНР (революция 1917 г. в России и курс на «мировую революцию», далее незаконченный период нэпа, построение социализма сначала в отдельно взятой стране, затем построение мировой социалистической системы, советско-китайский раскол, китайская «культурная революция», реформы в КНР по образцу нэпа в Советской России и постепенная модификация системы социально-политического доступа, распад СССР и изменение политико-экономической системы в России при сохранении системы естественного социально-политического доступа и возвращении к системе «передачи власти по кругу») показало, что радикальные социально-экономические потрясения при сохранении циклического развития в рамках порядка естественного социально-политического доступа в реальности приводят только к архаизации существующих социальных поряд-

ков и могут отбросить страну вниз по этапам «внутри» соответствующего порядка социального доступа и назад на многие десятилетия при том, что весь мир в целом может двигаться поступательно по лестнице социального развития. Следовательно, суживающие сферы своего применения определенным типом государств и определенными региональными сегментами мира концепции реализма неизбежно подвергнутся еще большей модификации, исходя из тех кардинальных изменений, которые произошли в международных отношениях за последние три десятилетия, а также исходя из главного аргумента: мир изменился настолько сильно, что игнорировать проблему трансформации национального государства, национального суверенитета, существующего международного порядка, формирования транснационального экономического и наднационального политического пространства, взаимосвязи этих процессов с проблематикой развития и превалярованием в силу этого кооперативистских подходов больше не представляется возможным, так как игнорирование этих изменений приводит к необратимому отставанию государств, исповедующих устарелые или анахроничные концепции, и окончательной утрате ими своего потенциала социальных и технологических инноваций. Это положение иллюстрируется появлением не только догоняющих, но и «неуспевающих» моделей развития в обществах, которые не просто отягощены неэффективными политическими и экономическими системами в силу превалярования неэффективных экономических и политических концепций, но и постепенно откатываются на периферию мира без какого-либо шанса хотя бы затормозить свое отставание. Сравнительный анализ советского и китайского опыта — самая яркая иллюстрация этому положению. Это самый главный результат кросс-регионального анализа для современной России.

Представители школы структурного лидерства в международных отношениях говорят, что расхождения между западными державами наблюдаются в целом лишь относительно тактических вопросов, а лидер западного мира — США — будет и дальше развиваться достаточно динамично. И хотя военным путем обеспечивать свои интересы становится все труднее, а издержки крупномасштабного использования военной силы становятся все большими, но все же пока лидирующая роль в переходе от индустриальных к информационно-финансовым обществам и далее к обществу со следующим технологическим укладом принадлежит странам Запада, и прежде всего США, поскольку только они могут подкреплять этот переход, в частности, когда это нужно, военной силой, хотя их возможности делать это односторонним образом, без опоры на региональные или международные коалиции, становятся более ограниченными. Несмотря на то, что некоторые из стран Востока (Япония, Южная Корея, Тайвань, Сингапур, а в последнее время и Малайзия, Таиланд, Индонезия) вступили в довольно успешную политико-экономическую конкуренцию с западными странами, они не смогли и не стали пытаться создавать альтернативные политико-экономические системы, а сделали другой стратегический выбор — влились (по крайней мере это можно говорить о Японии, Южной Корее, Тайване, Таиланде) в общее политико-экономическое пространство развитых в экономическом и политическом отношении государств с социально-политическим порядком открытого доступа, технологический отрыв которых от государств с естественным (ограниченным) социальным доступом в целом пока не вызывает сомнений, хотя их абсолютная доля в мировом ВВП и может сокращаться. Это дало возможность строить единое политико-экономическое пространство инновационного социально-го и технологического развития. Дело

в том, что, по данным предкризисного 2006 г., расходы на НИОКР в Китае составили 1,42% ВВП, в США — 2,61%, в Японии и Южной Корее — более 3%. Среди пятидесяти ведущих стран мира Китай по способности к техническим инновациям занимал пока лишь 24-е место, после Бразилии и Индии. По данным Шведского института управления, на 10 тыс. человек в Китае патентуется 108 изобретений, в то время как в Японии — 1737, Германии — 1534, Южной Корее — 540, Индии — 432. С 2000 г. в США на поддержку фундаментальной науки шло 18% общих расходов на НИОКР, в Германии — 20%, Франции — 24%, а в Китае 5,73%¹².

Страны Запада или Севера (теперь этот изначально географический термин становится все более и более условным) с центром в ЕС и США концентрируются на наукоемких отраслях, составляющих ядро постиндустриального уклада, и начинают производить инновационные технологии, которые будут составлять основу следующего технологического уклада, а новые индустриальные страны (включая современный Китай), даже стремительно обучающиеся и успешно конкурирующие со странами Запада в некоторых областях индустриальных товаров и электроники, в целом концентрируются пока все же на другом — на производстве технического оборудования для информационных технологий, на совершенствовании и удешевлении уже существующих технологий, на конечной сборке готовых изделий.

Дело в том, что любая *инновация* в своем развитии проходит три этапа:

- *изобретение* (открытие, новая идея);
- собственно *инновация* (первый этап коммерциализации изобретения) и
- *диффузия инноваций* (распространение и повсеместное использование продукта инновации, приносящее финансовый доход).

Эти три этапа могут совпадать или находиться практически в одном временном отрезке, а могут быть и разнесены по времени¹³. Опыт СССР доказывает, что инновация не обязательно может следовать за изобретением (можно открыть новую частицу, но первый коммерческий продукт — следствие этого изобретения может последовать через 30-40-50-90 лет), а может и осуществиться в других странах (к примеру, кислородно-конвертерный процесс производства стали, коммерческое использование вертолетов и др.). Кроме того, следует различать *процесс инновации/инновационный процесс* (т.е. использование существующих технологий для создания новых бизнес-моделей производства дешевых товаров или услуг) и *продукт инновации/инновационный продукт* (изначально новый, до этого нигде не производившийся коммерциализованный продукт). Инновационные процессы и диффузия инноваций происходит повсеместно и на Западе, и на Востоке, но инновационные продукты (микрочип, Walkman, cd-player, компьютер, Windows, iPod, iPad, Google Glass и др.) в своей массе последние 150 лет поступают из наиболее научно развитых стран западного мира, включая Японию, которые умеют воспроизводить все три этапа производства инноваций, передавая производства по лицензии в другие страны, когда появляется возможность их бесплатного копирования и тиражирования. Все основные параметры жизни современного общества (социальные и технологические инновации) и весь его бытовой уклад изобретены и придуманы именно западной цивилизацией за последние 150 лет. Поэтому пока, даже в условиях экономического подъема Азии, преждевременно считать, что этот регион превращается в новый технологический центр мира, так как механизм производства инноваций достаточно сложный, его невозможно заимствовать и крайне сложно воспроизвести¹⁴. В современных условиях производство иннова-

ций в закрытом обществе представляется маловероятным, хотя отдельные изобретения возможны. Следует отметить, что в целом механизм производства изобретений, ведущих к инновациям, плохо изучен даже применительно к реалиям технологически наиболее продвинутого западного мира, однако в целом можно сказать, что открытая, транспарентная и легальная, четко организованная система, предусматривающая комфортные условия интеллекту при одновременной жесткой защите авторских прав, скорее приведет к появлению инноваций, чем система «закрытого государства», где интеллект эксплуатируется за счет внеэкономического принуждения и насилия над личностью. При этом перерыв или замедление в производстве инноваций может объясняться разными причинами в обществах разного типа: как концентрацией знания, так и начавшимися процессами технологической архаизации.

Такое понимание ставит вопрос о необходимости глубокого овладения всей номенклатурой существующих сегодня научных подходов к развитию обществ, т.е. к всестороннему пониманию методов и механизмов производства социальных инноваций, как с точки зрения выявления их сильных и слабых сторон, так и с точки зрения прагматичного понимания их исторической ограниченности или научной прогностической состоятельности, при этом отделив понимание этой проблематики, основанное на научной рациональности, от идеологических конструкций.

Можно попытаться интенсифицировать производство наукоемкой продукции через расширение трансрегиональных связей, трансрегиональное и региональное сотрудничество, однако это потребует создания открытой и конкурентной среды, что невозможно для закрытых обществ. Следовательно, в современных условиях этот путь невозможен без социальных инноваций и инновационной и конструктивной внешней поли-

тики. Даже в условиях умелого и эффективного государства, сумевшего создать открытую инновационно восприимчивую среду, этот процесс не будет легким, так как ключевыми являются инновации в стратегических отраслях и военном деле, а их производство будет встречать дополнительные трудности: необходимость производства продукции самого высокого качества, а не «второй категории» в условиях ограниченной конкуренции военных отраслей, особенно в странах с полностью «закрытыми» рынками военной продукции или продукции двойного назначения; цена такой продукции должна определяться на открытом рынке с учетом затрат на технологические инновации, иначе они будут экономически неэффективными; должна быть обеспечена техническая поддержка самого высокого уровня и расширенная эксплуатационная гарантия такого продукта, которая сегодня не может оказываться вне международной культуры конкурентного менеджмента и сервиса; трансрегиональное производство инновационной продукции может предполагать кросс-инвестирование, совместное производство, совместный экспорт, что связано с проблемой «раздела» интеллектуальной собственности и что может противоречить принципам национальной безопасности в военных отраслях производства. Кроме того, догоняющий экспортоориентированный прежде всего на страны Запада и США путь модернизации, которого придерживаются страны Востока и который закреплен неравномерным процессом глобализации, в принципе, пока не позволяет ни серьезно подрывать, ни оспаривать мировое технологическое лидерство существующего ядра мировой политико-экономической системы. Структурно-экономическое и финансовое «становление» альтернативных цивилизационных моделей (к примеру, так называемого «Большого Китая») может проходить так же долго, как и становление западной (около 400 лет), и быть при

этом отнюдь не линейным, гладким процессом.

Следующий важный аргумент: размер экономики не связан с ее инновационным характером. Демографическое и территориальное «сокращение» Запада и «упадок» США происходит при сохранении как относительных, так и абсолютных финансово-экономических, политических и военных позиций, а также западной интеллектуальной и культурной «экспансии». Парадоксально с точки зрения теории «угасания Америки», но факт: рост американской экономики последние 20 лет до начала кризиса в среднем составлял примерно 3% (в Германии и Франции — 2,5%, в Японии — 3%), производительность труда за последние 10 лет росла на 2,5% (на 1% быстрее, чем в Европе). В 1980 г. американский экспорт составлял 10% мирового, а в 2007 — 9% (т.е. американский экспорт за 30 лет сократился всего на 1%, что трудно как-либо интерпретировать в экономическом смысле, а весь остальной произведенный в США продукт потреблялся, прежде всего, внутри страны), американская экономика до предкризисного года оставалась на самом верху рейтинга конкурентоспособности, была первой по инновационности, девятой по технологической готовности, второй в мире по объему капиталовложений в исследования, инновации и качеству исследовательских институтов¹⁵. Два новых индустриальных гиганта — Китай и Индия только по размерам своих экономик (т.е. по объему ВВП, пересчитанному по паритету покупательной способности) стали приближаться к США. Имея 5% мирового населения, США последние 125 лет производили от 20 до 30% мирового ВВП, эта доля в 2007 г. составляла 26%, сегодня — не менее 24% от мирового ВВП в зависимости от методик подсчета. Американская экономика продолжает оставаться самой большой в мире экономикой с 1885 г. и по прогнозам останется такой по абсолютным показателям, по

крайней мере, до 2025–2035 гг., т.е. еще 13–20 лет, если считать, что ничего в мире кардинальным образом меняться не будет, включая саму американскую экономику.

По паритету покупательной способности (ППС) этот разрыв может сокращаться, однако методика ППС не отражает стоимостных показателей инновационных и высокотехнологичных продуктов, хотя их копии по лицензии или на основе легально или нелегально заимствованной интеллектуальной собственности и могут быть существенно дешевле. По ППС объем китайского ВВП стал вторым в мире, но этот ВВП до 70% состоит из экспорта и иностранных инвестиций, а проекции экономического роста основаны на статических показателях экономического роста и инфляции 2008 г.¹⁶ Да и с «переставшей производить» Америкой тоже все обстоит не так уж и просто: по данным ООН (UN Industrial Development Organization), в 1980 г. на США приходилось 20% мирового промышленного производства, в 2008 г. доля США упала до 17,5%, но при этом все же оставалась самой большой в мире. Вторым шел Китай (17,2%), далее Япония (10%) и Германия (7,3%). При этом США лидировали по 19 ключевым показателям, а в китайскую статистику включалась кроме собственно промышленного производства также и добыча полезных ископаемых, производство электричества, газа и воды, что не учитывается в американской статистике. В 2009 г. Китай превратился в самого большого экспортера товаров, оставив на втором месте Германию, а на третьем США, но при этом Китай уже занимает второе место в мировой иерархии по импорту, вплотную приближающееся по объему к импорту США. Но если к экспорту товаров приплюсовать экспорт услуг в финансовых, финансово-экономических и бухгалтерских секторах, медицине и телекоммуникациях — т.е. в тех секторах экономики, которые интенсивно развиваются имен-

но в обществах постиндустриального типа, создавая новые рабочие места и новые нематериальные продукты высокой добавочной стоимости, на которых основывается в том числе и материальное производство, то статистика покажет противоположный результат и выстроит прямо противоположную иерархию ведущих государств, где на первом месте будут США, а затем Германия и Китай¹⁷.

Несмотря на серьезные кризисные явления в обеих частях макрорегиона Запад или Север, там уже начались серьезные процессы реструктуризации, самый яркий пример которых — создание Транстихоокеанского партнерства и Евроатлантической экономической зоны, при том, что в целом «инновационные» основы западной цивилизации, стержнем которых является инновационно-технологический потенциал США, отнюдь не были подорваны кризисом. Страны Востока (или того, что принято называть Востоком) — и это там достаточно четко осознается — до настоящего времени не сумели четко сформулировать альтернативы «западному» пути развития, хотя и пытаются это сделать, а альтернативный путь, предложенный в свое время СССР, в конечном счете, оказался несостоятельным¹⁸. В целом стратегия наиболее успешно развивающихся восточных стран является, скорее, приспособлением своих культурно-цивилизационных особенностей к реалиям уже сформированной мировой структуры отношений, созданной Западом и США и ориентированной на нужды высокоиндустриализованных стран, чем политико-экономическим «вызовом» Западу вне старой структуры¹⁹. Такие «вызовы» наиболее успешно (пример — Япония) осуществлялись именно в рамках мировых структур, созданных самим Западом, а потому они и были так болезненно им восприняты. Другое дело, что Западу пока вполне удастся успешно амортизировать эти «вызовы», при этом интенсивно трансформируясь самому и

повышая свою конкурентоспособность «через» ответы на эти новые вызовы.

Таким образом, если анализировать разного рода «вызовы», то, вероятнее всего, можно говорить о вызовах «американской модификации» западного пути развития, о попытках, сформулировать «неамериканский» вариант «западного пути» в рамках ЕС или «Большой Европы», хотя культурная. Экономическая и политическая консолидация Запада в последнее время также происходит достаточно активно. «Вызов» в будущем, возможно, будет сформулирован в рамках «Большого Китая», если Китай сумеет успешно завершить эксперимент по своей экономической и политической трансформации в среднеразвитое по мировым меркам демократическое государство с национальной спецификой, как это было подтверждено в очередной раз на XVIII съезде КПК. В последнее время стали явственно видны усилия «вдохнуть» новые силы или переосмыслить западную модель развития, используя, в частности, и опыт Китая²⁰. В этом смысле напророченное С. Хантингтоном грядущее столкновение цивилизаций идет, скорее, не по линии «Запад — Незапад», а принимает характер многовариантного вызова традиционному американскому пути развития как универсальному внутри («особая» позиция Франции, а иногда Германии и Италии, в целом ЕС), и вне Запада («китайская альтернатива»), что, в конечном счете, приводит к поиску макрорегиональными сегментами западного мира, включая сами США, разных путей и способов повышения конкурентоспособности всей западной системы и ее субрегиональных сегментов. Такой «синтетический» путь повышает, кстати, и шансы открытого китайского макрорегиона на поиск совместного с западным миром нового сопряженного инновационного пути развития, где товар перестает быть национальным и становится продуктом совместного мультинационального производства, реализованным

на взаимосвязанном экономическом пространстве регионально сегментированного глобального рынка, и усиливает перспективу структурного инкорпорирования Китая в мировую систему как его новой и, возможно, важнейшей части. Похоже, что именно этот путь намечен новым американским (второй срок президента Обамы) и китайским руководством (Си Цзиньпин и Ли Кэцян), по крайней мере, на ближайшие пять, а возможно, и десять лет. Таким путем в целом повышается степень конкурентоспособности региональных моделей мирового развития, заставляющая эволюционным путем трансформировать современный мировой порядок и современную мировую экономическую систему в ее более конкурентное и одновременно все более целостное состояние.

При этом надо понимать, что конструктивный потенциал «цивилизационного национализма», так же как и «конфессионального национализма» («исламский вызов»), даже при очередных агрессивных всплесках деятельности радикалистских сил, уже фактически полностью исчерпан. Кроме того, «цивилизационный национализм», точно так же как и «конфессиональный национализм», никогда не гарантировал, да и не может на 100% гарантировать технологической модернизации и производства социальных и технологических инноваций, по производству которых исламский макрорегион, в частности, безнадежно отстает не только от евроатлантического экономического пространства и Восточной Азии, но все больше и от латиноамериканского макрорегиона с его новыми крупными стремительно модернизирующимися державами, особенно Бразилией. То есть «цивилизационный национализм» и внешнеполитический консерватизм уже не могут являться внешнеполитической альтернативой конструктивной и открытой внешней политике, открытой регионализации и транснационализму, если только

не исходить из теории Мао Цзэдуна или ее современных аналогов о неизбежности ядерной войны, в которой будет, как он считал, уничтожена система империализма со всем его населением, но все равно останется достаточная часть китайского населения, чтобы обеспечить развитие социализма во всем мире по модели Мао Цзэдуна.

Таким образом, в современном мире технологические и социальные инновации неразрывно связаны²¹, социальные инновации определяют пути и способы формулирования научной, технологической и инновационной политики государства, обеспечивают равные возможности использования инноваций всеми странами общества на основе демократических социально-политических платформ, позволяющих участвовать в этом процессе разнообразным социальным и политическим акторам. В этой связи образование и исследования в научных областях, производстве технологий и инноваций должны выйти за узкие рамки элитной науки и сконцен-

трироваться на решении социальных проблем широкого круга стран, для чего нужна координация этой политики в системе национального и регионально-социально-экономического планирования, повышение уровня глобального управления и разработка новых кооперативных стратегий на всех уровнях мировой политики. В решении этих проблем на национальном уровне государственно-частное партнерство играет важную роль в выработке конкурентных механизмов поддержки социальных инноваций, которые и создают основу инноваций технологических, а также их широкой и относительно равномерной диффузии, уменьшающей дифференциацию в мире. Формулирование новых возможностей конструирования глобальных инновационных партнерств и создания глобальных инновационных платформ, способствующих диффузии социальных и технологических инноваций — задача не только внутренней, но и зрелой внешней политики государств разных типов социального доступа.

Список литературы

1. Бирюков А.В., Зиновьева Е.С., Крутских А.В. и др. Инновационные направления современных международных отношений / под ред. А.В. Крутских и А.В. Бирюкова. М.: Аспект Пресс, 2010. [Biriukov A.V., Zinovieva E.S., Krutskikh A.V. Innovatsionniye napravleniya sovremennykh mezhdunarodnykh otnosheniy / Krutskikh A.V., Biriukov A.V. eds. M.: Aspekt press, 2010.]
2. Богатуров А. Понятие мировой политики в теоретическом дискурсе / А. Богатуров // Международные процессы. Т. 2. № 1. С. 16–33. [Bogaturov A. Poniatiye mirovoi politiki v teoreticheskom diskurse // Mezhdunarodniye protsessi. T. 2. № 1. S. 16–33.]
3. Воскресенский А.Д. Социальные порядки и пространство мировой политики // Полис. 2013. № 5. С. 6–23. [Voskresenskiy A.D. Sotsial'niye poriadki i prostranstvo mirovoi politiki // Polis. 2013. № 5. S. 6–23.]
4. Воскресенский А.Д. Мировые стратегии великих держав и императивы внешней политики России / А.Д. Воскресенский. Российская государственность: исторические традиции и вызовы XXI века. М.: Научный эксперт, 2013. С. 215–228. [Voskresenskiy A.D. Mirovyye strategii velikikh derzhav i imperative vneshnei politiki Rossii / Voskresenskiy A.D. Rossiyskaya gosudarstvennost': istoricheskiye traditsii i vizovy XXI veka. M.: Nauchniy expert, 2013. S. 215–228.]
5. Воскресенский А.Д. Жунжу шице цай нэн фахуэй гэн да цзоюн (Только войдя в мир, можно играть в нем большую роль) / А.Д. Воскресенский // Жэньминь жибао. 09.01.2013. С. 3. [Voskresenskiy A.D. Zhunzhu shitse tsai nen fakhuei gen da tsoiun // Zhenmin zhibao. 09.01.2013.]
6. Глазьев С.Г. Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса / С.Г. Глазьев. М.: Экономика, 2011. Гл. 2, § 2.3. «Нужен ли России существующий мировой порядок?». С. 42–54. [Glaziev S.G. Stragetiya operezhaiutsego razvitiya Rossii v usloviakh global'nogo krizisa. M.: Ekonomika, 2011. Gl.2, § 2.3. «Nuzhen li Rossii sutschestvuiutshiy mirovoi poriadok?». С. 42–54.]
7. Гринин Л.Е., Коротасев А.В. Глобальный кризис в ретроспективе: Краткая история подъемов и кризисов: от Ликурга до Алана Гринспена / отв. ред. С.Ю. Мальков. М.: Книжный дом «Либро-

- ком», 2010. [Grinin L.E., Korotaev A.V. Global'niy krizis v retrospective: Kratkaya istoriya pod'emov I krizisov: ot Likurga do Alana Grinspena / otv. Red. S.Iu. Mal'kov. M.: Knizhniy dom "Librokom", 2010.]
8. Гриняев С.Н., Фомин А.Н. Мировая экономика: реальность или фикция? / С.Н. Гриняев, А.Н. Фомин. М.: Издательство «ФондИВ», 2008. [Griniaev S.N., Fomin A.N., Mirovaya ekonomika: real'nost' ili fiktsiya? M.: Izdatel'stvo "FondIV", 2008.]
 9. Кудров В.М. Международные экономические сопоставления и проблемы инновационного развития / В.М. Кудров. М.: Юстицинформ, 2011. С. 300–308. [Kudrov V.M. Mezhdunarodniye ekonomicheskiye sopostavleniya I problem innovatsionnogo razvitiya. M.: Iustitsinform, 2011. S. 300–308.]
 10. Лебедева М. Предметное поле и предметные поля мировой политики / М. Лебедева // Международные процессы. 2004. Т. 2. № 2 (5). [Lebedeva M.M. Predmetnoye pole I predmetniye polia mirovoi politiki // Mezhdunarodniye protsessi. 2004. T. 2. № 2 (5).]
 11. Мегатренды. Основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке / под ред. Т.А. Шаплеиной и А.А. Байкова. М.: Аспект-Пресс, 2013. [Megatrendi. Osnovniye traektoriyi evoliutsii mirovogo poriadka v XXI veke. Pod red. T.A. Shakleinoi I A.A. Baikova. M.: Aspekt press, 2013.]
 12. Современная мировая политика. Прикладной анализ / под ред. А.Д. Богатурова. М.: Аспект-Пресс, 2009. [Sovremennaiya mirovaia politika. Prikladnoi analiz. Pod red. A.D. Bogaturov. M.: Aspektpress, 2009].
 13. Чанышев А.А. Проект «замкнутого торгового государства» И.Г. Фихте и противоречия «современной эпохи» // Сравнительная политика. 2011. № 2. С. 3–13. [Chanyshv A.A. Proekt "zamknutigi togovogo gosudarstva" I.G. Fikhte I protivorechiya "sovremennoi epokhi" // Sravnitel'naya politika. 2011. № 2. S. 3–13].
 14. Чжунго 2020: Фачжань мубяо хэ чжэнцэ цюсян (Китай 2020: цели развития и направление курса) / под ред. Чжан Юйтаа. Пекин: Чжунго фачжань чубаньшэ, 2008. [Chzhungo 2020: Fachzhan' mubiao he chzentse tsusian. Chzhan Iuitaia ed. Pekin: Chzungo fachzhan' chuban'she, 2008.]
 15. Чжунгоды фачжань: шицзе тяочжань хай ши цзюй (Китайское развитие: мировой вызов или возможность мирового масштаба?). Пекин: Дандай шицзе яньцзю чжунсинь, 2006. [Chzhungodi fachzhan': shitsze tiaochzhan' khai shi tziyui. Pekin: Dandai shitsze ian'tszu chzhunsin', 2006].
 16. Шугуров М.В. Международное право и технологический разрыв: проблемы и решения / М.В. Шугуров // Право и политика. 2011. № 5. С. 786–805. [Shugurov M.V. Mezhdunarodnoye pravo I takhnologicheskii razryv: problem I resehniya // Pravo I politika. 2011. № 5. S. 786-805].
 17. Шугуров М.В. Мировая финансовая система и перспективы глобального инновационно-технологического развития: международно-правовой аспект // Право и политика. 2011. № 2. С. 196–213. [Shugurov M.V. Mirovaya finansovaya sistema I perspektivu global'nogo innovatsionno-tekhnologicheskogo razvitiya: mezhdunarodno-pravovoi aspekt // Pravo I politika. 2011. № 2. S. 196–213].
 18. Шугуров М.В. Научно-технологическая и инновационная деятельность в глобальном мире: взаимодействие национального опыта и международного права // Право и политика. 2010. № 11. С. 1934–1949. [Shugurov M.V. Nauchno-tekhnologicheskaya i innovatsionnaya deyatel'nost' v global'nom mire: vzaimodeistviye natsional'nogo opita I mezhdunarodnogo prava // Pravo I politika. 2010. №11. S. 1934-1949].
 19. Шуду Чжунго Саньшинянь (Китай в цифрах за 30 лет). Пекин: Шэхуэй кэсюэ вэньсянь чубаньшэ, 2008. [Shudu Chzhungo san'shinian'. Pekin: Shehuei kesiye ven'sian' chuban'she, 2008].
 20. El Haroui, Hakim. Reinventer L'Occident. Essai Sur Une Crise Economique. Paris: Flammarion, 2010.
 21. Elman, Colin & Miriam Fendius Elman (eds.). Foreword by Kenneth N. Waltz. Progress in International Relations Theory. Appraising the Field. Cambridge, MA & London: The MIT Press, 2003.
 22. Fergusson N. Civilization: The West and the Rest. N.Y.: Penguin Press, 2011.
 23. Industrial Innovation in China. Operation, Performance and Prospects for China's Industrial Innovation System: Impact of Reform and Globalization. New York: The Levine Institute The State University of New York, 2006.
 24. Lewis, Kirsten and Sarah Burdsharps. The Measure of America. 2010–2011. Mapping Risks and Resilience. N.Y. & L.: New York University Press, 2011.
 25. Naufgton, Barry. The Chinese Economy. Transitions and Growth. Cambridge, Mass. & L.: The MIT Press, 2007.
 26. Quinlan, Joseph P. The Last Economic Superpower. The Retreat of Globalization, the End of American Dominance, and Way We Can Do About It. N.Y.: MacGraw Hill, 2011.
 27. Segal A. Advantage. How American Innovation Can Overcome Asian Challenge. N.Y.: W.W.Norton & Co., 2011.
 28. Urama, Kevin Chika & Ernest Nti Acheampong. Social Innovation Creates Prosperous Societies // Stanford Social Innovation Review. 2013. Vol. 11. № 3. P. 11.
 29. Yifu Lin, Justin. Demystifying the Chinese Economy. Cambridge, MA.: Cambridge University Press. 2012

- ¹ Статья основана на материалах книг «Мировое комплексное регионоведение» и «Практика зарубежного регионоведения и мировой политики» под ред. А.Д. Воскресенского, готовящихся к публикации издательством «Магистр» (Москва).
- ² Ferguson N. Civilization: The West and the Rest. N.Y. : Penguin Press, 2011.
- ³ Воскресенский А.Д. Социальные порядки и пространство мировой политики // Полис. 2013. № 5. С. 6–23; Воскресенский А.Д. Мировые стратегии великих держав и императивы внешней политики России / А.Д. Воскресенский. Российская государственность: исторические традиции и вызовы XXI века. М.: Научный эксперт, 2013. С. 215–228; Воскресенский А.Д. Жунжу шицзе цай нэн фахуэй гэн да цзююн (Только войдя в мир, можно играть в нем большую роль) // Жэньминь жибао. 09.01.2013. С. 3.
- ⁴ См. Лебедева М.М. Мировая политика. М., 2003; Лебедева М. Предметное поле и предметные поля мировой политики // Международные процессы. 2004. Т. 2. № 2(5).
- ⁵ Мегатренды. Основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке / под ред. Т.А. Шапклинной и А.А. Байкова. М.: Аспект-Пресс, 2013.
- ⁶ Богатуров А. Понятие мировой политики в теоретическом дискурсе // Международные процессы. Т. 2. № 1. С. 16–33. См. также: Современная мировая политика. Прикладной анализ / под ред. А.Д. Богатурова. М.: Аспект-Пресс, 2009.
- ⁷ Elman, Colin & Miriam Fendius Elman (eds.). Foreword by Kenneth N. Waltz. Progress in International Relations Theory. Appraising the Field. Cambridge, MA & London: The MIT Press, 2003.
- ⁸ Чанышев А.А. Проект «замкнутого торгового государства» И.Г. Фихте и противоречия «современной эпохи» // Сравнительная политика. 2011. № 2. С. 3–13.
- ⁹ Шугуров М.В. Международное право и технологический разрыв: проблемы и решения // Право и политика. 2011. № 5. С. 786–805; Шугуров М.В. Мировая финансовая система и перспективы глобального инновационно-технологического развития: международно-правовой аспект // Право и политика. 2011. № 2. С. 196–213; Шугуров М.В. Научно-технологическая и инновационная деятельность в глобальном мире: взаимодействие национального опыта и международного права // Право и политика. 2010. № 11. С. 1934–1949.
- ¹⁰ Гриняев С.Н., Фомин А.Н. Мировая экономика: реальность или фикция? М.: Издательство «Фонд-ИВ», 2008; Гринин Л.Е., Кортаев А.В. Глобальный кризис в ретроспективе: Краткая история подъемов и кризисов: от Ликурга до Алана Гринспена / отв. ред. С.Ю. Мальков. М.: Книжный дом «Либроком», 2010.
- ¹¹ Глазьев С.Г. Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса. М.: Экономика, 2011. Гл. 2, § 2.3. «Нужен ли России существующий мировой порядок?». С. 42–54.
- ¹² Кудров В.М. Международные экономические сопоставления и проблемы инновационного развития. М.: Юстицинформ, 2011. С. 300–308.
- ¹³ Подробнее об этих процессах см.: Бирюков А.В., Зиновьева Е.С., Крутских А.В. и др. Инновационные направления современных международных отношений / под ред. А.В. Крутских и А.В. Бирюкова. М.: Аспект Пресс, 2010.
- ¹⁴ Segal A. Advantage. How American Innovation Can Overcome Asian Challenge. N.Y. : W.W. Norton & Co., 2011.
- ¹⁵ Lewis, Kirsten and Sarah Burdsharps. The Measure of America. 2010–2011. Mapping Risks and Resilience. N.Y. & L.: New York University Press, 2011.
- ¹⁶ Шуду Чжунго Саньшинянь (Китай в цифрах за 30 лет). Пекин: Шэхуэй кэсюэ вэньсянь чубаньшэ, 2008; Чжунго 2020: Фачжань мубяо хэ чжэнцэ цюсян (Китай 2020: цели развития и направление курса). Под ред. Чжан Юйтая. Пекин: Чжунго фачжань чубаньшэ, 2008. См., также: Naufgton, Barry. The Chinese Economy. Transitions and Growth. Cambridge, Mass. & L.: The MIT Press, 2007; Yifu Lin, Justin. Demystifying the Chinese Economy. Cambridge, MA. : Cambridge University Press, 2012.
- ¹⁷ Quinlan, Joseph P. The Last Economic Superpower. The Retreat of Globalization, the End of American Dominance, and Way We Can Do About It. N.Y.: MacGraw Hill, 2011, P. 248–249.
- ¹⁸ Industrial Innovation in China. Operation, Performance and Prospects for China's Industrial Innovation System: Impact of Reform and Globalization. New York: The Levine Institute The State University of New York, 2006.
- ¹⁹ Чжунгоды фачжань: шицзе тяочжань хай ши цзюйю (Китайское развитие: мировой вызов или возможность мирового масштаба?). Пекин: Дандай шицзе яньцзю чжунсинь, 2006.
- ²⁰ Ibid. P. 260–262. См. Также: El Haroui, Hakim. Reinventer L'Occident. Essai Sur Une Crise Economique. Paris: Flammarion, 2010.
- ²¹ Urama, Kevin Chika & Ernest Nti Acheampong. Social Innovation Creates Prosperous Societies // Stanford Social Innovation Review. 2013. Vol. 11. № 3. P. 11.

NEW TRENDS IN SUBSYSTEM FORMATION IN THE 21ST CENTURY

Tatiana A. Shakleina

After period of the bipolar world order we have been watching trends causing dramatic changes in the international system. Among them there are the following:

(1) Enlargement of the group of world leading powers (great powers): new and old players have been trying to modify old institutional structure and international law to regulate new kind of relations and satisfy their interests as prominent actors in world politics.

(2) Territorial reconfiguration of the world as a result of the first trend: old and new centers of power have been trying to change the map of their influence, either to form new subsystems where they will be a core/center, or change the distribution of influence in the old ones. Within this trend the U.S. policy has been very distinct. The superpower is interested in global outstretch and influence, and is pursuing policy of creating intercontinental, transoceanic subsystems which can be only handled by the superpower.

(3) General fragmentation of the world, emergence of many smaller and weaker countries or territories that are becoming “the material” for building new subsystems, and/or creating new bigger federal states or non-federal states with complex administrative structures.

Great powers of the 21st century: a new “concert” or selective engagement relations

In the 20th century the Group of Seven (G7) plus the USSR as the second world superpower (“2+6 Club”) exerted decisive influence on international relations. In the 21st century the group of influential countries is bigger: the Group of Twenty (G20) consists of players very different in their potential and

ability to world and macroregional regulation. G20 role and influence are not equal to the influence of “2+6 Club” (2 superpowers and other 6 great powers). It is still not quite clear what kind of hierarchy will be finally established within this group: whether they will at any point come to “concert” type relations with one superpower still having greater influence, or will be acting in highly competitive interaction.

Some authors in the United States, China, and Russia stated that G7 members had common strategy aimed at safeguarding their group interests, pursued policy to keep their beneficial/special positions in world politics, (especially in economic sphere). G7 policy was often defined as “egoistic and manipulating”.

What will happen to G20? Will it substitute G7/G8, and become a new world regulating structure? The simplest answer is that it is hardly possible because it is not easy to come to agreement between 20 very different players. Besides, it is necessary to remember that great powers of G7 were countries with common Western culture, common strategic aims (during the cold war it was struggle against communism and the USSR), and economic and political tasks (dominating influence and control). Members of G20 are different culturally and politically, have different views of their specific roles in world politics and of the future world order, have different strategic and economic interests and plans.

In the 21st century nation states still remain determinant actors in world politics and power in all its manifestations (hard and soft, with evident prevalence of hard force) is not losing its significance in national strategies, especially of strong actors. Attitudes and

approaches of great powers to norms and institutions of contemporary world order and international relations remain not only diverse but controversial.

Traditional and growing powers to a great extent will have different views on the whole spectrum of global problems, will use selective approach and selective engagement in the world order formation and solving global and regional problems¹.

There are some scenarios of future evolution of great power relations.

Scenario 1. The United States and leading European countries (Great Britain, France and Germany) who are the strongest in the European Union and NATO, will manage to form a strong block within the group (G 20), and will pursue common policy that will neutralize or seriously constrain opportunities and initiatives of China, Brazil, and Russia. In this case G20 will be the structure for strengthening positions of the countries that constitute the *transatlantic core*.

Scenario 2. Brazil, China and Russia (India lacks clear vision of its role, and is still dependent on the U.S. policy) will come to agreement on the issues of world order formation and their influence at the subsystem level. It will lead to strengthening and institutionalization of the BRIC group, and this influential group will prevent the U.S. and its transatlantic allies from dominance within G20 and in world politics. However, at present BRIC countries are rather far from achieving real consensus and formulating common approach and policy towards global and some regional issues. They cannot form a monolithic group similar to transatlantic within global institutions.

Scenario 3. The US and China come to some kind of agreement on world and domestic problems, and China will support American and NATO approach to world regulation. In this case opportunities for Russia and Brazil as world and regional actors will be seriously cut.

It means that structural organization between great powers is one of the most impor-

tant trends, and its outcome might be crucial for the future development of the world system, and many smaller and less influential countries. World development might take the form of peaceful low range competition, aggressive competition within accepted international norms, or destructive competition which will bring more fragmentation of states and subsystems, more confrontational situations in relations between the United States, China, Russia, Turkey, and some other countries.

Great Powers and Subsystems

Another very important trend that involves great powers, and is to a great extent dependent on the outcome of great power structural organization and choices of the main players — the United States, China, Russia, India and Brazil, is *territorial reconfiguration of the world and establishment of the new subsystem world structure*.

Contemporary world is characterized by the tendency toward disintegration or dissolution of some nation states under the influence of internal and/or external factors, and *formation or emergence of new states or territories* (in case they are not recognized as independent states by the international community). New states and territories very often lack political institutions necessary for a sustainable nation state, are economically weak and socially turbulent (civil war). These new weak and unstable countries and territories can bring instability at macroregional and regional level, and cumulative effect of similar situations in different parts of the world can have destabilizing effect on the world situation. In the 21st century humanitarian intervention was introduced to solve situations of political instability in various countries. Category of “humanitarian intervention”, introduced and implemented by the United States and its NATO allies is still debatable as a norm for future international order. There is no international consensus on such questions as in what situations it should be used, and whether it is necessary to have the UN approval, and consent of

the official government of a particular country. It is also not clearly stated by the adherents of so called “humanitarian interference” how and in what scale military force can be used. There is no clear concept of post-intervention actions of foreign military forces to stabilize the situation and prevent civil war or other destructive tendencies. As events of 1990s, 2000s and 2010s show, “humanitarian” or military foreign interventions of NATO countries with the United States performing the role of the leader, results are different and disturbing.

Speaking about reconfiguration at the regional level, we can see that direct and indirect, military and non-military foreign interference into internal political situation of various countries not only destabilized domestic situation in many of them (countries of the Middle East, Northern Africa, Persian Gulf, Central Asia), but also strengthened tendencies for fragmentation or secession (in case there are distinct ethnic regions inside the country). At present controversial approach to handling the problem of fragmentation of nation states and recognition of new territories as independent countries (so called separatism or struggle for independence) makes situation in the regions potentially dangerous (Kosovo, Abkhazia, Southern Ossetia, Tibet, Kurds, Kashmir, etc.). Political situation in many newly emerged countries or countries-objects of “humanitarian (military) intervention” has been worsening. Some of new territorial units have been recognized by the international community; other territorial units are not recognized and continue struggling for independent nation state status. We cannot exclude that in perspective any of recognized or not recognized territorial units can become part of a bigger country with federal, confederate or unitary structure (either forcefully or on their own will). *We can speak about very serious and disturbing situation in Asia in general.*

The dissolution of the Soviet Union marked the end of the bipolar world order, and strengthened trend to fragmentation of federal states where its parts/subjects

were formed on principles of ethnicity (titular nations are cores of such entities and give names to them). The examples are: republics in the former USSR, in the former Yugoslavia, national republics in the Russian Federation, Republic of Abkhazia and Republic of Southern Ossetia in Georgia (recognized as independent states in 2008), in Moldova (Trans-Dniester republic). Territories with distinct ethnic nature striving for more independent status within the country or for secession are in China (Xingjian Uighur region, Inner Mongolia, Tibet who do not have the same status as national republics in the Russian Federation), in India (Kashmir), etc. Territories with explicit ethnic characteristics that are trying to get special, more independent status exist in Uzbekistan and Kirghizstan, Iraq, Turkey, Great Britain, Ukraine, etc.

It means that dissolution of some nation states or change in their political and territorial structures (from centralized to federal or confederate structures) that leads to emergence of new smaller countries and/or decomposition or reconfiguration of big states will determine international relations in the 21st century. It also means that we shall have more conflicts caused by aspirations for nation-state formation or consolidation of more independent status of certain territorial entities within big states.

This trend is especially important for Russia because it is in the center of the main territorial reconfiguration process. Russia has territories in its federation that demonstrated strive for secession or greater independence within the federation. During turbulent period in 1992-1996 some ethnic territories that were autonomous republics or regions in the USSR got status of national republics, and some privileges as compared to non-republican subjects of the federation (oblasty, okruga, kraya). Existing asymmetry creates potential instability and is fraught with problems for the Russian authorities in the center and at the local level. Though most of the republics recognized preference of remaining in the Russian Federation, Cau-

casian republics (Dagestan, Chechnya, Ingushetia) have a lot of economic, ethnic, religious problems, are under influence of foreign countries, and/or non-state groups that are supporting forces struggling for secession.

This problem is very acute not only for Russia. As we mentioned above, similar situations exist in other countries.

Different actors of international order support different principles and approaches to the problem of nation-state and its rights to defend its territorial and political integrity. Though no state openly declared absolute neglect and complete defiance of the UN Charter and principle of national sovereignty, many states support “selective approach” to national sovereignty issue. It is the United States and many European countries — members of EU and NATO. In some cases they support trend for secession and further dissolution or restructuring of federal states (the case of the former Yugoslavia, Chechnya in Russia, Tibet in China, etc.), and help militarily and/or politically, informationally, economically. In other cases (for instance, Southern Ossetia and Abkhazia in Georgia, Trans-Dniester republic in Moldova, Crimea in Ukraine) there is no support for secession. Russia, China, India, Brazil, Turkey and many other countries are against forceful change of nation states structures and borders.

There is visible ambivalence in estimation of secessionist movements in various countries. As contemporary cases show, many countries use terms “separatism” and “struggle for independence and democratic political system” selectively (case approach and issue approach). For instance, some American experts define struggle in Ossetia and Abkhazia as “separatism”, and actions in Kosovo, Chechnya, Tibet as “struggle for independence”. The United States and the European Union countries state that separatism is a phenomenon of democratic countries and should not be encouraged and supported (Spain, Great Britain, Canada, Ukraine, etc.), and struggle for independence takes place in countries with non-democratic re-

gimes (Russia, China, and former Yugoslavia) and should be supported.

However, in the majority of cases struggle for secession or more independent status in the federal or non-federal state is inspired not only (if any) by the desire to have Western-type democratic political system, but also (in many cases) by historic, ethnic, religious, economic and some other factors (for instance, by struggle for power among ruling elites and opposition).

One more thing. *There are disagreements among states, including great powers, on the issue of democracy and its imposition. It means that aspirations for democracy cannot be used as the main argument when we deal with cases of dissolution of federal states or secession.*

We live and act in accordance with ambivalent norms, violate the UN Charter when necessary, and remember its provisions also when it is considered proper or necessary for the situation and/or favorable (profitable) for national interests of the countries involved into conflict situations.

In 1990s Russia fought against separatism in the federation (Chechnya) and declared its complete adherence to the UN Charter and the principle of non-violation of national sovereignty. Russia did not take strong steps to oppose foreign military interference into political situation in Yugoslavia though. Only in 1999 Russia more resolutely acted to influence the situation in Serbia (Pristine), however its behavior was inconsistent and ill-planned. This action not only caused hot debates and opposition in the United States and Europe, but also in the Russian political and expert community. At that time, in 1999, it was the turning moment in the Russian strategy. The country was reverting to a more resolute policy, but it was too late to change the situation in Yugoslavia dramatically. However, Pristine operation and Russia’s disagreement with the concept of “humanitarian military interventions” attracted attention to the problem of norms and principles of international relations. Russia strongly opposed formation of the Kosovo republic and did not recognize it (neither China).

In the 2000s Russia continued to defend the principle of national sovereignty and its non-violation by foreign forces. However it had to adjust to the new international situation where the United States and the European Union tried to introduce new rules of the game. Gradually Russia accepted introduced by the United States and the EU “selective approach” to political and territorial conflicts in federal states. For instance, Russia supports the right of the people of Trans-Dniester republic for special status in Moldova, but does not approve political pressure or takes military measures to help Trans-Dniester republic to obtain this status. In 2008 Russia supported economically, politically and militarily Abkhazia and Southern Ossetia republics in their struggle for independence, though Russia does not exclude the possibility of positive solution of the conflict within the Georgian federal state (if participants manage to come to agreement). Russia also strongly guards its own federation, but after military events in Chechnya tries to prevent further conflicts by using economic and political measures (of different kind).

China declared that it will never let any country to interfere into its domestic situation, into so called “separatist territories”. It is more hesitant to officially recognize any new republic, like Abkhazia, but it can change its approach. China’s involvement into world politics has been growing through 2000s, PRC has realized its great opportunities, and this realization can lead to its more resolute behavior in the situations when national sovereignty and state territorial integrity are at issue in certain countries. China also can accept existing “selective approach” to the UN Charter principles. The main reason for China’s “silence” and inactivity was (as they explained) that European and Russian conflicts were far from its territory, but revolutions in Central Asian post-Soviet countries, American policy towards Iraq and Pakistan, events in the Northern Africa pushed China toward more active and resolute position in the questions of foreign interference into political situations of different countries.

India, like China, is ready to fight for its territorial integrity. However, it is less active than China when world community deals with ethnic or territorial conflicts. India is a strategic partner of the United States and supports “selective strategy”, assuming that the U.S. will not play against India in any territorial conflict.

The United States — the strongest country and the most creative world order constructor — is the locomotive in changing international landscape. By the end of 2000s they succeeded in modifying international norms, though these norms remain precedent. “Humanitarian military intervention” has been used to support secession and regime change, and in the majority of cases it led to instability and shaky territorial situation (Afghanistan, Iraq, Libya, and Serbia). The obstacle to American policy emerged, as we mentioned above, when Russia and then China started to object, and when in 2008 Russia supported Southern Ossetia republic in the “struggle for independence” and then recognized Abkhazia and Southern Ossetia republics. Russia *did* demonstrate approach similar to American. The other reason for interference was that Trans-Caucasus (Southern Caucasus) is very close to Russia — is bordering Russia, and it is interested in its stability and predictability.

It is not clear how Turkey will behave when and if there emerge real Kurdish problem (it already exists, and Turkey is quite articulate on it — no changes on Turkey’s territory). At present Turkey does not oppose foreign interference into political situations (Northern Africa), dissolution of some states or consolidation of certain territories with Moslem population (Russia’s Caucasus, countries of Central Asia). But it will take time before Turkey not only declares its resolute position but also act resolutely. It is trying to consolidate its power (economic, military, and geopolitical) and influence to reach real great power status. When and if Turkey succeeds, its position on so called “separatism” can change, but will remain selective.

Table 1

	National sovereignty	Dissolution of federal states	Ethnic separatism or struggle for independence	Status quo
The United States	Offensive defense	Offensive selective approach	Offensive selective approach	Selective approach; introduction and use of precedent norms
Russia	defense	Defensive non-interference approach	Defensive selective approach	Acknowledge status quo — UN Charter
China	defense	Defensive non-interference approach	Defensive non-interference approach	Acknowledge status quo — UN Charter
India	defense	Defensive neutral approach	Defensive selective approach	Ambivalent position
Turkey	defense	Defensive/offensive approach	Defensive/offensive approach	Acknowledge status quo — UN Charter
European Union		Offensive selective approach	Offensive selective approach	Selective approach; introduction and use of precedent norms

As we see, ambivalence in conflict resolution suits major world players, maybe, to lesser extent the United States who would like to have no opposition to its global plans. European Union is not very much different in its policy.

Positions of six very important actors in world and regional politics can be presented in the following table.

As it was mentioned above, trend for deconstruction of many states will continue through the 21st century. The outcome will depend not only on inner factors of this or that country, but also on the position and actions of the most influential actors and organizations. As events in Northern Africa have shown, military, political and economic foreign support had decisive effect, however effective political and economic foreign control of the domestic situation is hardly possible. Trends for further decomposition or consolidation will be the domestic affair, or the affair of those countries that are very close territorially, culturally, ethnically, and

historically. The United States understand that and try to neutralize possible loss of its influence in the countries of their present involvement in Eurasia and Africa.

Great powers and subsystems

Great power politics are crucial when we speak about subsystems. Nowadays many scholars prefer not to mention spheres of influence. However, big regional powers, and the United States, as a superpower try to establish their influence in the territories close to them geographically and connected with them economically. And not only to territories close to their borders. They try to structure the subsystem around them, to organize it, to make it safe for their interests in every sphere (trade, security, migration, resources, etc.)

We suggest the following definition of a subsystem. A *regional subsystem*:

(1) includes states united by geography, common interests and institutions in economy, trade, security, and sometimes in political

sphere, including common desire to establish a monolithic and strong subsystem as a collective center of power;

(2) is based on common history and culture (religion as well) that can play a unifying role, but are not decisive, and often might not have any influence;

(3) has a strong core — a state that is the strongest (according to parameters of a great power²) and more advanced and creative among other countries, or institution (institutions) acting on a strong consensus principles and play the role of a core.

However, as practice shows, it is a strong state that can organize and consolidate a subsystem.

The core-country in the majority of cases is a determinant factor for a subsystem, for the development of the countries constituting it. Lack of a strong leader (or hegemon) can bring regional disorder, and intrusion of a non-regional player. At present, for instance, we are watching destabilized situation in the Middle East and close to it Northern African region where there is no regional leaders capable of becoming cores of one big or two subsystems. Actually, the U.S. and the EU are playing the roles of outside actors trying to control the situation in different countries and regions. We cannot speak about any kind of a stable and perspective subsystem in the Middle East or Persian Gulf region. There is *space* — territories that in perspective can be structured either by regional players, or by non-regional actors, maybe in cooperation with regional leaders.

This tendency to reconfigure *regional spaces* manifested itself in emergence of new terms like: Great Middle East, Great Central Asia, Great East Asia, Arctic space, post-Soviet space, etc. These new spaces were viewed as the material for construction according to interests of Western countries. They are not subsystems, do not have regulating cores, and countries within these spaces though connected geographically are often in severe competition or conflict. Such not structured situation implies emergence of a non-regional leader - a strong country or organization

able of establishing control over the region and countries within it, and over the distribution of influence between different outside players (spheres of interest).

This view of the world as a combination of spaces, not only of territorial spaces, but also of virtual spaces (Internet, informational space, cyberspace, etc.) will exist together with subsystem approach. The United States and other Western countries will continue to develop supranational structures because it is a long perspective aim. Besides they are not very much interested in the formation of subsystems in Asia, Africa, and Latin America with strong great power leaders which might prevent Western players from fulfilling their plans in full, or block there trade, resources or other economic interests.

At present the United States remains the core country in the *Northern American subsystem*. They are trying to enlarge it by introducing multilateral and bilateral initiatives: North American Free Trade Agreement, Free Trade Area of Americas. Success of these projects will bring enlargement of the Northern American subsystem (it actually happened with Mexico joining NAFTA), and establishment of All American subsystem where the United States still will be the core country.

The US initiatives confront plans of Brazil that is trying to consolidate Southern American (Latin American) subsystem, not to oppose the United States, but to have greater independence in inner structuring and interaction, and in constructing relations with the rest of the world. There are a lot of obstacles, disagreements, problems that prevent Brazil from achieving quick success, but its growing stance to be one of the leading world powers, and global aspirations of the United States that distract them from Latin America, might make Latin American subsystem a reality.

European subsystem has a double track perspective. It can remain a substantial part of huge transatlantic (transoceanic) subsystem because the majority of European countries belong to NATO or try to become its

members. However European subsystem still exists, and demonstrates tendency to enlargement to the Black sea region and East Europe, Mediterranean Sea region, North Africa. It has all the characteristics of a subsystem, and its core is both — great European countries + European institutions. Very ambitious program and its outcome cannot be predicted.

Turkey is trying to consolidate both its great power status and regional leadership. It would like to build up its own subsystem, but has serious rivals in the Middle East, Central Asia, in the Caucasus, in the Persian Gulf. China, Russia, the United States, European countries, India are working in these regions. Their activities and opportunities are constrained not only by their economic, financial, military, ideological, cultural potentials. These regions are seriously destabilized, disorganized, lack regional leaders, strong enough to consolidate the subsystem around them.

Much will depend on the ability of BRIC countries to formulate a coherent common approach to the world order formation, on the desire of great powers to build up stable and well controlled subsystems where each country will be economically better, and feel safe from traditional threats (wars, conflicts, interventions, etc.), and non-state threats (terrorism, criminal networks, cyber espionage, epidemics, illegal migration, etc.). We can say quite definitely that Russia, Brazil, Europe; the United States will continue to sustain subsystems around them. China did not say its final word about any subsystem interest; India is also not ready to be the core country of a separate subsystem.

Trend to subsystem reconstruction will continue, and we can speak about several types of territorial organizational structures:

*subsystems mostly of bigger size around regional great powers (leader or hegemon). We can define them as *traditional type subsystems* with the characteristics suggested in the definition;

**transcontinental or transoceanic subsystems* constructed by the superpower - the

United States which is and remain the primary organizer and leader in them. We can define transatlantic community as a huge transcontinental subsystem united by economic, military (security), political (Western democracy), ideological (Western values), and cultural factors. Countries of this subsystem have common strategic aims and common policy, including world order construction. Though they sometimes disagree on certain issues, methods and actions, basically they have consensus. Active American policy in Asia-Pacific region and US perspective plans testify to the fact that concept of another transoceanic subsystem exists. A lot depends on the success of neutralizing China's plans to remain an independent player with its own subsystem in East and South-East Asia.

*so called *spaces* (prostranstva) where countries will have to establish some normative base of their relations and agree on regulations of their policies (for instance, the Arctic region or space). Such spaces will not necessarily have a one-country leader who will dominate in controlling the situation and dictating the rules.

"Small Eurasia" and Russia

Though practically nobody in the United States, Europe, and even Russia views Russia and territories around it as a subsystem, we suggest that Russia *does* have a subsystem that possesses all the characteristics of the subsystem. We define this subsystem - "*Small Eurasia*". It unites the majority of post-Soviet countries and has the core-country — the Russian Federation³. Very often territory of the former USSR is still referred as post-Soviet space. Such reference means that it is a space that is not organized, does not have a core or a great power leader, and can be the object for organization by any outside player. Actually, there are various players, and they are trying to include post-Soviet countries into their existing or future subsystems: Eastern Initiative of the EU for Ukraine, Belarus, Moldova, Trans-Caucasian countries; efforts of Turkey, Afghanistan, and other Arab

countries in Central Asia, and Chinese policy in Central Asia that can finally make them parts of some subsystems.

However, so far, efforts of various players in so called post-Soviet space did not result in the dissolution of Small Eurasia subsystem. In perspective we cannot exclude its weakening but there still remain rather strong factors keeping many countries inside it, under the protection and provisions of a number of agreements. They also rely and depend on Russia that remains the richest and economically advanced country willing to support them, and is doing a lot to help the countries of Small Eurasia to overcome their political and socio-economic difficulties, to say nothing about security dilemmas. There is a possibility for Eastern European and Trans-Caucasian countries to join a European subsystem, or even a transatlantic subsystem, but it is not clear whether they will be more prosperous inside them, seeing the fate of Greece, Spain, Portugal, and Cyprus. For Central Asian countries the situation is worse because close to them there is not any stable and well organized subsystem, and it is better to belong to an existing one.

For all new states emerged after the USSR dissolution one of the most important problems was to “organize” their new statehood and formulate strategy toward different members of international community. Russia after a short period of debates returned to historic tradition of the Russian State: to act as a great power at global and regional levels, and be the center of integration for post-Soviet countries. For other new states the choice was different. The Baltic States, who never considered themselves part of the Soviet Union, turned to the West; Ukraine, Moldova and Georgia were also Europe oriented but could not realize their plans quickly; Azerbaijan was inclined to keep both Russian and EU vector in its policy. Belarus and Armenia gave preference to close relations with Russia due to historic tradition and special terms of relations with Russia. Central Asian countries who realized complexity of the situation in the region, and acuteness of

domestic problems, preferred to stay closer to Russia.

Kazakhstan, Kirghizstan, Tajikistan, Uzbekistan and Turkmenistan together with Russia, Belarus, Armenia, Azerbaijan, Ukraine, Moldova constitute a new geopolitical community — “Malaya Evrazia” — “Small Eurasia” (Russia + CIS country-members), though Uzbekistan, Turkmenistan, Moldova and Ukraine are members with very changeable positions, and do not participate in all CIS structures.

What is common for the majority of states in Small Eurasia is that they are so called “transit states” situated between Russia and other rather powerful actors, or countries that are in trouble and are close to a failed state status. This transit or uncertain position is often used for getting certain political and economic dividends from maneuvering between various countries, playing on contradictions to get political and economic support, investments, credits, etc. Though Russia is still considered the center of integration and of the subsystem, post-Soviet countries often play against it. In case of Ukraine, Moldova, partially Belarus, this “transit anti-Russian card” was (and is) successfully used in energy sphere. Trans-Caucasian countries are also interested in using their transit position for their economic benefits, and support plans to build pipelines and establish sea roots outside of Russia. Central Asian states do not play this transit card against Russia too actively and too evidently, because their Southern neighbors are ambivalent in their actions: future plans of some big players are not quite clear and are often considered not profitable for them or even aggressive (China, India, Turkey); in some of them economic and political situation is unstable (Iran, Pakistan, Afghanistan).

Russia has to take into account aspirations and attitudes of its neighbor states. Their policies often hamper Russia’s actions and initiatives however these states remain very important to its interests. Russia depends on the actions and plans of its neighbors in the North, in the West and in

the South. It is learning to play by the rules suggested (or dictated) by neighbor countries and find compromise. For these countries Russia is viewed as one but not the strongest among other active players. Russia tries to neutralize actions of other players in order to keep the subsystem and the Commonwealth of Independent States. Russia uses its stronger economic potential, tries to overplay European and Asian countries; undertakes steps to make the CIS and other regional structures more functional and interesting to its members; put a lot of efforts to successfully fulfill its own modernization program to become a stronger player and more attractive partner to its neighbors as compared to other countries.

There are still a number of factors that strengthen Russia's position as the center of Small Eurasia: Russia is still the biggest and the richest country in the subsystem; it is an open and profitable market of natural and technological resources for other countries; it is a huge market for goods from these countries; is an open market for their labor force; suggests special terms in trade and customs, establishing special low prices for CIS partners (energy). Russia remains major military power giving security guarantees to its neighbors. Formally it is a "nuclear umbrella" to members of the Collective Security Treaty Organization (ODKB) while other post-Soviet states either can get such guarantees from NATO (for instance, Georgia, Ukraine, Moldova, if and when they become its members), or have an independent course negotiating with both sides (for instance, Azerbaijan, Uzbekistan).

There are some weak points too. Russia has less financial resources for direct investments into economies of post-Soviet countries, as compared to China, EU or the United States. However these countries are not very eager to give much, and their terms are not always accepted by recipients. Post-Soviet countries need money to improve political and economic situation, and investments to build working economic system, to conquer poverty and unemployment. They

also need support to control or fight criminal structures. As more than twenty years of post-Soviet existence show, the United States and EU often provide money to support opposition tendencies and new revolutionary elites, but they are not very much concerned with real economic recovery and development. Russia is also not completely altruistic in its policy but very often it becomes a donor for post-Soviet countries, supports weak economies by selling resources cheap, buying a lot from these countries, and opening its labor market. It opens its university education for young people (it is free for citizens of the CIS countries). And gives security guarantees. China is more concerned with domestic problems, and influence in the East and South Eastern Asia. Besides, culturally it is too different from Central Asian countries.

We can say that potential for mutual support and interconnection has not exhausted yet. In the situation *when the wave of "revolutions" continues in the Northern Africa and Persian Gulf Region, situation remains dangerous in Afghanistan, Pakistan, Iraq, unstable political and economic situation after "orange revolutions" is in Kirghizstan, Georgia and Ukraine, Russia looks more attractive to Central Asian and Trans-Caucasian countries as close and not aggressive partner.*

Years of independent existence showed that money is important, but it does not solve all the problems. Besides, many CIS countries realized that it is safer and cheaper to develop macro-economic system with a strong, understandable, and not too aggressive country, when there is much of common positive experience left from mutual past. At present we can speak about certain consensus (despite existing disagreements) and understanding among countries of Small Eurasia that post-Soviet space is the biggest arena of severe competition for resources and influence, and for all states of this subsystem it will be more pragmatic and profitable to stay together.

Realization of this fact (though not always pronounced) plays for the benefit of Russia. Security and stability are also great

stimulus for cooperation: countries of Small Eurasia are afraid of the perspective that situation in the Middle East and Persian Gulf region might go out of control — emergence of so called “arch of instability” from Europe to China on the borders of Russia and Central Asian states. NATO forces do not necessarily guarantee any political and economic recovery. They also do not solve problems of criminal networks and criminal business in countries after “democratic revolutions”. It is a big question whether EU and the U.S. are ready and able to finance recovery of this great number of “new democratic” states. China might become and might not be the “donor” and “creditor” having one of the biggest gold and currency reserves.

In conclusion we can state that trend for reconfiguration of subsystem map of the world will continue. New structural organization of the international system is under way and its outcome is very important for the processes at subsystem level. Russia being the center of Big Eurasia and being in the epicenter of major trends for subsystem and space/territorial organization not only of European and Asian territories, but also of spaces around the continent, faces more challenges than any other country involved in the process.

One of the most acute and demanding tasks is to keep the subsystem around Russia, to remain the center of Small Eur-

asia and continue integrationist projects to its successful realization, to keep strong positions in the Arctic, in the Northern seas and lands, in the Far East and in the Black and Caspian seas. Among existing traditional subsystems “*Small Eurasia*” subsystem is the youngest and not very strong yet. However it is developing, it has survived for more than twenty years of a very hard period for all its countries.

The stability in Europe and Asia (and maybe in the world) will depend, among other things, on the situation in and with Small Eurasia. It is not only in Russia’s interests to consolidate it. It is important for regional and international security. However it will take more time for all the countries joined with it to fully realize benefits of being part of it and outside dangers for their future.

The 21st century will be the time of competition between old and new great powers, and to a great extent their success in consolidating high positions in world politics will be envisaged by their ability to organize spaces and territories around. Among them only the United States think of global control and of organizing huge transoceanic/transcontinental subsystems that will make global management possible. However the success of this ambitious plan will depend on the outcome of other major powers’ actions at macro regional level. A new reconfiguration of the world is ahead of us.

Bibliography

1. Emerging Powers in a Comparative perspective. The Political and Economic Rise of the BRIC Countries. Ed. by Vidya Nadkarni and Norma C. Noonan. N.Y.: Bloomsbury, 2012.
2. Shackleina Tatiana. Russia in the New Distribution of Power / Emerging Powers in a Comparative perspective. The Political and Economic Rise of the BRIC Countries. Ed. by Vidya Nadkarni and Norma C. Noonan. N.Y.: Bloomsbury, 2013. P. 163–188.
3. Shackleina T. Russia and the United States in World Politics. M.: ASPEKT PRESS, 2012.

¹ See: Emerging Powers in a Comparative perspective. The Political and Economic Rise of the BRIC Countries. Ed. by Vidya Nadkarni and Norma C. Noonan. N.Y.: Bloomsbury, 2012.

² The definition of a great power was suggested by the author in a number of publications. See: Shackleina Tatiana. Russia in the New Distribution of Power / Emerging Powers in a Comparative perspective. The Political and Economic Rise of the BRIC Countries. Ed. by Vidya Nadkarni and Norma C. Noonan. N.Y.: Bloomsbury, 2013. P. 163–188; Shackleina T. Russia and the United States in World Politics. M.: ASPEKT PRESS, 2012.

³ The term “Small Eurasia” — “Malaya Evrasia” was introduced by the author in 2006. It was used for the MGIMO Master program courses “Regional subsystems in contemporary international relations”, and “Great powers in world politics of the 21st century”, and then was included into the author’s publications.

ИНДИЯ, ШОС И БРИКС В СОВРЕМЕННОЙ ГЕОПОЛИТИКЕ

Т.Л. Шаумян

Мировая система в первое десятилетие третьего тысячелетия характеризуется формированием новых интеграционных объединений, возникновение которых может рассматриваться как создание противовеса биполярному и однополярному миру. Эта тенденция определяет возможность активного участия любой страны одновременно в нескольких двусторонних и многосторонних группировках и объединениях. Заинтересованность в участии в новых формированиях проявляют государства различных категорий и масштабов, различного природного, экономического, людского, военного потенциала, относящиеся к разряду развитых и развивающихся стран, великие державы и сверхдержавы, соседние, сопредельные или расположенные в тысячах километров друг от друга (например, Индия — Бразилия — Южная Африка, или БРИКС — Бразилия, Россия, Индия, Китай и Южная Африка).

Индия входит в крупные глобальные объединения — ООН и ДН, является членом и наблюдателем в региональных организациях ШОС, СААРК и БИМСТЕК, развивает активное сотрудничество в рамках Россия — Индия — Китай и Индия — Бразилия — Южная Африка и относится к группе стран БРИКС.

Включение Индии в список развивающихся наиболее быстрыми темпами стран не вызывает сомнений. В среднесрочном и долгосрочном контексте Индия приближается к статусу великой державы, соответствующему ее значительному людскому (второе место в мире после Китая по численности населения — более 1,2 млрд чел.), природ-

ному, экономическому, политическому и военному потенциалу. Она играет существенную роль в складывающемся балансе мировых и региональных военно-политических и стратегических сил и де-факто является ядерной державой. Как считает один из ведущих индийских экспертов по стратегическим проблемам, Раджа Мохан, «Индия вступает на мировую арену как первая за пределами географического Запада демократическая страна с обширной территорией, сильной экономикой, процветающей культурой, населением, отличающимся значительным этническим и религиозным разнообразием»¹. По численности населения Индия вдвое превосходит Европейский союз, а многие ее штаты — по европейским масштабам — крупное или очень крупное государство. Индия с ее более чем миллиардным населением является одной из самых «молодых» стран мира: 70% ее населения не достигли 30 лет.

Индия последовательно утверждается в качестве одной из ведущих экономических держав мира с высокими темпами ежегодного прироста ВВП (в 2006–2007 гг. 9,6%, в перспективе — 7–8%)², входит в число десяти самых быстрорастущих экономик мира; подтверждает свои лидирующие позиции по производству и экспорту продукции электронной промышленности, включая уникальные суперкомпьютеры, программное обеспечение для компьютеров и др. во многие страны мира (в том числе и в развитые индустриальные государства). Согласно прогнозам, общие темпы роста объема экспорта продукции современных информационных технологий

в 2012–2013 гг. составят 10,2%; в следующем финансовом году предполагается его увеличение на 12–14%: он должен составить от 84 до 87 млрд долл. США. К концу текущего года индустрия информационных технологий создаст около 188 тыс. новых рабочих мест, а общее число занятых в этом секторе сотрудников составит примерно 3 млн человек³. Индийская фармацевтическая промышленность производит четверть всех мировых лекарственных препаратов. Укрепление военно-промышленного потенциала Индии базируется на ускоренном прогрессе экономики и использовании современных информационных технологий для совершенствования вооружений.

Руководство Индии осознает, что утверждение в качестве ведущей мировой державы возможно лишь при условии принятия исключительных мер для борьбы с бедностью (29,8% населения по-прежнему находится за ее чертой), повышения уровня грамотности, максимального вовлечения населения страны в процессы производства и потребления, решения социальных проблем и др. Важным фактором стало бы повышение роли среднего класса, численность которого уже сегодня превышает 300 млн. Необходимым условием можно считать укрепление внутривнутриполитической стабильности, базирующейся на основах демократии, способности противостоять угрозам сепаратизма и экстремизма, утверждения принципов федерализма, провозглашенных Конституцией Индии, международно признанной в качестве одной из самых совершенных конституций в мире.

При анализе геополитических позиций страны индийские политологи традиционно рассматривают мир вокруг Индии в виде трех стратегических концентрических колец. Первое кольцо охватывает непосредственных соседей страны; индийская стратегия в этом регионе преследует цель укрепления доминирующих позиций Индии в южноазиатском регионе и предотвращение

вмешательства внерегиональных сил в отношения между странами Южной Азии. Второе кольцо — это расширенное соседство Индии в Азии и в зоне Индийского океана. Здесь Индия стремится уравновешивать влияние других государств и не допускать ущемления своих собственных интересов. Третье кольцо — это вся мировая арена, где Индия стремится занять место одной из великих держав и играть ключевую роль в обеспечении международного мира и безопасности⁴. Попробуем хотя бы в общих чертах рассмотреть основные внешнеполитические приоритеты Индии, которые определяют ее геополитические позиции в регионе и мире.

Для успеха индийской стратегии утверждения лидерства в южноазиатском регионе необходимо, прежде всего, обеспечение региональной стабильности, которая непосредственно зависит от характера отношений Индии со странами первого стратегического кольца, гарантий безопасности со стороны ее непосредственных южноазиатских соседей.

Достижение этих целей осложняется, прежде всего, последствиями раздела южноазиатского субконтинента по религиозному признаку на Индию и Пакистан в 1947 г.; в 1971 г. от Пакистана отделилась Республика Бангладеш. Эти события привели к перманентному индо-пакистанскому конфликту, обострили отношения между двумя ведущими конфессиями — индусами и мусульманами.

Основу индо-пакистанской конфронтации составляет несовместимость подходов к решению судьбы княжества Джамму и Кашмир со стороны претендующих на суверенитет над ним секулярной Индии и мусульманского Пакистана. Кашмирская проблема уже стала причиной четырех (или «трех с половиной») войн — 1947–1948, 1965, 1971 и 1999 гг., и постоянное состояние напряженности, взаимной подозрительности и взаимного недоверия двух веду-

щих стран региона создает ощущение, что субконтинент постоянно находится на грани возникновения нового вооруженного противостояния. Положение в Кашмире затрагивает и отношения Индии с Китаем, который, как считают в Индии, незаконно оккупирует часть территории штата Джамму и Кашмир в Ладакхе, в районе Аксай Чин.

Индия считает кашмирский вопрос в принципе решенным и обвиняет Пакистан в незаконной оккупации части территории индийского штата Джамму и Кашмир. Дели выступает категорически против любого внешнего участия в урегулировании кашмирской проблемы и осознает необходимость и право участия самого народа Кашмира в решении своей судьбы, выступая при этом против независимости Кашмира.

Пакистан, который солидарен с Индией в вопросе о независимости Кашмира, отошел от жесткой позиции признания необходимости проведения плебисцита под международным контролем в соответствии с резолюциями ООН и разрабатывает альтернативные варианты урегулирования проблемы. Обстановка в регионе серьезно осложнилась в связи с многолетним кровопролитием в Афганистане, ситуация в котором далека от стабильности. Осуществленные в 1998 г. в Индии и Пакистане ядерные испытания добавили масла в огонь и без того непростых отношений между Дели и Исламабадом.

Что касается «внешней среды» кашмирской проблемы, то если в период холодной войны в этой зоне сталкивались интересы США, СССР и Китая, сегодня конфликт перешел скорее на региональный уровень и связан в большей степени с интересами Индии и Пакистана, в определенной степени Китая. И США, и Россия, и Китай заявили о поддержке двустороннего решения конфликта на основе Симлских соглашений 1972 г. С благословения руководителей двух стран продолжается медленный, прерываемый

локальными вооруженными столкновениями, процесс индо-пакистанских переговоров, направленных на укрепление взаимного доверия, возобновления торгово-экономических отношений, установления связей между кашмирцами, проживающими по обе стороны линии контроля.

Особое место в индийских внешнеполитических приоритетах занимает Китай. С точки зрения чисто геополитической, его можно отнести к разряду стран, отношения с которым входят в понятие взаимодействия во всех трех концентрических кольцах. Китай является непосредственным соседом Индии; он расположен в границах второго кольца — расширенного соседства с Азией и зоной Индийского океана; наконец, Китай — великая держава мирового масштаба, один из ключевых игроков в обеспечении мира и безопасности на глобальном уровне. Индия и Китай являются традиционными соперниками, хотя и «естественными стратегическими партнерами», отношения между которыми до сих пор находятся под грузом застарелых нерешенных проблем. Вопрос о том, может ли Индия безоговорочно доверять Китаю, все еще не снимается с повестки дня, и получение на него ответа является для Индии сутью и целью двусторонних переговоров.

Геополитическое соперничество двух азиатских гигантов на региональном уровне реализовалось в затяжном пограничном споре, накал которого в течение десятилетий колебался от подписания важных двусторонних документов — до прямого вооруженного столкновения вдоль границы. В результате длительных и нелегких переговоров, в 1993 и 1996 гг. были подписаны соглашения о мерах доверия вдоль границы; в начале третьего тысячелетия сторонам, наконец, удалось договориться об отказе от урегулирования территориальных споров на основе правовых или исторических прецедентов и руководствоваться соображениями по-

литического характера. В настоящее время оба правительства, да и общественность обеих стран, четко осознают, что урегулирование территориальной проблемы возможно лишь на основе взаимоприемлемых компромиссов. Китай время от времени напоминает о претензии на территории, которые Индия считает своими, — а это в общей сложности около 134 тыс. кв. км в районе Аксай Чин в Ладакхе и территория индийского штата Аруначал Прадеш. Можно предположить, что в ближайшем будущем речь может идти о сохранении статус-кво вдоль границы, и принятые сторонами договоренности о мерах доверия вдоль линии фактического контроля создают для этого необходимые условия.

Серьезным раздражителем в отношении между Индией и Китаем продолжает оставаться тибетская проблема, пребывание Далай-ламы и десятков тысяч тибетских беженцев на территории Индии. Дели неизменно подтверждает свое признание Тибета неотъемлемой частью Китая, продолжает рассматривать Далай-ламу как религиозного лидера тибетцев и разрешает ему заниматься только такой деятельностью, которая соответствует этой роли. Китайская сторона относится к этим заявлениям с недоверием и подозревает Индию в пособничестве «тибетским сепаратистам».

Перспективы установления прочных стратегических связей между Индией и Китаем по-прежнему осложняет фактор Пакистана. Для Индии пакистано-китайское сотрудничество в военно-технической и политической области воспринимается еще более болезненно, чем нерешенность пограничной проблемы с Китаем. Поэтому, с точки зрения Индии, нормализация индийско-китайских отношений, которая носила бы необратимый характер, скорее всего, возможна лишь при условии прекращения пакистано-китайского военно-политического сотрудничества. Китайское руководство по-прежнему за-

веряет индийскую сторону, что это сотрудничество не может расцениваться как направленное против интересов Индии, что «индийский фактор» исключен из пакистано-китайских отношений, и Китай развивает свои отношения с Индией и Пакистаном параллельно и независимо друг от друга.

Парадоксальность же ситуации заключается в том, что между двумя крупнейшими геополитическими соперниками активно и продуктивно развиваются политические и торгово-экономические отношения. Стороны обмениваются официальными визитами; уже сегодня объем двусторонней торговли составляет более 60 млрд долл. США; таможенная статистика приводит даже 73,9 млрд долл. в 2011 г.; в ближайшие годы эта сумма может возрасти до 100 млрд. Фактически Китай превращается в главного торгового партнера Индии, опережая США и ЕС.

В результате ослабления напряженности на границах, в сфере ее непосредственных стратегических интересов, Индия обретет уверенность в защищенности своей территории, в результате чего она чувствует себя свободной для более активных действий на мировой арене, она может укреплять свои политические и экономические позиции в рамках второго и третьего стратегических колец: в Индийском океане, АТР, зоне АСЕАН и Центральной Азии. Активную роль в этих процессах играют готовые к быстрому развертыванию военно-морские силы Индии. Выход Индии в ее внешнеполитических приоритетах за пределы второго кольца неизбежно выводит ее на взаимодействие с крупнейшими мировыми державами — наряду с Китаем, с США и Россией, характер отношений с которыми во многом определяет геополитические позиции Индии на глобальном уровне.

В течение десятилетий США выступали в качестве геополитических союзников Пакистана и Китая, с которыми у

Индии существовали сложные отношения. США в кашмирском вопросе поддерживали позицию Пакистана, а разработка в Индии ядерной программы рассматривалась как прямая угроза безопасности в регионе. Индия же стремилась к обеспечению территориальной целостности и гарантиям своего права на ядерный выбор. В то же время она объявляла себя естественным союзником Соединенных Штатов. США выступили с резким осуждением проведенных Индией ядерных испытаний и ввели санкции против Индии.

Успешное осуществление экономических реформ, значительный экономический подъем страны, успехи Индии на мировой арене привели в Вашингтоне к пониманию необходимости выработки новых подходов к отношениям с Дели. Вашингтон поддержал позицию Индии в вооруженном конфликте с Пакистаном в Каргиле в 1999 г. Президент Дж. Буш отменил введенные против Индии санкции после ядерных испытаний 1998 г., расширил возможности сотрудничества в области высоких технологий, оказал Индии политическую поддержку в борьбе против терроризма и отошел от безоговорочной поддержки Пакистана в кашмирском вопросе. Индия, со своей стороны, поддержала администрацию Буша по ряду международных проблем, способствовала осуществлению операции в Афганистане, охраняя грузы США, переправлявшиеся через Малаккский пролив, и даже поддержала антииранскую резолюцию в МАГАТЭ. Несомненно, Индия была крайне заинтересована в изменении характера отношений с США ради укрепления своих глобальных позиций и усиления влияния в отношениях с другими великими державами, прежде всего с Китаем, с учетом того, что «китайский синдром» продолжал и продолжает играть существенную роль во внешнеполитических позициях Индии. Да и Вашингтон был заинтересован в том, чтобы предотвратить развитие слишком

тесных контактов между Пекином и Дели. Сформировался и круг общих интересов Индии и США: борьба с терроризмом и исламским радикализмом, утверждение демократических ценностей, обеспечение безопасности морских путей. Активно развиваются и торгово-экономические отношения. В настоящее время объем товарооборота составляет около 100 млрд долл., к 2020 г. предполагается его увеличить до 500 млрд долл.

Важным этапом в развитии американо-индийских отношений стало подписание в 2005–2006 гг. американо-индийской «ядерной сделки», которая открыла путь к сотрудничеству с Индией в области мирной ядерной энергетики. Обе стороны пошли на определенные уступки: США несколько скорректировали жесткость подхода к проблеме нераспространения ядерного оружия; Индия согласилась разделить свои ядерные программы на мирные и военные и взять на себя некоторые обязательства по нераспространению. Создается впечатление, что США пошли на эту сделку, имея в виду возможность формирования отношений подлинного альянса с Индией, добиться ее поддержки по многим глобальным проблемам, продемонстрировав, таким образом, понимание возрастающей роли Индии в современной политике.

Факторами долговременного характера определяются отношения между **Индией и СССР/Россией**. В годы холодной войны Индия являлась близким союзником СССР. Состояние советско-индийских отношений, развитие экономического сотрудничества между двумя странами, чрезвычайно важного для становления экономической независимости Индии, во многом определялись поддержкой Советским Союзом, а затем и Россией, позиций страны на международной арене.

Общность или близость позиций России и Индии по основным проблемам двусторонних, региональных и гло-

бальных отношений складывались на основе сформировавшихся в течение последних шести десятилетий советско/российско-индийских отношений, которые эволюционировали от стратегического союзничества на первом этапе к привилегированному стратегическому партнерству постконфронтационного периода.

Советский Союз с самого начала сделал свой «исторический выбор» в Южной Азии в пользу Индии и в течение последующего периода последовательно придерживался и придерживается этой политической линии, стараясь внести посильный вклад в поиски путей урегулирования конфликта в индо-пакистанских отношениях, общей обстановки в Южной Азии.

В российско-индийских отношениях сохраняется общность в подходах к решению проблем региональных и глобальных международных отношений, таких как утверждение принципов секуляризма, демократии и плюрализма, сохранения территориальной целостности государств. Большое значение придается сотрудничеству в вопросах построения многополярного мира; борьбе с международным терроризмом; позиции наших стран совпадают или близки в оценке ситуации в Ираке и вокруг него; обстановки на Ближнем Востоке. Россия и Индия подтверждают готовность сотрудничать в вопросах предотвращения распространения оружия массового поражения, несмотря на сохраняющиеся различия в подходах к практическим сторонам решения этой проблемы. Россия поддерживает усилия Индии по достижению статуса постоянного члена Совета Безопасности ООН; развивается трехстороннее сотрудничество России, Индии и Китая, а также отношения в формате ШОС и БРИКС. Российско-индийские отношения никогда не омрачались конфликтами или конфронтацией, стороны никогда не угрожали друг другу и старались не наносить ущерба интересам пар-

тнера. Хотя Россия с озабоченностью восприняла проведение Индией ядерных испытаний в 1998 г., в международных санкциях против Индии и Пакистана она участия не принимала.

С середины 1960-х гг. и вплоть до своего последнего часа Советский Союз оставался главным поставщиком оружия и военной техники в Индию. В результате в середине 1990-х гг. индийская армия на 70% была оснащена военной техникой советского или российского производства, военно-воздушные силы — на 80%, а военно-морские силы — на 85%.

Распад СССР нанес ошутимый удар по военно-техническому сотрудничеству. Резкое сокращение поставок военной техники и запасных частей для нее из России после 1991 г. в какой-то момент поставило индийские вооруженные силы перед немалыми трудностями.

Поэтому в декабре 1994 г. была подписана Долгосрочная программа по военному и техническому сотрудничеству на период до 2000 г., действие которой постоянно продлевается. Общая сумма индийских заказов у России в настоящее время составляет более 20 млрд долл. По российским технологиям в Индии производятся истребители Су-30МКИ, сверхзвуковые крылатые ракеты БраМос, танки Т-90С, с 2007 г. ведется совместная разработка перспективного многофункционального истребителя пятого поколения. В марте 2010 г. было подписано соглашение о создании совместного предприятия для осуществления проекта по созданию среднего транспортного самолета для ВВС России и Индии, стоимость которого оценивается в 600 млн долл. После долгих переговоров была достигнута договоренность об окончательной стоимости и сроках поставки в Индию авианосца «Викрамадитья» с оснащением его самыми современными истребителями. В настоящее время Индия является вторым после Китая получателем вооружений из России.

Военное сотрудничество России и Индии не ограничивается отношениями продавец — покупатель, оно предусматривает совместные разработки и развитие, обеспечение обслуживания военной техники, обучение персонала и пр. Это особый уровень сотрудничества, который возможен только между странами, у которых сформировалась высокая степень взаимного доверия. В августе 2012 г. Россия и Индия подписали рамочное соглашение о создании совместного предприятия по производству современных видов боеприпасов для нужд индийской армии. Намечается также расширение совместной деятельности в сфере лицензионной сборки российской военной авиатехники.

Имеет большое значение для обеих стран достижение договоренности о сотрудничестве России и Индии в использовании как в военных, так и в коммерческих целях Глобальной навигационной спутниковой системы (ГЛОНАСС). В результате они будут иметь на околоземной орбите по крайней мере 18 спутников ГЛОНАСС, что обеспечит ее бесперебойное функционирование (сейчас на орбите находятся 16 спутников).

В 2003 г. был подписан Протокол о российском содействии в строительстве в Индии АЭС Куданкулам в штате Тамилнаду. В 2013 г. завершается сооружение двух блоков суммарной мощностью 2 ГВт; было подписано соглашение о строительстве дополнительных четырех энергоблоков, причем строительномонтажные работы будут проводиться индийскими подрядчиками, а Россия предоставит проект АЭС, поставит необходимое оборудование и будет осуществлять авторский надзор. Планируется строительство атомной станции и в Западной Бенгалии. В будущем намечается строительство 16 объектов ядерной энергетики в трех районах Индии, причем шесть из них — между 2012 и 2017 гг. К сожалению, в последнее время возникли сомнения в возможности осуществле-

ния столь широких планов в развитии ядерной энергетики Индии: после катастрофы на «Фукусиме-1» активисты антиядерного движения, жители деревень, расположенных вблизи АЭС Куданкулам, организовали широкие демонстрации протеста против строительства и пуска ядерных объектов на территории Индии. Российские специалисты вынуждены были прекратить работы, поставив, таким образом, под сомнение возможность своевременного пуска 1-го и 2-го блоков. Индийское правительство не может не считаться с такими выражениями протеста против развития атомной энергетики, хотя в органы печати просачивалась информация о том, что эти выступления подчас носили спровоцированный характер. Как бы то ни было, Индия не собирается отказываться от планов создания атомной энергетики.

Индия обладает пятым по величине энергетическим рынком в мире. Перспективный доклад по энергетической ситуации до 2025 г., подготовленный правительством Индии, предусматривает 6% ежегодного прироста: разрыв между спросом на сырую нефть и ее наличием в последующие годы сильно возрастет. Это обстоятельство предопределяет широкие возможности для российско-индийского сотрудничества в топливно-энергетической сфере, которое традиционно осуществлялось в форме технического содействия России в строительстве и модернизации промышленных объектов на территории Индии. Подписаны контракты на сотрудничество в освоении и реконструкции нефтяных месторождений в штате Ассам, в западной части Бенгальского залива, обсуждаются планы совместной разработки нефтяных месторождений в Баренцевом море. Сделка между ведущей индийской нефтяной компанией «ONGC-Videsh», «Роснефть-Сахалин» и «Сахалинморнефтегаз-Шельф» явилась крупнейшим инвестиционным проектом индийской компании за рубежом и

крупнейшей сделкой России по продаже акций иностранной компании. «Сахалин 1» — один из крупнейших проектов в нефтегазовой сфере на российском Дальнем Востоке. Проект предусматривает разработку трех месторождений по добыче нефти на шельфе острова Сахалин.

Сфера информационных технологий становится важным направлением российско-индийского сотрудничества и инвестиций: еще летом 2000 г. стороны договорились о том, что Индия предоставит России возможность использовать суперкомпьютер ПАРАМ-10000, аналоги которого есть только в США и Японии. Эта договоренность уже реализована, и суперкомпьютер с успехом используется в нашей стране.

Торгово-экономические отношения явились той сферой российско-индийского делового сотрудничества, которая больше всего пострадала от распада СССР и которая только сейчас начинает выходить из кризисного состояния. Доля СССР в советско-индийском торговом обороте составляла примерно 70%, и его объем на момент распада СССР равнялся 5,5 млрд долл. В настоящее время он составляет около 11 млрд долл. К 2015 г. предполагается его увеличить до 20 млрд долл., что возможно лишь при значительном повышении доли продукции наукоемких производств в общем объеме товарооборота. Пока еще товарный состав взаимной торговли не отражает производственных и научно-технических возможностей обеих стран. Важнейшие отрасли народного хозяйства России и Индии, которые составляют основу их экономик, где концентрируются и воплощаются новейшие научные открытия и высокие технологии, в обмене участвуют крайне ограниченно. В торговле практически отсутствует, по крайней мере с российской стороны, продукция современных высокотехнологичных отраслей производства. Доля машинно-технической наукоемкой продукции не превышает 8%.

Отношения России с Индией носят уникальный характер с точки зрения масштабов сотрудничества, уровня взаимного доверия и взаимопонимания, готовности делиться самыми новейшими достижениями в различных областях — от космоса, самой современной военной техники и достижений в области современных информационных технологий — до обмена культурными и цивилизационными ценностями. Основные сферы двустороннего сотрудничества: энергетика, фармацевтика, информационные технологии, сталь, углеводороды, космос, обработка драгоценных камней, сельское хозяйство, сотрудничество в области обороны.

Индия заинтересована в укреплении отношений с Россией в рамках организаций многостороннего сотрудничества, особенно в свете того, что для Индии имеет большое значение поддержка со стороны России в деле борьбы с исходящей из Пакистана террористической угрозой. Индия стремится к сотрудничеству с Россией в деле разработки эффективных стратегий борьбы с терроризмом на основе координации деятельности спецслужб и работы систем сбора информации. Имеются огромные возможности для наращивания объема российско-индийской торговли, а также российско-индийского сотрудничества в сфере инвестиций и технологического развития. Существенно и то, что у России и Индии совпадают подходы по вопросам преодоления глобального экономического кризиса, борьбы с климатическими изменениями и осуществления управления на глобальном уровне. Проходят регулярные встречи совместной рабочей группы России и Индии по предотвращению терроризма. Предпринимаются совместные разработки в борьбе с наркотрафиком и пр. В ходе тройственных встреч министров иностранных дел России, Индии и Китая обсуждаются положение в Афганистане и расширение взаимодействия с ним по линии ШОС,

ситуация на Ближнем Востоке, на Корейском полуострове; иранская ядерная программа, обострение обстановки в Сирии и пр.

Известные индийские аналитики Камал Митра Ченой и Ануранда М. Ченой констатируют, что на современном этапе индийская внешняя политика характеризуется переходом от активного участия в крупных объединениях глобального уровня к политике создания альянсов и объединений небольшого числа стран, расположенных, в том числе, вне границ южноазиатского региона и сопредельных с Индией государств, традиционно находившихся в сфере ее жизненно важных интересов. Развитие сотрудничества Индии, Бразилии и Южной Африки, активизация отношений Индии с США, подписание 123 индо-американских соглашений, включая соглашения в стратегической области, могут, по мнению авторов, могут расцениваться как еще одно свидетельство стремления Индии выйти за рамки региона и добиваться признания ее в качестве великой мировой державы⁵.

Упомянутые новые тенденции во внешнеполитическом курсе Индии отражаются на ее участии в региональных объединениях, на отношения в рамках ШОС, в условном треугольнике Россия — Индия — Китай, а также в завоевывающем все новые позиции — БРИКС.

Индия и ШОС в новых геополитических условиях

Присоединение к ШОС в 2005 г. даже в статусе наблюдателей таких стран, как Индия, Иран и Пакистан, превратило эту организацию в самую крупную геополитическую структуру безопасности и экономического сотрудничества, объединившую наиболее населенные государства мира и охватывающую основные регионы евразийского геополитического пространства с совокупным населением около 3 млрд чел.⁶ Индия разделя-

ет подходы ШОС к таким проблемам, как борьба с терроризмом, несогласие с концепцией «однополярного мира» и «цветных революций», активно поддерживает стремление к укреплению экономических связей между государствами ШОС.

Индия заинтересована в развитии научно-технического и торгово-экономического сотрудничества со странами Центральной Азии, учитывая потребность в энергоносителях. Как известно, в ШОС собрались как крупнейшие в мире производители энергоресурсов, такие как Россия и Казахстан, так и крупнейшие их потребители, такие как Индия и Китай. Было предложено регулярно проводить встречи министров энергетики стран ШОС, приступить к осуществлению проектов строительства газопроводов в Индию из Ирана через Пакистан и из Туркмении через Афганистан и Пакистан. Особое внимание должно уделяться созданию транспортного коридора «Север-Юг», который обеспечил бы короткий и эффективный торговый путь в Россию и Центральную Азию.

Осуществление совместных экономических проектов в рамках ШОС, таких, например, как нефте- и газопроводы из Ирана, Узбекистана, а также Туркмении, через территории Индии и Пакистана (договор о строительстве газопровода с Тегераном и Исламабадом был подписан в июне 2005 г. министром нефти Индии), может стать одним из факторов нормализации отношений и развития сотрудничества между Индией и Пакистаном.

Ветеран индийской дипломатии, известный аналитик М.К. Бхадракумар следующим образом определяет значение ШОС вообще и для Индии — в частности⁷. Он полагает, что интересы Индии и стран — членов ШОС в борьбе с терроризмом, религиозным экстремизмом и политическим сепаратизмом совпадают. Участие в ШОС укрепляет такое направление политики Индии, как «Взгляд

на Восток». Для Индии важно также и то, что ШОС предлагает широкую сферу экономического сотрудничества: развитие инфраструктуры, сотрудничество в области энергетики и коммуникаций, а в недалеком будущем возможно создание общего рынка.

Заинтересованность Индии в развитии сотрудничества с ШОС отмечал в интервью информационному агентству «ИнфоРос» бывший посол Индии в России Канвал Сибал 8 июня 2007 г. Отметив важность давних исторических, культурных и цивилизационных связей Индии со странами Центральной Азии и близость региона к границам Индии, индийский дипломат, в частности, отметил, что Индия видит «много выгод и преимуществ» в участии в ШОС, в организации, которая «стимулирует экономический рост, процветание и стабильность в регионе. А чем более стабильным и процветающим будет этот регион, тем больше возможностей у него будет для взаимодействия и сотрудничества с Индией». К. Сибал выделил такие сферы сотрудничества, как энергетика и коммуникации, информационные технологии, фармацевтика, а также борьба с религиозным экстремизмом, нелегальным оборотом наркотиков и терроризмом.

В сентябре 2007 г. Всеиндийское радио выступило с комментарием, в котором было сказано, что изначальный интерес Индии к ШОС в настоящее время «ослабевает в связи с индоамериканской ядерной сделкой»⁸. По мнению ряда индийских аналитиков, участие в заседаниях ШОС не премьер-министра М. Сингха, а министра нефти и газа Мурли Деора⁹ могло свидетельствовать об ограниченности интереса Индии к ШОС и демонстрировало, какие именно сферы деятельности ШОС представлялись для Индии приоритетными¹⁰. Ситуация изменилась, когда впервые после 2005 г. во встрече в Екатеринбурге в июне 2009 г. участвовал премьер-министр Манмохан Сингх. Государственный ми-

нистр по иностранным делам Шившанкар Менон во время встречи с журналистами подчеркнул, что Индия придает важное значение этой встрече в период мирового финансового кризиса и учитывает принятое в 2008 г. решение стран ШОС о необходимости участия лидеров стран-наблюдателей — Индии, Ирана, Монголии и Пакистана — во всех мероприятиях ШОС¹¹.

После снятия в июне 2010 г. на саммите в Ташкенте моратория на прием новых членов в ШОС Индия приступила к изучению условий вхождения в организацию на правах полноценного члена, о чем заявил 13 ноября 2010 г. официальный представитель МИД Индии Вишну Пракаш. На пресс-конференции в Дели 21 декабря 2010 г. тогдашний президент РФ Д.А. Медведев заявил, что Россия поддерживает вступление Индии в ШОС и готова способствовать ускорению этого процесса.

Следует обратить внимание еще на одно обстоятельство. 17 августа 2007 г. на территории России в районе Урала были проведены широкомасштабные военные маневры, что было расценено некоторыми аналитиками как утверждение ШОС в качестве противовеса попыткам усиления влияния США и НАТО в регионе. Кроме президентов стран — членов ШОС, на них присутствовали президенты Монголии, Ирана и Афганистана, а также министр иностранных дел Пакистана и министр нефти и газа Индии.

Создается впечатление, что в деятельности ШОС усиливается значение военного компонента. Еще в 2004 г. в рамках ШОС была создана Региональная антитеррористическая структура для обмена информацией и совместного обучения антитеррористических подразделений. В 2006 г. было институционализировано сотрудничество между министрами обороны и создан Совет министров обороны стран — членов ШОС. В начале 2007 г. российская сторона представила проект соглашения об установлении более тесных связей в во-

енной области между странами — членами ШОС¹². Индия предпочитает дистанцироваться от участия в обсуждении военных, стратегических и политических проблем в рамках ШОС, уделяя внимание торгово-экономическому и политическому сотрудничеству.

Ради утверждения статуса ведущей азиатской державы и расширения связей с Ираном, государствами Ближнего и Среднего Востока и Юго-Восточной Азии, Индия в среднесрочной и долгосрочной перспективе будет развивать связи с Центральной Азией и государствами — членами и наблюдателями ШОС. Усиление роли Индии в регионе совпадает с интересами России, так как может стать фактором сдерживания здесь как Китая, так и США. По мнению аналитиков, несоответствие (если не столкновение!) интересов США, России и Китая в Центральной Азии «подогревает» Индию к активизации политики в этом регионе.

Учитывая, что строгое следование принципам ядерного нераспространения является установочным для стран — членов ШОС, тот факт, что Индия (так же как и Пакистан), будучи де-факто ядерной державой, не присоединилась к Договору о нераспространении ядерного оружия, может служить осложняющим фактором при рассмотрении вопроса о вступлении ее (а также и Пакистана) в ШОС в качестве полноправного члена.

Россия — Индия — Китай: перспективы сотрудничества

Отношения между Россией, Индией и Китаем базируются на сформировавшихся в течение десятилетий двусторонних отношениях, которые не всегда характеризовались дружбой и сотрудничеством и подчас переходили в состояние конфронтации. В настоящее время предпринимаются попытки выявить и развивать те сферы политического, экономического, научно-технического и цивилизационного сотрудничества, в которых могли бы участвовать все три страны.

С сентября 2001 г. осуществляется трехсторонний научно-исследовательский проект «Россия — Индия — Китай в XXI веке», инициаторами и организаторами которого стали Институт Дальнего Востока РАН, Индийский институт китаеведения и Китайский институт международных проблем при участии экспертов-политологов из других научных центров России, Китая и Индии. Эти неофициальные практические дискуссии развиваются в рамках так называемой «третьей дорожки» — на уровне ученых-политологов, которая практически вывела переговорный процесс на уровень «второй дорожки» при участии официальных лиц с трех сторон, а отсюда путь лежит и к «первой дорожке», предусматривающей встречи руководителей трех стран.

Начало трехстороннего переговорного процесса в рамках «второй дорожки» было положено встречами министров иностранных дел России, Индии и Китая в ходе сессий Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке в 2003–2004 гг. В октябре 2004 г. министры встретились в Алматы в рамках встречи министров иностранных дел стран-участниц Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии. 2 июня 2005 г. во Владивостоке состоялась четвертая по счету неофициальная встреча и первая встреча руководителей внешнеполитических ведомств трех стран вне рамок участия в каких-либо других международных форумах. По итогам владивостокской встречи было впервые опубликовано Совместное коммюнике, в котором была подтверждена общность подходов к основным вопросам мирового развития в XXI в.; министры «высказались в пользу демократизации международных отношений, нацеленной на построение справедливого международного порядка, в основе которого должны лежать соблюдение норм международного права, равенство и взаимное уважение, сотрудничество и продвижение в сторону многополюсности».

Министры заявили о намерении России, Индии и Китая сотрудничать друг с другом в борьбе с новыми вызовами, высказались за налаживание взаимодействия правоохранительных органов трех стран в борьбе с наркотрафиком и другими проявлениями трансграничной преступности. Обсуждались также перспективы трехстороннего экономического взаимодействия, в том числе в таких областях, как транспорт, сельское хозяйство, энергетика и высокие технологии.

Основанием для признания важности такого сотрудничества служит «замыкание» треугольника, прорыв в укреплении казавшегося наиболее уязвимым его звена — индийско-китайских отношений, которые за последние годы вышли на качественно новый уровень.

17 июля 2006 г. в Санкт-Петербурге в ходе мероприятий, связанных с саммитом стран «Большой восьмерки», состоялась первая трехсторонняя встреча Президента России В.В. Путина с премьер-министром Индии Манмохан Сингхом и Председателем КНР Ху Цзиньтао, которая была подготовлена встречами руководителей внешнеполитических ведомств, видных политиков и экономистов трех стран. 25 января 2007 г. в Дели по итогам официального визита Владимира Путина в Индию было подписано Совместное заявление, в п. 27 которого говорится, что «стороны выступают за расширение сотрудничества в трехстороннем формате Россия — Индия — Китай».

Трехсторонние встречи министров иностранных дел России, Индии и Китая проходят регулярно по очереди в трех странах. В феврале 2007 г. в Нью-Дели министры отметили укрепление взаимопонимания и доверия в отношениях между тремя странами и выразили готовность «продолжать консультации по вопросам, представляющим общий интерес, на высшем политическом уровне для содействия достижению целей трех стран в области развития, а также обеспечению

мира, безопасности и стабильности в регионе и во всем мире». Был отмечен значительный потенциал взаимовыгодного экономического взаимодействия в таких областях, как энергетика, создание транспортной инфраструктуры, здравоохранение, высокие технологии, включая информационные технологии и биотехнологию. Министры Китая и России подтвердили, что их страны придают большое значение статусу Индии в мировой политике и с пониманием и поддержкой относятся к стремлению Индии играть более важную роль в ООН. Министры согласились, что скорейшее вступление в силу Международной конвенции по борьбе с актами ядерного терроризма, а также принятие ООН предложенного Индией проекта Всеобъемлющей конвенции о международном терроризме приведут к дальнейшему упрочению международно-правовой базы для борьбы с терроризмом. Была зафиксирована общность или близость позиций по таким международным проблемам, как ситуация на Ближнем Востоке, в Ираке и Афганистане.

На встрече 24 октября 2007 г. в Харбине впервые был поставлен вопрос о необходимости создания «механизма трехсторонних межведомственных консультаций на уровне руководителей департаментов или отделов в целях укрепления координации и сотрудничества трех стран по региональным и международным вопросам и реализации договоренностей, достигнутых на встречах министров иностранных дел». Положительно воспринято предложение Индии об организации в 2008 г. семинара по вопросам геополитических и стратегических тенденций с участием «государственных должностных лиц и ученых», который состоялся в Дели 27–29 марта 2008 г.

В ходе пресс-конференции, состоявшейся по итогам десятой, юбилейной встречи трех министров, которая состоялась в Ухани (КНР) 15 ноября 2010 г., министры подтвердили, что объеди-

нение стало важной составной частью международной дипломатии; три страны придерживаются общих или близких позиций по многим международным или региональным проблемам, считает российский министр. Руководитель внешнеполитического ведомства Индии С.М. Кришна отметил важность совместного осуществления таких проектов, как сотрудничество Бангалора с российским инновационным центром в Сколково. Было обращено внимание на необходимость углубления сотрудничества в энергетической области, в сфере борьбы со стихийными бедствиями, здравоохранении, медицине и сельском хозяйстве¹³.

Несмотря на то, что по многим проблемам региональных и глобальных отношений позиции трех сторон близки или совпадают, выявились и различия в подходе сторон к вопросам, в которых прямо или косвенно затрагивались интересы США и Пакистана. Как пишет в газете «Хинду» известный индийский политолог и журналист Сиддхарт Варадараджан, у него создалось впечатление, что во время трехсторонней встречи в Ухани, в помещении, где она проходила, незримо присутствовали «два слона»: США и Пакистан. Представители Китая и Индии старались избегать упоминаний терроризма и блоковой политики в той форме, которая могла быть негативно воспринята «американскими и пакистанскими друзьями»¹⁴. Китайский министр не использовал такой формулировки по терроризму, которая могла быть расценена как антипакистанская, и счел неприемлемым упоминание об «убежищах для террористов» (несмотря на то, что такого рода убежища на территории Пакистана упоминались даже президентом США). Индия с настороженностью отнеслась к возможности упоминания Декларации о безопасности в АТР, принятой в сентябре 2010 г. Россией и Китаем, так как она может быть расценена как антиамериканская и антияпонская, а Де-

ли активно развивает отношения с обеими этими странами¹⁵.

«Американский фактор» присутствовал и при обсуждении афганской проблемы. Три министра выразили серьезную обеспокоенность осложнением ситуации в Афганистане и высказались за необходимость укрепления афганских вооруженных сил. Российская сторона предложила начать сепаратные трехсторонние переговоры о ситуации в Афганистане, против чего возразил Китай на том основании, что это может быть негативно воспринято Пакистаном и США¹⁶. Тем не менее в тексте совместного коммюнике содержался пункт о необходимости «развития афганских сил по обеспечению национальной безопасности для того, чтобы Афганистан имел возможность защищать свой суверенитет и независимость»¹⁷.

Министры иностранных дел Китая, России и Индии признали право Ирана на мирное использование атомной энергии, считая, что диалог и переговоры являются единственным вариантом решения ядерной проблемы Ирана.

В целом же можно предположить, что Индия, демонстрируя стремление учитывать интересы США в своих подходах к региональным проблемам, рассчитывает на обеспечение своих собственных национальных интересов (в том числе это касается «ядерной сделки»), а также укрепить свои позиции vis-a-vis Китая.

Активное участие в деятельности ШОС России, Индии и Китая придает их трехстороннему сотрудничеству международно-правовую основу. Именно в рамках ШОС возможны их совместные усилия в противодействии терроризму и наркотрафику, обеспечении энергетической безопасности, проведении совместных военных маневров, о чем упоминалось руководителями военных ведомств трех стран после проведения российско-китайских и российско-индийских военных учений летом и осенью 2005 г.¹⁸,

а также военных учений августа 2007 г. Премьер-министр Пакистана не исключил возможности обращения его страны с просьбой об участии пакистанских военных в совместных антитеррористических маневрах, аналогичных тем, которые проводили Россия, Индия и Китай на двусторонней и в перспективе на трехсторонней основе¹⁹.

Индия и БРИКС: перспективы взаимодействия

Аббревиатура БРИК (Бразилия, Россия, Индия и Китай) прочно вошла в международный лексикон после опубликования в 2003 г. американским инвестиционным банком Goldman&Sachs доклада Global Economic Paper No 99 Dreaming with BRICs: The Path to 2050 — как группа стран, которые в ближайшие сорок лет должны стать ведущими экономическими державами мира. После присоединения к БРИК на саммите в Китае в 2011 г. Южной Африки БРИК трансформировался в БРИКС, который превратился в трансконтинентальное содружество, по существу объединившее в себе два возникших в начале третьего тысячелетия форматов: РИК — Россия, Индия, Китай и ИБСА — Индия, Бразилия, Южная Африка.

В опубликованном в 2005 г. новом докладе аналитиков Goldman&Sachs под названием «Насколько прочен БРИК?», говорилось, что за годы, прошедшие после выдвижения идеи БРИК/БРИКС, ее авторы, как они сами признают, лишь убедились в том, что они были правы: принятие оптимальных экономических решений возможно лишь с учетом интересов всех четырех, а впоследствии и пяти стран БРИКС, развитие которых происходит еще более быстрыми темпами, чем предполагалось ранее. Они утверждают также, что при благоприятных обстоятельствах к 2041 г. Китай превратится в государство с самой развитой в мире экономикой, а Индия к 2035 г. будет занимать третье место в мире²⁰.

Если в первой публикации предполагалось, что к концу текущей декады совокупный вес БРИК в мировом ВВП составит 10%, то в последней констатируется, что по итогам 2007 г. он уже составил 15%.

Страны БРИК охватывают 40% мирового населения, 25,9% мировой территории и 40% мирового GDP, представляют около 15% мировой экономики и обладают приблизительно 40% мировых финансовых резервов. Эти страны (за исключением, может быть, России) переживают мировой финансовый кризис с меньшими потерями, чем вся мировая финансовая система, и, по мнению индийских аналитиков, будучи важной движущей силой современного развития мировой экономики, способствуют преодолению кризиса.

В то же время, как представляется, объединяя четыре столь разные страны под аббревиатурой БРИК, аналитики «Голдмэн энд Сакс» исходили из уровня и темпов их экономического развития и вряд ли имели в виду создание какой либо организации или тем более блока. Изначально не стоял вопрос о создании структуры БРИК, не имелась в виду какая-то формальная схема интенсификации экономического и политического взаимодействия. Идея сотрудничества предполагала постепенное развитие потенциальных участников до установления по-настоящему преференциальных связей. У стран БРИКС нет абсолютного совпадения интересов, у них различные ценностные базы, они являются носителями различных цивилизаций — иберо-американской, славянско-православной, индуистско-буддийской и конфуцианской, и именно это можно считать фактором, способствующим сохранению целостности этих национальных государств в условиях глобализации.

Особое место в системе взаимодействия стран БРИКС занимают экономические и финансовые проблемы, связанные в том числе с последствиями

мирового кризиса; совместный поиск «альтернативной модели развития» на принципах многополярности, сбалансированного развития экономики и торговли, сохранения энергоресурсов планеты. Индия, как и остальные страны БРИКС, выступает за демократизацию мировой финансовой системы и финансовых институтов, рассматривая этот процесс как часть утверждения многополярного мира. Индия считает необходимым укрепление двустороннего сотрудничества между странами БРИКС для выработки их «коллективного мнения» по важным международным вопросам.

Энергетическая безопасность может служить платформой для выработки общих взглядов стран БРИКС на эту мировую проблему с учетом того, что Россия — крупнейший производитель энергоносителей, Китай и Индия — крупнейшие потребители; Бразилия предпринимает серьезные усилия для создания альтернативной энергетики, и в этом направлении возможно ее сотрудничество с Индией, где осуществляются такого же рода разработки и все шире используются солнечная энергия и биотопливо²¹.

Обеспечение сотрудничества на экономическом фронте — одна из главных задач Индии в рамках БРИКС. Для Индии взаимодействие с партнерами по БРИКС открывает возможность делиться собственным опытом и заимствовать опыт других стран, тем более что, будучи развивающимися странами, они сталкиваются с общими вызовами, а вызовы глобального характера сказываются на них в значительной мере схожим образом. Не ограничиваясь участием в дискуссиях на тему преодоления последствий глобального финансового кризиса, Индия играет активную роль в обмене мнениями по вопросам продовольственной безопасности, устойчивого развития сельского хозяйства, борьбы с эпидемиями, оказания международной помощи, энергетики и глобального потепления. В опубликованной 9 февраля 2013 г. Кон-

цепции участия Российской Федерации в объединении БРИКС отмечается, что Россия «выступает за позиционирование БРИКС в мировой системе как новой модели глобальных отношений, строящейся поверх старых разделительных линий Восток — Запад или Север — Юг».

Для Дели приоритетными в рамках БРИКС являются продовольственная и энергетическая безопасность, а также борьба с терроризмом. Лидеры стран БРИКС в целом поддерживают Индию и Бразилию в их стремлении получить статус постоянных членов Совета Безопасности ООН и играть более весомую роль в деятельности этой влиятельной организации. Эту цель трудно обеспечить без поддержки России и Китая. Учитывая, что предложения о расширении состава постоянных членов Совета Безопасности ООН включают изменение статуса таких стран, как Индия, Бразилия, Германия, Япония и др., вызывает определенные сомнения готовность Китая поддержать изменение статуса Японии (с учетом сохраняющихся проблем в японо-китайских отношениях), а также и Индии, традиционного геополитического соперника Китая, с которой у Пекина сохраняются нерешенные территориальные проблемы. Что касается Российской Федерации, то, как указывается в Концепции участия России в объединении БРИКС, она «поддерживает реформирование Совета Безопасности ООН в целях повышения его представительности, однако без ущерба для его оперативности и эффективности и при сохранении прерогатив нынешних постоянных членов Совета Безопасности ООН, включая их право вето».

В рамках БРИКС и вне их Индия находится в специальном трехстороннем партнерстве с Бразилией и ЮАР. Обе страны напрямую оппонировали Западу по вопросам свободной торговли в ходе многочисленных раундов переговоров по ВТО, особенно во время встречи в Канкуне в 2003 г. Между Бразилией и Индией развивается кооперация в сфере метал-

лургии, нефтедобычи, авиа и автомобилестроения, осуществляются совместные разработки в военно-технической области. Так, в августе 2012 г. бразильская компания EMBRAER передала Индии первый из трех заказанных в 2008 г. самолетов дальнего радиолокационного обнаружения и управления EMB-145, который может развивать скорость до 830 км в час и совершать перелеты на расстояние до 3 тыс. км. Сумма сделки тогда составила 208 млн долл.²² В то же время нельзя исключить перспективу усиления конкуренции между Индией и Бразилией на рынке этанола, в области производства и экспорта программного обеспечения, в металлургической, военно-технической и других сферах, если не будут определены долгосрочные совместные стратегии двух стран на рынке товаров и услуг.

Активизировались отношения Индии с Южной Африкой. В мае 2012 г. ЮАР посетила президент Индии Пратибха Патил. В ходе переговоров была достигнута договоренность об увеличении товарооборота с 10,64 млрд долл. США до 15 млрд долл. в 2014 г.²³

16 августа 2012 г. государственная нефтяная компания Южной Африки PetroSA и индийская компания по разработке нефтяных и газовых месторождений Cairn India Group подписали соглашение о разработке нефтяных и газовых месторождений в долине реки Оранжевая на восточном побережье Южной Африки. Обе стороны заявили о важности этого соглашения и о намерении в будущем развивать отношения в этой области. Руководство индийской компании расценило это соглашение как первый шаг по выходу за пределы Индийского субконтинента²⁴.

12 сентября 2012 г. индийский государственный коммерческий банк — Bank of India — официально открыл в Йоханнесбурге свое первое отделение, цель которого, по словам его директора по менеджменту Алока Мишры, развивать деловое сотрудничество, в особенности мелкого и среднего бизнеса, и расширять

торговые отношения «между двумя растущими экономическими державами»²⁵.

Пять государств БРИКС пришли к столь тесному взаимодействию уже будучи сформировавшимися акторами мирового сообщества со своими взглядами и грузом прошлых проблем. Объединение в одну группу пяти достаточно различных стран не означает, что практическое взаимодействие между ними всегда было бесконфликтным, что между ними не существует различий и разногласий, которые ограничивают их возможности сотрудничества. Неудивительно поэтому, что они не занимают общих позиций по некоторым международным проблемам.

Хотя БРИКС может расцениваться как арена для общения между Индией и Китаем, вряд ли можно предположить, что две великие соперничающие мировые державы смогут в краткосрочной или даже в среднесрочной перспективе урегулировать сохраняющиеся между ними спорные проблемы.

Индия и Китай в большей степени пострадали от замедления темпов мирового развития; Бразилия пострадала в меньшей степени. Россия и Бразилия, которые получают значительные средства от продажи энергоресурсов и других видов продукции, заинтересованы в том, чтобы цены на них росли. Индия и Китай, которые все в большей степени являются потребителями этих товаров, заинтересованы в снижении цен на них. Это обстоятельство ограничивает возможности стран БРИКС договориться о приемлемых для всех ценах на нефть и газ. Имеются различия и в их отношении к США. Россия является активным критиком внешней и экономической политики США; Бразилия и Китай, которые в значительной степени интегрированы в американскую экономику, гораздо осторожнее. Отношения Индии с США в последнее время значительно активизировались, и поэтому Индия не готова принимать участие в каких-либо альянсах на антиамериканской основе.

Существуют расхождения и относительно проблемы замены доллара как мировой резервной валюты. Россия более активна в выступлениях за создание новой наднациональной валюты. Китай вряд ли согласится на это, так как его финансы в значительной степени интегрированы в долларовую систему. Правительство Бразилии в целом поддерживают идею ослабления позиции доллара как резервной валюты, демонстрируя скорее поддержку Китая и России, чем выдвигая конкретные предложения в этом направлении. Индия просто не проявляет интереса к этой проблеме, поэтому выработка общей позиции представляется проблематичной.

В то же время сохраняются и особенности индийской позиции по таким проблемам, как нераспространение ядерного оружия и урегулирование региональных конфликтов. Как известно, Индия, которая с первых дней после завоевания независимости выступает за запрещение ядерного оружия, не подписала Договор о нераспространении ядерного оружия, считая его дискриминационным и неэффективным. Таким образом, своими испытаниями ядерного оружия в мае 1998 г. Индия не нарушила ни одного своего международного обязательства, поскольку она не подписывала ни Договор о нераспространении ядерного оружия, ни Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний. Тогдашний премьер-министр Индии А.Б. Ваджпай заявил, что ядерное оружие Индии — это оружие самообороны для того, чтобы страна не подвергалась ядерным угрозам.

Что касается проблемы региональных конфликтов, то Индия принципиально выступает за их урегулирование на двусторонней основе, без участия и вмешательства «третьих» сил, без вынесения спорных проблем на обсуждение международных форумов. Так, можно констатировать, что попытки Пакистана поставить кашмирскую проблему на обсуждение ООН и других международ-

ных форумов и организаций лишь способствуют сохранению напряженности в индо-пакистанских отношениях.

В июне 2009 г. в Екатеринбурге после серии встреч министров иностранных дел стран БРИК состоялась первая встреча руководителей этих стран²⁶. В совместном заявлении, принятом 16 июня, содержалось 16 как политических пунктов, так и призывов к перестройке мировой финансовой архитектуры. Было подтверждено требование увеличения их роли в международных финансовых институтах, разработки диверсифицированной валютной системы, поставлен вопрос о помощи развивающимся странам, которые в большей степени пострадали от финансового кризиса. В документе не содержалось антидолларовых пунктов с учетом того, что значительная часть из 2,8 трлн золотовалютных резервов стран БРИК вложена в государственные ценные бумаги Казначейства США.

В 2010 г. в ходе визита в Бразилию премьер-министр Индии Манмохан Сингх выступил с призывом к более тесному сотрудничеству в обеспечении энергетической и продовольственной безопасности, а также предложил повнимательнее присмотреться к возможностям, существующим в таких областях, как инвестиции, научные исследования, технологические разработки и инфраструктурное развитие. М. Сингх отметил также, что соединение опыта различных участвующих в данных группах стран способно существенно расширить границы зоны экономического роста.

Выступая на саммите в Санья (Китай) в конце марта 2011 г., Манмохан Сингх призвал к максимальному использованию того огромного потенциала, которым обладают государства БРИКС, и еще раз констатировал, что их сотрудничество не направлено против кого-либо и не развивается за счет третьих стран.

29 марта 2012 г. премьер-министр Индии на четвертой встрече лидеров стран БРИКС в Дели отметил ряд пре-

пятствий, которые необходимо преодолеть на пути к устойчивому развитию в предстоящие годы, в условиях, когда все страны БРИКС оказались под воздействием глобального спада в развитии экономики, роста цен на продовольствие и энергоресурсы, обострения проблем, связанных с охраной окружающей среды, политической нестабильностью в Западной Азии, усилению терроризма и экстремизма. Индийский премьер-министр отметил необходимость решения проблем занятости и создания рабочих мест; обеспечения энергоносителями, продовольствием и водными ресурсами; содействия устойчивому и стабильному экономическому росту; поисков возможностей обеспечения взаимодополняемости экономик стран БРИКС и расширения взаимодействия между их деловыми кругами. Манмохан Сингх повторил предложение о создании в рамках БРИКС Банка развития Юг-Юг; напомнил о необходимости реформирования Совета Безопасности ООН; важности обмена современными технологиями и опытом урбанизации в своих странах; принятия мер для увеличения подушевого дохода. Индийский премьер отметил необходимость урегулирования ситуации в Западной Азии и Афганистане. Все перечисленные пункты были включены в План действий, одобренный на саммите, и Делийской декларации по итогам встречи²⁷.

Что касается дальнейшего развития торгово-экономического сотрудничества между странами БРИКС, то их предрасположенность к партнерству пока не переросла в само партнерство, так как «полноценное партнерство» в XXI в. подразумевает кооперирование в сфере высоких технологий. Среди стран БРИК к достижению этой цели ближе всего КНР и Бразилия, которые развивают широкое сотрудничество в таких областях, как освоение космоса, совместное производство авиационной техники и автомобилей, планируется кооперирование в развитии возобновляемых источ-

ников энергии на основе бразильского этанола и биодизеля, в сфере биотехнологий и фармацевтики, мирного использования атомной энергии. Между Бразилией и Индией развивается кооперация в сфере металлургии, нефтедобычи, авиа- и автомобилестроения, осуществляются совместные разработки в военно-технической области.

Говоря о значении встреч руководителей стран БРИКС, один из руководителей индийского внешнеполитического ведомства, Шившанкар Менон, отметил три причины, по которым Индия заинтересована в деятельности этого объединения. Во-первых, важное значение имеет регулярный обмен мнениями руководителей четырех стран по проблемам глобальной финансовой и экономической ситуации. Во-вторых, Индия придает большое значение подготовительной деятельности, которая осуществляется на уровне «второй дорожки» и встречах на академическом уровне, что дает возможность расширять повестку дня встреч и открывает путь к широкому экономическому сотрудничеству. Наконец, индийский министр констатировал широкое совпадение точек зрения руководителей четырех стран по важнейшим политическим проблемам²⁸.

Как бы то ни было, в будущем влияние стран БРИКС на деятельность мировых финансовых и политических институтов будет усиливаться, их экономика будет занимать значительное место в мировом ВВП, и в результате политическое влияние этих стран будет лишь укрепляться. Об этом, в частности, свидетельствовали результаты переговоров министров финансов стран БРИКС, состоявшихся в Лондоне 4 сентября 2009 г. в преддверии встречи министров финансов G20. Было принято решение инвестировать в облигации МВФ 80 млрд долл. Китай планирует вложить 50 млрд, Россия, Индия и Бразилия — по 10 млрд²⁹. Эксперты «Голдмэн энд Сакс» считают, что «страны БРИК дают понять, что являются частью главной лиги. Они

намерены покупать бонды МВФ не для того, чтобы диверсифицировать резервы, а для того, чтобы получить более значительный вес на мировых рынках».

На состоявшейся в Мехико в 2012 г. встрече министров финансов стран БРИКС Индия предложила создать банк развития «Юг-Юг», или так называемый банк БРИКС, для поддержки развивающихся стран, что должно повысить роль БРИКС в развитии мировой экономики и оказать дополнительную поддержку развивающимся странам. В рамках подготовки к очередному пятому саммиту БРИКС 26–27 марта в ЮАР был подготовлен документ «Россия в БРИКС. Стратегические цели и средства их достижения», анализ которого был опубликован в газете «Коммерсант» 11 марта 2013 г. Газета отмечает, что авторы документа «считают необходимым создать постоянный секретариат БРИКС — сначала виртуальный (в Интернете), а затем полноформатный, Банк развития (с уставным капиталом в 50 млрд долл. и штаб-квартирой в Москве), банк международных расчетов стран БРИКС (для платежей в национальных валютах) и специальный антикризисный фонд (в 240 млрд долл.)». В целом же Россия

придерживается точки зрения о необходимости усилить политический вес объединения.

Если ограничиться рассмотрением опыта участия Индии в международных объединениях ШОС, РИК и БРИКС, можно заметить, что во всех трех Индия тесно сотрудничает с Россией и Китаем. Таким образом, фактор трехстороннего сотрудничества будет и впредь влиять на региональные и глобальные позиции Индии.

Индия сегодня — это самодостаточная великая региональная держава, которая семимильными шагами движется в сторону признания ее великой глобальной державой, которая сохраняет свою независимость и способность принимать самостоятельные решения, которая готова ради обеспечения своих национальных интересов диверсифицировать свои связи в самых различных областях — начиная с развития торгово-экономического и военно-технического сотрудничества и кончая договоренностями о поставках ядерных материалов. Индия последовательно демонстрирует готовность и способность проводить собственную политику и вряд ли будет действовать под чьим-нибудь влиянием вопреки своим собственным интересам.

Список литературы

1. Азия: взаимодействие в рамках ШОС способствует укреплению безопасности. РИА «Новости». [Azia: vzaimodeistviye v ramkakh SHOS sposobstvuiet ukreplenyi bezopasnosti. RIA Novosti.]
2. Дни.ру. Интернет-газета. URL: <http://www.dni.ru/economy/2010/12/24/205024.html> [Dni.ru Internet gazeta. URL: <http://www.dni.ru/economy/2010/12/24/205024.html>]
3. Ермаченков И. В страны БРИК возвращается оптимизм / И. Ермаченков. URL: Finam.ru. [Ermachenkov I. V strain BRIK vosvratskhaetsia optimizm URL: Finam.ru.]
4. Иванов С. Возможно проведение трехсторонних военных учений / С. Иванов. РИА «Новости». [Ivanov S. Vozmozhno provedeniye trekhstoronnikh voennykh ucheniy. RIA Novosti.]
5. Корсини Алекс. БРИК: четверка, не превзойденная в развитии / Алекс Корсини // Monitor Mercanti, Brasil, URL: <http://inosmi.ru/print/234504.html> [Korsini, A. BRIK: chetverka, neprevzoidennaya v razvitiyi // Monitor Mercanti, Brazil URL: <http://inosmi.ru/print/234504.html>]
6. Кукол Е. БРИК начинает первым. Бразилия, Россия, Индия и Китай намерены предложить свои варианты реформы мировой финансовой системы / Е. Кукол / Российская газета. № 4922. [Kukol E. BRIK nachinaet pervym. Braziliya, Rossiya, India i Kitai namereny predlozhit' svoiy variant reformi finansovoi sisyemy // Rossiyskaya gazeta. № 4922.]
7. Лахири Дилип. Учитывать и противоречия / Дилип Лахири // Стратегия России. 2009. № 1. [Lakhiri Dilipp. Uchitivat' i protivorechiya // Strategiya Rossiyi. 2009. № 1.]
8. Мартынов Б. Групповой портрет стран быстрого развития // Международные процессы. Т. 8. № 2 (23). [Martynov B. Gruppovoy portret stran bistrogo razvitiya // Mezhdunarodniye prozessy. Tom 8. № 2 (23)]

9. Объем экспорта IT-продукции Индии может вырасти до \$87 млрд — прогноз. URL: www.digit.ru/it [Объем экспорта IT produktsiyi mozhnet virasti do \$ 87 mlrd — prognoz. URL: www.digit.ru/it.]
10. Раджа Мохан. Индия и политическое равновесие // Россия в глобальной политике. [RadzhaMokhan. India I politicheskoye ravnovesiye // Rossiya v global'noi politike]
11. РГРК «Голос России». URL: <http://www.ruvr/main.php> [RGRK “Golos Rossiya”. URL: <http://www.ruvr/main.php>.]
12. Точка зрения экспертов по поводу членства Ирана в СААРК. ИРНА,
13. Финансовое влияние БРИК растет URL: Страна.ру. В мире. [Finansovoe vliyaniye BRIK rastet. URL: Strana.ru. V mire.]
14. Шаумян Т.Л. Индия и Шанхайская организация сотрудничества / Шанхайская организация сотрудничества: взаимодействие во имя развития. М., 2006. [Shaumyan T.L. Insia I Shankhaiskaya organizatsiya sotrudnichestva / Shankhaiskaya organizatsiya sotrudnichestva vo imia raznitiya. Moskva, 2006.]
15. Юсупов Р. Страны БРИК защитят конкуренцию сообща // Казанские ведомости, Вып. № 19. URL: [KAZVED.RU: http://www.kazved.ru/article/26565.aspx](http://www.kazved.ru/article/26565.aspx). [Iusupov R. Strabni BRIK zatschitiat konkurentsiiy soobtscha // Kazanskiye vedomosti, Vipusk 19. URL: [KAZVED.RU: http://www.kazved.ru/article/26565.aspx](http://www.kazved.ru/article/26565.aspx)]
16. Bank of India Branch in South Africa Set to Boost BRICS Development. URL: <http://English.cri.cn/6826/2012/09/13/2561s722119.htm>
17. Bhadrakumar M.K.. Why India is sleeping on foreign policy? URL: rediff.com.
18. Big Confidence rebounds in Bric nations: KPMG // Finacial Express.
19. Bremmer Ian. Working Together, Brazil, Russia, China and India Increase Leverage URL: <http://www.ihavenet.com/BRIC-Working-Together-Brazil-Russia-China-India-Increase-Leverage/BRIC/>
20. Chaulia Sreeram. Is India Aligning in a New Cold War? // Indo-Asian News Service.
21. Chenoy K.M., Chenoy A.M. India's Foreign Policy Shifts and the Calculus of Power // Economic and Political Weekly.
22. Declaration of the Fourteenth SAARC Summit URL: <http://www.saarc-sec.org/data/summit14/ss14declaration.htm>
23. Dikshit Sandeep. India not keen on political, military ties with SCO // The Hindu.
24. Gandhi R.A. World Free of Nuclear Weapons, United Nations General Assembly. New York, June 9, 1988. URL: <http://www.indianembassy.org/policy/Disarmament/disarm15.htm>
25. Halpin T. Brazil, Russia, India and China form bloc to challenge US dominance // The Times, TIMESONLINE.
26. Hindustan Times, New Delhi.
27. How Solid are the BRICs? // Goldman Sachs Economic Research. Global Economic Paper. Issue N 134.
28. URL: <http://www.lenta.ru/news/2012/08/17/radar>
29. URL: <http://www.indianembassy.org/policy/Disarmament/disarm15.htm>
30. India backs Iran for SAARC. URL: <http://www2.irna.ir/en/news/view/menu>
31. India, Russia, Iran explore anti-Taliban strategy. URL: <http://sify.com/news/india-russia-iran-explore-anti-taliban-strategy-news>
32. Kabir O.N. SAARC without India. New Nation Online Edition, Dhaka.
33. Kaul Ajay. India Favour inclusion of China in SAARC as Observer //rediff.com.
34. MEA — Министерство иностранных дел Индии. 30 августа 2012 г. URL: <http://mea.gov.in/mystart.php?id=530119161>
35. Naresh Nadeem. Moving Towards Multipolariti in World Affairs // People's Democracy. N= 3
36. Parthasarathy G. Does India Need SAARC? //The Hindu.
37. Qudissia Akhlaque. India opposes China's entry into SAARC // Dawn.
38. Radyuhin Vladimir. Setting up SCO as a counter to NATO // The Hindu.
39. Raja Mohan C. China and SAARC // The Hindu, 19 July, 2004.
40. Sarkar Sudeshna. SAARC: Afghanistan comes in from the cold // ISN Security Watch-SAARC.
41. SCO and BRIC both crucial, says India // The Hindu. URL: <http://www.thehindu.com/2009/06/13/stories>
42. South African Government Briefs. 13 of 2012. 23 August 2012. Economy. Gas Exploration deal.

43. The US Embassy cables: The documents. Guardian.co.uk, 16 December 2010. Wednesday, 24 February 2010. Confidential section 01 of 03 New Delhi 00351.
44. Toledo Demetrio. Prospects of Scientific Cooperation Amongst BRIC: Energy, Development and S, T&I Collaboration in Biofuels//BRIC in the New World Order. Perspectives from Brazil, China, India and Russia. Ed/ by Nandan Unnikrishnan, Samir Saran. ORF, New Delhi. 2010. P. 111–117.
45. US tried to play N-deal card to pressurize India against Iran. Agences Tags: Wikileaks news, US pressurize India, India Iran Ties, N-deal talks Posted.
46. Varadarajan Siddhartha. India takes 'anti-U.S. edge off trilateral with Russia, China // The Hindu.
47. Varadarajan Siddhartha. Russia, India, China won't cross U.S. on AfPak // The Hindu, November 16, 2010.
48. URL: www.business-standard.com

-
- ¹ Раджа Мохан. Индия и политическое равновесие // Россия в глобальной политике. № 46. VII–VIII. 2006.
 - ² URL: www.business-standard.com 09.03/13
 - ³ Hindustan Times, New Delhi. 20.02.2013.
 - ⁴ Раджа Мохан. Индия и политическое равновесие...
 - ⁵ Chenoy K.M., Chenoy A.M. India's Foreign Policy Shifts and the Calculus of Power // Economic and Political Weekly. 01.09.2007, 3547–3554.
 - ⁶ Шаумян Т.Л. Индия и Шанхайская организация сотрудничества / Шанхайская организация сотрудничества: взаимодействие во имя развития. М., 2006. С. 164–194.
 - ⁷ Bhadrakumar M.K.. Why India is sleeping on foreign policy? URL: rediff.com. 07.08.2007.
 - ⁸ Naresh Nadeem. Moving Towards Multipolariti in World Affairs // People's Democracy. 09.2007.
 - ⁹ Dikshit Sandeep. India not keen on political, military ties with SCO // The Hindu. 11.08.2007.
 - ¹⁰ [15.09.2007].
 - ¹¹ The US Embassy cables: The documents. Guardian.co.uk, 16 December 2010. Wednesday, 24 February 2010. Confidential section 01 of 03 New Delhi 00351.
 - ¹² Radyuhin Vladimir. Setting up SCO as a counter to NATO // The Hindu. 21.08.2007.
 - ¹³ Varadarajan Siddhartha. Russia, India, China won't cross U.S. on AfPak // The Hindu, 16.11.2010.
 - ¹⁴ Varadarajan Siddhartha. India takes 'anti-U.S. edge off trilateral with Russia, China // The Hindu, 16.11.2010.
 - ¹⁵ Ibid.
 - ¹⁶ Varadarajan Siddhartha. Russia, India, China won't cross U.S. on AfPak // The Hindu, 16.11.2010.
 - ¹⁷ Ibid.
 - ¹⁸ Иванов С. Возможно проведение трехсторонних военных учений. РИА «Новости». 16.10.2005.
 - ¹⁹ Азия: взаимодействие в рамках ШОС способствует укреплению безопасности. РИА «Новости». 27.10.2005.
 - ²⁰ How Solid are the BRICs? // Goldman Sachs Economic Research. Global Economic Paper. Issue N-134. 2005.
 - ²¹ Toledo Demetrio. Prospects of Scientific Cooperation Amongst BRIC: Energy, Development and S, T&I Collaboration in Biofuels//BRIC in the New World Order. Perspectives from Brazil, China, India and Russia. Ed/ by Nandan Unnikrishnan, Samir Saran. ORF, New Delhi. 2010. P. 111–117.
 - ²² URL: http://www.lenta.ru/news/2012/08/17/radar 17.08.2012.
 - ²³ Bank of India Branch in South Africa Set to Boost BRICS Development. URL: http://English.cri.cn/6826/2012/09/13/2561s722119.htm , 13.09.2013.
 - ²⁴ South African Government Briefs. 13 of 2012. 23 August 2012. Economy. Gas Exploration deal. 23.08.2012.
 - ²⁵ Bank of India Branch in South Africa Set to Boost BRICS Development. URL: http://English.cri.cn/6826/2012/09/13/2561s722119.htm 13.09.2012
 - ²⁶ Halpin T. Brazil, Russia, India and China form bloc to challenge US dominance // The Times, TIMESONLINE, 17.06.2009.
 - ²⁷ MEA — Министерство иностранных дел Индии. 30 августа 2012 г. 30.08.2012.
 - ²⁸ SCO and BRIC both crucial, says India // The Hindu, 13.06.2009.
 - ²⁹ Финансовое влияние БРИК растет. URL: Страна.ру. 11.06.2009.

THE END OF POLITICS

Klaus Segbers

We are living in a world with growing complexities, and decreasing means and tools to cope with these complex challenges successfully. This observation will be challenged, probably, not by many observers.

But the reasons for governments, International Organizations, markets, and Civil Society Organizations all failing to find and implement more efficient solutions are contested.

Classical answers look at diverging national interests of nation states, insufficient capabilities of national leaders and decision makers, and information gaps. None of these assumptions is convincing in a world of weakened nation states and public choice approaches to bureaucratic interests; a diminished role of individual leaders due to democratic checks and balances, and overloaded agendas; and an overflow of information constituting a problem in itself.

Neo-classical explanations for suboptimal political solutions on the level of nation states are related to collective action problems, and to free-rider behaviour of governments. These suggestions deserve serious attention. Still, they cannot explain why some international organizations and regimes are more efficient, than others.

Looking carefully at today's problems with addressing core political problems on Waltz's second (state) image, we have to develop a fresh look onto these problems. The following reflections are intended to provide such a new perspective.

The end of politics that sounds dramatic, and it is dramatic because politics, especially national politics, is pushing against ever narrower boundaries. This is a disturbing realization. It goes beyond the often discussed weariness with politics, and it has little to do with happily debated, more obvious questions concerning the suitability of the political players.

It has to do, rather, with whether politics in the traditional sense can be organized at all—and in the case that it cannot—with how societal integration can then continue to be achieved. The conclusion that politics is structurally inadequate can be traced to a cluster of six causes.

Let us first make a couple of preliminary observations. One, politics is defined here as strategic action. Not every decision, not every tinkering intervention can be termed politics in the strategic sense. In the [West German] Republic, contested issues such as rearmament and re-integration with the West, the politics of detente, the so-called counter-armament, perhaps even the introduction of the Euro were characterized by structural intervention and mid- to long-term perspectives. In contrast, the collapse of the GDR was an event that called for swift reactions. And the answers to the global financial crisis given so far by the state have been, relatively speaking, localized fire brigade actions to extinguish wide-area fires. These ad hoc reactions were probably necessary to avert even worse scenarios, but they certainly were not planned, strategic measures, let alone an indication of the “return of the state.”

A second preliminary remark: The dominance enjoyed by the national states for the last 2000 years or so, particularly since the Peace of Westphalia in 1648, is waning. Globalization has proven to be far more than a slogan or catch-phrase. A global, border-dissolving capitalism in itself generates flows that cross borders with relative ease and are difficult to contain and control through state action. This is true for financial and capital flows, as the crisis which broke out in 2008 has made more than clear, and it applies as well to flows of human beings, that is, to migration. For example, the national state which is still the strongest in the world

relative to others, the USA, has serious difficulties in dealing with migration across its southern border. In addition to financial and human flows, we are inundated with flows of content information from the Internet as well as the currents of entertainment (music, films, soaps, social networks). Here, too, governments literally come up against the limits of their control; this is true even of China with its “great Firewall.” In short, politics no longer resemble strategic measures so much as belated and often futile attempts to extinguish raging fires, large and small.

The main issues concerning this evidence of ever weaker politics can be grasped in six arguments, which focus on the origins of this disturbing phenomenon.

One: the challenges to national politics become ever more complex, while policy makers react in an increasingly short-winded and simplistic way. Inner, “outer” and transnational influences on politics are difficult to separate from one another. That makes targeted action much harder than it was in the “good times” of Adenauer, Schmidt and Kohl, who are retrospectively so popular. Similarly, many political problems can no longer be handled in a relatively focused and sequenced manner. Instead they are seized upon from outside (by the media) and from within (by the party or campaign precinct) and addressed in rapid succession or crammed together on the current agenda. Politicians rarely trust themselves to set priorities and stick with them. The result is that there is no longer a purposeful blending of the challenges to be worked through. Politics is stifled by an administrative overload. Problems are patched up rather than solved. Little time remains to think through fundamental issues, to examine options, and to react strategically. Working through issues simultaneously and political multitasking lead to half-baked measures with a short half-life. One health policy reform may replace the preceding one, but the core problems remain. The threat of collapse of a state budget is postponed with billions from other, more stable countries, but the fundamental prob-

lem is not solved. Moreover, problems related to individual factors (demographics, families, taxes, integration, migration, genetic engineering) become ever more intertwined and complex. Yet they are met with an insufficiently complex fiddling around in the political sector.

Two: Politics becomes ever more strongly defined by irrelevant aspects: layers of media, election cycles, and domestic political trends of every sort. Since the introduction of the so-called dual systems in radio and television at the beginning of the 1980s, the separation between news and information on one side and entertainment on the other has been lost. News programs today, including those in public broadcasting, resemble MTV video clips of twenty years ago. Info- and entertainment formats are dominant. In my seminars, recordings of political programs of a previous era — Werner Herzog’s “Frhschoppen” and Gnter Gaus’s “ZurSache” — elicit a fascinated astonishment. But even the seminars themselves must follow the suspenseful arc taken from more recent early evening programming.

Many societal activities have long been defined at levels beyond and across national borders through the EU, the WTO, and the aforementioned global flows. These are met with a silent yet stark disinterest on the part of citizens. It is still difficult to find attractive platforms and time slots for the classic “foreign programming.” Foreign news bureaus have been reduced through cost-cutting measures, including the foreign offices of the publicly funded broadcasters. In the area of Infotainment the talk shows of Will, Plasberg, Illner, Maischberger, Beckmann “international topics” are hard to find because the sovereign viewer, the citizen, clicks away from such programs. “Foreign politics” is hardly even a part of the politics within the country. The people don’t understand it and they also don’t want to hear about it anymore: no longer cushioned or mitigated through the “great narratives” of the Modernism or Socialism the complexity of the news creates fear. The politicians, according-

ly, avoid it. Does Frau Merkel no longer attempt to explain the meaning of the monetary union and of German aid? Yes, she does. But the citizens no longer want to hear it.

Three: All subsystems of the postmodern society are subject to acceleration, but the political system experiences it least of all. In other words, politics chases after the economic and social problems ever more out of breath, so to speak; the half-life of “reform” is ever shorter. The new products of the capital market, especially businesses concerned with the future derivatives, futures, CDOs and short sells and the profits connected with them, are difficult for policy-makers to grasp and even harder to contain effectively, particularly on the national level.

As explanation gives way to sound bite and the news becomes flashier, how should complex interactions of the financial sector be analyzed? In addition, there is the overload brought about by thousands of signals to which members of the functional elite are exposed every day: cell phones, tweets, electronic news (breaking news), social networks, exchange markets, search machines, countless advertising appeals, telephone and even traditional visits and meetings. All of that must somehow (the operative word is indeed *somehow*) be ordered, sorted, channeled or ignored. Processing it all is no longer possible.

Four: Representative democracies in particular (but not exclusively) get tangled up in seemingly endless voting procedures. Numerous formal and informal naysayers want to be tied in, ever more actors make claims to participation, and all involved parties are caught up in a multilevel interplay that simultaneously demands national and supranational negotiations. Political responses to strategic challenges (the aging population, the final crisis of the welfare state, deficiencies in the education system, obstacles to integration, threats to identity, the relative decline of the USA, the relative ascent of China, the momentum of the EU, and so forth) either never materialize at all, or occur in mini-steps, or with a very short-term effect.

Politics in a representative system (and in other systems as well) requires tedious voting, negotiations, integration. By the time a decision is made, the original problem has migrated or transformed itself elsewhere, or opinions have changed and the formal regulatory mechanisms are no longer effective (Stuttgart 21 is one example).

It often seems as if the desired democratic-theoretical enlightened discourse has been replaced by endless chatter, which as a rule is inadequately informed and too simplistic, but still manages to block or water down strategic political decisions. Added to that, in Germany especially, are not only a multitude of elections but also many election dates. Sixteen state elections, a Bundestag and Europe-wide election each and several important local elections keep politicians in a permanent condition of decision-inhibiting election stress. The media do their part too, as they too often raise banal personalities and regional topics to the federal level or stage polls everywhere over supposedly fundamental issues.

Five: there are blocks to learning that are difficult to overcome. That applies not only to political figures, of course, but for them it does seem to be especially consequential. The emerging and exceedingly fruitful vision between social sciences and life sciences is especially illuminating here. Evolutionary biology and neurophysiology point to conditions of social and political actions that are not conducive to learning. The findings concerning cognitive consistency indicate that individuals unconsciously admit, above all, the signals and information that confirm their existing positions and beliefs. Contrary signals are unsettling and are unconsciously filtered out this is not a good precondition for the learning process. So learning often takes place under conditions of external shock (such as that brought about by Hiroshima, Chernobyl, Lehmann Brothers, etc.). That is a costly form of learning, one that we can afford only to a limited degree.

Six: politics is noticeably in a survival mode rather than addressing itself to the solu-

tion of structural problems. Perhaps the most dramatic example of this is the structural debt burden of many nations by no means restricted to the so-called underdeveloped nations, rather now including the core of the OECD countries. The USA is so indebted, nationally and internationally, that they are hamstrung in their ability to negotiate within and across borders. Therefore the country that has up to now been the major world power is no longer able to play a hegemonic role. The obvious solution for any impartial observer, a solution that has been directly demanded by the Chinese government in an unfriendly way, consists of “living within one’s own means” that is, to carry out massive austerity programs. However, in a representative democracy that is not possible elections will be lost, and each new government will avoid the same hard decisions and cuts, and on the same grounds, as those previously in power. Thus politics stands still, and the debt burden increases. The same effect can now be observed in Europe (as well as in Israel). In Ireland and Portugal, governments were ousted as austerity measures that could not achieve consensus domestically were imposed from outside; Spain and Greece can be expected to follow this pattern, sooner or later. The austerity programs required to achieve political stability would change the core of the welfare state model that has been developed over decades but which is no longer capable of winning majority support, and thereby in a democracy, is no longer politically feasible.

As we observe this cluster of issues or trends in the global picture, it is not so surprising that democratic politics has a structural performance problem. Democratic politics comes up against its limitations, and indeed we are thus approaching the “end of politics.” It is also not easy to see how this trajectory can be changed, particularly in the framework of the traditional nation state.

Thus for better or worse, we must deal with the question of what, then, is to be done. If politics cannot satisfactorily meet the still high, although decreasing expectations of

the electorate, then perhaps the expectations must change, that is, they must be scaled down. These questions of what to do should not be confused with a neoliberal program, which largely remains arrested in politics in a negative sense and which overestimates the capacity of markets. Perhaps politics now, after 2000 years as well as political science must make a stronger endeavor toward very different concepts.

In any case in the area of inter- and transnational relations, politics is subject to a fundamentally new order, a new cartography of political action that is compatible with global flows. Something similar is occurring in other political fields.

The problem is grounded in the modern idea, actually owed to the Renaissance, that humans are in a central role with regard to their destiny. For over 500 years, this role has been dynamically and inventively shaped and used. Modernity has been overwhelmingly a success story. But politics has thereby also approached an engineering-technical vision. That we have for a short time (since the “dialectic of the Enlightenment”), however, been able not only to sense, but also to know, that human action is structurally contingent, today (in the “society of risk”) more than ever, the engineering concept has lost some of its luster. Other concepts may now be considered — the moderation of societal subsystems and transnational currents through politics, or the navigation of trends and currents — that at their core cannot be directly influenced. That presumes the readiness and capacity to bear continuing disorganization (it will persist) and to get by without a great, plausible narrative (it will no longer be provided).

There are no simple solutions. Better counsel never hurts but is restricted by the aforementioned conditions. The expectations for salvation of the civil society will be effective, if at all, only to a limited degree there is no superior solution waiting to be applied here. Problems of legitimacy also enter into the picture. Shifting responsibility to other levels appears more promising some to the cities (which in actuality is already hap-

pening—not nations but cities have become the nodes of *flows*), or to the often unjustly derided and despised European Union.

The debate over the “end of politics” will tolerate no delay. It will be uncomfortable, but it is unavoidable.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

А.А. Борщ

Политическая борьба чаще всего ассоциируется в обществе с понятием борьбы за власть. Видимо, так оно и есть, если не считать некоторых моментов, связанных с подходами к обоснованию этого явления. Не случайно сейчас политическую борьбу удобно классифицировать по нескольким основаниям. Один подход — различать ее по принципу законности (легитимности), т.е. соответствия нормативным правовым актам, существующим в государстве. Ведь смысл политической борьбы состоит в том, чтобы предложить обществу новую власть в государстве, а значит, и новые законы. Второй подход заключается в различии политической борьбы по направлениям и формам достижения конечных результатов теми или иными субъектами политической борьбы. Эти подходы определяются целями политической борьбы и теми субъектами, которая в ней участвуют.

Автор под политической борьбой понимает сложное общественно-политическое явление, направленное на переход (завоевание) власти определенной политической группировки (классом) в интересах достижения определенных политических, экономических, военных и других интересов.

В современных условиях возможны два варианта целеполагания политической борьбы. Первый — продвижение к власти и установление нового, принципиально иного социально-экономического строя, например социализма или капитализма, и второй — отстранение от власти определенной политической группировки без изменения существующего социально-экономического строя, например, продвижение к власти в Велико-

британии консерваторов вместо лейбористов¹.

Так, формы в философском и общепринятом понимании представляют собой способ или путь практического осуществления какой-либо деятельности, в данном случае политической борьбы².

Автор предлагает под формами политической борьбы понимать — организационные способы реализации целей политической борьбы. Большинство политиков и политологов предлагают делить формы политической борьбы на мирную (ненасильственную) и немирную (насильственную)³. Эту же точку зрения разделяет и автор. Но динамику политической борьбы определяют объективные условия, конкретные социальные, экономические, политические причины, процессы, факторы, обстоятельства. В частности, среди них такие как: снижение качества жизни; потеря социального статуса; угроза безработицы; непопулярность реформ; отчуждение власти от населения; потеря гарантий безопасности граждан; противоречия между различными уровнями и ветвями власти и др.

Особенностью политической борьбы является ее органическая связь с борьбой за экономику, права и ресурсы. Выдвижение различных экономических требований, повышения качества жизни, ликвидации безработицы, увеличения заработной платы, перераспределения собственности может сопровождаться ультиматумом в адрес исполнительных и законодательных органов власти и управления.

Одной из характерных черт политической борьбы является мобилизация сторонников посредством привлекательных

идей, лозунгов, призывов. Они чаще всего начинаются с конфликта идей, выдвижения политических организациями, их лидерами альтернативных ценностных установок, обсуждения их в средствах массовой коммуникации.

Политическая борьба может быть легитимной, т.е. соответствующей нормам законности, и нелегитимной, не отвечающей утвердившимся в данной политической системе правовым и этическим нормам, разделяемым большинством граждан. Реализуется в двух основных формах: практико-политической и политико-идеологической. Они зависят от характера взаимоотношений между участниками политического процесса, внутренней и внешней политической обстановки, характера существующего политического режима. Формы политической борьбы подчинены ее целям и задачам. Она может вестись как мирными способами (участие в избирательных кампаниях, демонстрациях, митингах, забастовках; деятельность в органах местного самоуправления; столкновение различных партий, обществ, движений, фракций, политических лидеров в парламенте и проч.), так и с использованием насильственных средств (государственные переворот, гражданская война, путч и другое). При этом далеко не всегда установки на конфронтацию имеют общественный резонанс, находят понимание и поддержку в массах.

Субъекты и формы политической борьбы в любом обществе регламентируются нормативными правовыми нормами, учитывая конституционные запреты. Нарушение данных норм по закону приводит к ответственности. Цивилизованность политической борьбы зависит от политической культуры общества, готовности субъектов политических отношений согласовывать общие и частные интересы, действовать в соответствии с требованиями законов. Последствия политической борьбы неоднозначны: она может привести противоборствующие

стороны либо к согласию, компромиссу, сотрудничеству, либо к их дальнейшей конфронтации.

Длительное сохранение конфликтного потенциала в отношениях между политическими оппонентами имеет серьезные последствия⁴. Оно ослабляет правящий режим, нарушает необходимую степень его внутренней консолидации. Область политической борьбы охватывает также отношения между нациями и государствами: соперничество за ресурсы, сферы влияния, безопасность стран и народов. Здесь сталкиваются разные субъекты политической борьбы. На современном этапе в ходе углубления сотрудничества и взаимодействия создаются условия для утверждения нового миропорядка.

Исторический опыт показывает, что любой форме политической борьбы всегда свойственны виды, носящие мирный либо немирный (насильственный) характер, который определяется целями и средствами, методами борьбы; так, автор предлагает следующие направления и формы политической борьбы.

В современном демократическом государстве политическая борьба основывается на парламентаризме (парламентское направление). За прошедший период развития мирового сообщества был накоплен опыт легитимной деятельности, несмотря на то, что исполнительная власть постоянно стремилась противодействовать ей. Основным препятствием для деятельности свободной легитимной деятельности стало политическое бесправие парламента. Но даже в рамках, установленных Конституцией, политическая борьба всегда была и есть, например, между депутатами различных фракций. Конфликты постоянно возникают в парламенте. Компромиссные решения, или так называемый взаимный выигрыш. Считается, эффективна внутрипарламентская борьба, если она увязывается с массовыми акциями в поддержку позиции парламентских фракций, инициатив отдельных

депутатов, а также с непарламентскими формами.

Парламентское направление включает в себя основные формы политической борьбы: избирательное действие и само парламентское действие. Так, избирательное действие как элемент парламентского действия осуществляется следующими специальными формами политической борьбы: парламентские и президентские выборы, собрания, голосование и агитация. Непосредственное парламентское действие — основная форма политической борьбы, который в себя включает специальные формами политической борьбы: обсуждение законопроектов, встречи с избирателями, слушания, принятие законопроектов, лоббизм, публичные мероприятия.

Развитие социальных процессов в современном мире, особенно в течение последних столетий, показало, что важной формой политической борьбы является революционная борьба, а видом политической борьбы — социальная революция.

Сейчас среди политиков и политологов можно слышать такие заявления: «Революции себя изжили, они в прошлом, лимит на революции исчерпан»⁵. Тем самым отрицается объективная сторона развития общества и историческая неизбежность революций. Конечно, сторонников подобных взглядов можно понять. Они как могут защищают существующее общество как предел социальных завоеваний, а частную собственность на орудия и средства производства — как незыблемую форму общественных отношений. Однако такое утверждение, по мнению автора, некорректно, а по существу — антинаучно.

Социальные революции являются объективной реальностью. Они возникают в результате постепенного нарастания противоречий, накапливающихся в процессе эволюционного развития, которые разрешаются различными формами политической борьбы — созданием революционной ситуации, осуществлением

переворота, заговора, восстания, мятежа (бунт, путч), контрреволюции, геополитической операции, терроризма, экстремизма⁶.

Для формирования среды обеспечения национальной безопасности государства в политической борьбе характерно партизанское (национально-освободительное) движение, которое является немирным (насильственным) направлением политической борьбы. Оно включает следующие основные формы политической борьбы: информационно-пропагандистское действие и вооруженное действие народных масс против оккупантов или неугодного политического режима в стране. Партизанское (национально-освободительное) движение направлено в защиту национальной независимости, свободы, демократии и против иноземных захватчиков. В этом случае его цели совпадают с целями движения Сопrotивления в ряде европейских стран в период Второй мировой войны.

Первая основная форма политической борьбы партизанского (национально-освободительного) направления — информационно-психологическое действие, вторая — вооруженное действие против иноземных захватчиков или представителей неугодного политического режима. Это основная форма политической борьбы, она представляет собой применение не только специальной формы политической борьбы с противником, но и операции (наступательная, оборонительная, воздушная, морская, противоздушная, противоракетная), гражданская война, сетевая операция, специальная операция, диверсия, засада, налет, рейд.

Таким образом, формы политической борьбы в современном мире разнообразны, и это именно комплексы средств и приемов политической конкуренции, подчиненных цели победить противника и добиться доминирующего статуса в тех или иных институтах власти или, в крайнем случае, помешать это сделать оппоненту. Парламентское направление в современном мировом сообществе является

важной формой борьбы за власть, предполагающим мирное разрешение острых социальных конфликтов на основе официального волеизъявления народных масс. Это хорошо продуманная акция со стороны господствующей политической силы для удержания в повиновении электората. Существенным дополнением к парламентскому направлению являются публичные мероприятия, которые властями разрешаются с единственной целью — сбить социальное напряжение во избежание возникновения революционной ситуации. Может также использоваться такая форма, как PR-технологии. Социальные революции как неизбежный результат диалектического развития общества останутся в арсенале политической

борьбы до тех пор, пока не будет покончено с частной собственностью на орудия и средства производства и не совершится переход к подлинной народной демократии. Но в условиях глобализации революционное направление может стать в какой-то момент и более приемлемой формой субъектов политической борьбы для достижения их целей. Такое направление политической борьбы, как партизанское (национально-освободительное) движение и, в частности, вооруженные действия, сохраняется, пока сохраняется в целом силовой, насильственный характер политической борьбы, связанный со свержением существующей власти вооруженным путем или действиями против агрессора.

Список литературы

1. Гомеров И.Н. Политическая деятельность: психолого-политологический анализ. Новосибирск : Сибирский ун-т потреб. кооперации. 2010. URL: <http://www.spsl.nsc.ru/win/nelbib/elbook/gomero.pdf> [Gomero I.N. Politicheskaya deyatel'nost': psikhologo-politologicheskij analiz. Novosibirsk: Sibirskij universitet potreb. kooperatsii, 2010 URL: <http://www.spsl.nsc.ru/win/nelbib/elbook/gomero.pdf>]
2. Ирхин Ю.В. Политология : учебник. 2-е изд. М. : Экзамен, 2007. [Irkhin Y.V. Politologiya: uchebnik. 2-e izdanie. Moscow: Ekzamen, 2007.]
3. Барышева А.Д. и др. Политология. Курс лекций : учебное пособие для вузов. 2-е изд., стереотип. М. : Экзамен, 2009. [Barysheva A.D., etc. Politologiya. Kurs lektzij: uchebnoe posobie dlya vuzov. 2-e izdanie, stereotip. Moscow: Ekzamen, 2007.]
4. Кузьмин Д.С. Особенности внешнеполитического курса России в условиях становления новой парадигмы международных отношений : дис. ... д-ра полит. наук. М. : РАГС, 2005 [Kuz'min D.S. Osobennosti vneshnepoliticheskogo kursa Rossii v usloviyakh stanovleniya novoj paradigmy mezhdunarodnykh otnoshenij: Ph.D. Dissertation. M. : RAGS, 2005]
5. Исхаков С.М. Октябрьская революция и борьба мусульманских лидеров за власть в Поволжье и на Урале (октябрь 1917 г. — лето 1918 г.) // Отечественная история. 1999. № 1. [Iskhakov S.M. Oktyabr'skaya revoliutsia i bor'ba musul'manskikh liderov za vlast' v Povolzhje i na Urale (oktyabr' 1917 g. — leto 1918) // Otechestvennaya istoriya. 1999. No. 1. P. 47.]
6. Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. М. : Аспект-Пресс, 1999. [Eisenstadt Sh. Revoliutsia i preobrazovanie obschestv. Sravnitel'noe izuchenie tsivilizatsij. Moscow: Aspekt-Press, 1999.]
7. General election 2010 : the Liberal moment has come // The Guardian. 2010. 30 Apr. P. 1.

¹ General election 2010 : the Liberal moment has come // The Guardian. 2010. 30 Apr. P. 1.

² Гомеров И.Н. Политическая деятельность: психолого-политологический анализ. Новосибирск : Сибирский ун-т потреб. кооперации. 2010. URL: <http://www.spsl.nsc.ru/win/nelbib/elbook/gomero.pdf>

³ Ирхин Ю.В. Политология: учебник. 2-е изд. М. : Экзамен, 2007. С. 609; Барышева А.Д. и др. Политология. Курс лекций : учебное пособие для вузов. 2-е изд., стереотип. М. : Экзамен, 2009. С. 137

⁴ Кузьмин Д.С. Особенности внешнеполитического курса России в условиях становления новой парадигмы международных отношений : дис. ... д-ра полит. наук. М. : РАГС, 2005.

⁵ Исхаков С.М. Октябрьская революция и борьба мусульманских лидеров за власть в Поволжье и на Урале (октябрь 1917 г. — лето 1918) // Отечественная история. 1999. № 1. С. 47.

⁶ Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. М. : Аспект-Пресс, 1999. С. 44.

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО КАК РЕСУРС РАЗВИТИЯ РОССИИ¹

Б.И. Макаренко

При обсуждении путей политического развития России встает вопрос о том, в какой степени общество готово и способно стать субъектом этого процесса. Фактически — это вопрос о состоянии российского гражданского общества, вопрос сложный и важный как для политической науки, так и для практической публичной политики.

Ни одна политическая реформа в современном мире не достигнет своих целей, если в ее результате не получат качественного развития институциональные возможности для участия общества в политике. Настоящая статья — попытка задать компаративистский контекст для осмысления феномена гражданского общества и анализа перспектив его развития в России.

Понятие «гражданское общество» столь же сложно и безразмерно, как и понятия «политика» и «политический». Это совершенно естественно, поскольку оно определяет ключевого субъекта политики и одновременно объект воздействия политической сферы — самоорганизующееся человеческое общество. Смысловой континуум, в котором употребляется понятие «гражданское общество», чрезвычайно широк: от философских обобщений, трактующих понятия государства, личности, общественного договора, универсального и партикулярного, религиозного и светского до прикладных проблем деятельности общественных организаций и так называемого третьего, или бесприбыльного, сектора.

Когда в России, оглядываясь на западный опыт, пытаются выработать стратегии развития «бесприбыльного сектора» или «социально ориентированных

НКО», зачастую недооценивается отставание в уровне развития гражданского общества в широком смысле этого слова. Оно проявляется в низком уровне межличностного доверия, доверия между гражданами и государством, известности и авторитета общественных объединений в глазах общественного мнения, гражданской политической культуры и многих других факторов.

Именно поэтому, в оценках нынешнего состояния и перспектив развития гражданского общества в России, необходимо задать правильный общественно-политический контекст и изучить институциональное устройство и ключевые составляющие современного западного — и глобального — гражданского общества и сравнить с ним отечественное сообщество активных граждан и некоммерческих организаций.

Гражданское общество: западная модель и ее вариации. Классическая модель эволюции гражданского общества

Определение «государства через общество» берет начало в античной философии. Аристотель в трактате «Политика» определяет государство как общество, состоящее из семей, объединенных в селения. В этом рассуждении он называет человека существом одновременно общественным и политическим, употребляя эти термины практически как синонимы². В античном полисе отсутствие властной иерархии («вертикали») означало, что связи между гражданами в организации власти носили «горизонтальный» характер — о ней надо было «договариваться». В средневековой Европе эта со-

ставляющая античного наследия не была востребована: светская власть носила характер жесткой иерархии, освященной непререкаемым авторитетом церкви: «божественно-универсальное» поглощало секулярное и частное³.

Переход к современности в западном мире — это постепенное расширение личной автономии гражданина. В этом процессе тесно переплетены несколько составляющих, и важнейшая из них — секуляризация государственного устройства и общественной жизни: «отстраненная, самим индивидом санкционированная преданность добродетели сыграла огромную роль в становлении гражданского общества»⁴.

Вторая составляющая — постепенная замена «вертикальных» связей в обществе «горизонтальными». Философы Нового времени обосновывают доверие, возникающее между людьми по свободной воле, как ключевое условие существования государства, а общество — как субъект политики, способный рационально осознать собственное и коллективное благо. У Д. Локка человек — «владелец собственной личности», а общество — продукт добровольного согласия морально независимых индивидов, естественного закона, а не Божественного мироустройства. Высокие философские обобщения у Локка соседствовали с вполне «политтехнологическими» идеями ограничения власти короны и лордов, разделения властей. «Левиафан» Т. Гоббса — это не принижение человека, а принуждение его к доверию, к заключению общественного договора.

«Вертикальные связи» — это не только властная и церковная иерархия. Таким же «вертикальным» образом выстроены все общественные отношения в традиционном обществе — семье, роде и племени, сельской общине. Это отношения аскриптивные, «вмененные... от рождения или навсегда закрепленные... в ходе какого-нибудь сурового ритуала»⁵ чреватые высокой ценой «выхода».

Напротив, выстраивание горизонтальных связей между свободными людьми способствовало накоплению доверия и социального капитала. Социальный капитал, по определению Дж. Коулмана, это нормы взаимности и структур гражданской вовлеченности, которые способны упрочить эффективность осуществляемых обществом координированных действий⁶.

С его накоплением «Левиафан» государства превращается в арбитра, минимизирующего «издержки взаимодействия». На место произвола властной иерархии приходят институты с четко очерченными границами, участием всех сторон в разработке правил и механизмов разрешения конфликтов. Этот длительный процесс выстраивается «снизу вверх», «на живом ощущении его общей ценности для участников, но отнюдь не на абстрактной идее всечеловеческого единства или органическом видении общества»⁷, укрепляется при использовании и тает при неиспользовании норм взаимоотношений, основанных на доверии⁸, выстраивается в сеть ячеек гражданской вовлеченности.

Накопление социального капитала происходит не только в деятельности по решению масштабных социальных задач или продвижению социально-экономических и политических интересов, но и в любых коллективных действиях, в том числе в досуговой сфере (часто используется аллюзия Р. Патнэма о «хоровых кружках»⁹) или деятельности, осуществляемой на микроуровне (пример К. Гирца об обществах взаимного кредита, похожих на кассы взаимопомощи советского времени¹⁰).

В наиболее полном виде такой тип «горизонтальной организации» проявился в североамериканских колониях, опыт которых блестяще описан Алексисом де Токвилем. Его труд «Демократия в Америке», по сути, заложил основы политологического и социологического знания о гражданском обществе. Три

основных «составляющих успеха», выделенные де Токвилем, это автономия от метрополии, дававшая колонистам возможность самоуправления при минималистской колониальной администрации¹¹, отсутствие сословных различий и относительная легкость обретения собственности на землю¹² и упомянутая выше свобода религиозной организации. Де Токвиль отмечает, что в Америке «община была образована раньше, чем округ; округ появился прежде штата, а штат — прежде, чем вся конфедерация». Колонисты фактически «взяли на аутсорсинг» многие функции государственной власти, включая охрану общественного порядка и формирование народной милиции с выборными офицерами¹³.

Замещение вертикальных связей горизонтальными совпадает с переходом от аграрного общества к индустриальному — модернизацией в ее исходном понимании. Отсюда — третья важнейшая составляющая становления гражданского общества. Новые капиталистические отношения могли существовать только в условиях гарантии прав собственности и других гражданских прав, что требовало ограничения обществом роли государства. Страны с развитым гражданским обществом, демонстрировали «свое экономическое и даже военное превосходство над странами с авторитарным режимом, которые отвергли «интерес» и предпочли ему «добродетель» или «честь», или какое-нибудь сомнительное сочетание того и другого...»¹⁴.

Таким образом, в процессе становления гражданского общества сформировались следующие феномены, составляющие сущность и неперенные условия его функционирования:

- «нейтральная сфера» — область человеческой деятельности, осуществляемая свободно от государственного доминирования и регулируемая лишь законом;
- «частная личность» — свободный человек, обладающий собственностью,

рационально планирующий и осуществляющий защиту собственных прав и вступающий в добровольные ассоциации с другими людьми ради коллективных действий;

- межличностное доверие — основанное не на «врожденных» или «предписанных» критериях принадлежности человека к определенному роду-племени или местному сообществу, а на обретенных в социальном процессе связей по профессиональным, социальным, идейно-политическим интересам и предпочтениям.

Вариация западной модели: гражданское общество как субъект «бархатных революций»

Подъем общественного интереса к теме гражданского общества — как в России, так и в западном мире — вызвали «бархатные революции» в Центральной и Восточной Европе. Падение коммунистических режимов под давлением массовых уличных выступлений имело колоссальный демонстрационный эффект, поощряемый продемократическими силами во всем мире и вызывающий озабоченность у режимов с дефицитом демократии или каналов для участия в политике.

А. Пшеворский, вспомнив аллюзию постсталинской «оттепели», писал о «тающем айсберге гражданского общества, который затопил плотины авторитарного режима»¹⁵, Владимир Тисманяну — о «родовых схватках демократии»¹⁶.

Данные метафоры акцентируют происходящий при первых признаках либерализации режима лавинообразный рост общественной активности — формирование новых общественных организаций, политизации не только либеральных НКО и профсоюзов, но и досуговых ассоциаций. Утверждать, что коммунизм в Центральной Европе был свергнут гражданским обществом, — чрезмерное упрощение. Как предупреждает Ф. Шмиттер, «наличие гражданского об-

щества не является предпосылкой ни падения автократии, ни перехода к демократии»¹⁷.

Скорее, гражданское общество стало мощным выразителем острого кризиса легитимности прежних режимов. Резкое падение социально-экономической эффективности всего коммунистического лагеря, начатая в СССР политика перестройки и гласности (фактически — мягкой либерализации), полное банкротство коммунистической идеологии — все это породило в обществах запрос, для выражения которого коммунистические режимы не имели институционального пространства — описанной выше «нейтральной сферы». «Противоречие между автономным от государства характером организации гражданского общества и закрытым характером государственных институтов означало, что единственным пространством, где вновь организованные группы могли бороться за свои ценности и интересы, стала улица»¹⁸.

«Улица» оказывала мощное давление на элиты, становясь естественным союзником реформаторских группировок, которые и совершали «бархатные революции» — за круглыми столами, как в Польше и Венгрии¹⁹, практически без них (как в Чехословакии или ГДР), военными переворотами, как в Румынии.

Добавим, по весьма похожему сценарию — ситуативным союзом реформаторской российской элиты и «улицы», защитившей Белый дом, было нанесено поражение путчу в СССР в августе 1991 г.; этот же сценарий воспроизвелся в Египте и Тунисе в период «арабской весны» в 2011 г.

Схожий демонстрационный эффект дали так называемые «цветные», или «оранжевые революции», совершавшиеся в «полуавторитарных» обществах. «Улица» давала оппозиционной группировке легитимность и энергетику, с помощью которой той удавалось блокировать «административный ресурс» и фальсификацию результатов выборов.

Не все эти события привели к демократизации страны, не означали они и автоматического превращения гражданского общества в полноценный общественный институт. Еще в 1990 г. Р. Дарендорф предсказывал, что построить в Восточной Европе либеральные политические и экономические институты удастся быстрее, чем гражданское общество, создание которого займет не одно поколение²⁰. Как показывают исследования²¹, и ныне это гражданское общество слабее своих западноевропейских аналогов, сохраняет многие черты «посткоммунистического» и весьма слабо проникает в основные сферы деятельности западного «третьего сектора» — здравоохранение, образование и социальные услуги.

Однако в современном мире именно гражданское общество становится силой, которая в кризисных условиях выносит вердикт нелегитимности правящих режимов, мешающих этому обществу реализовывать свои права.

«Незападная» модель гражданского общества

Описанное выше становление гражданского общества — феномен «западного мира». В Латинской Америке, на азиатском, тем более — африканском континентах модернизационные процессы отставали, и в их обществах «вертикальные» системы связей, традиционные иерархические и общинные структуры почти полностью определяли характер отношений между властью и обществом; ущербный характер носило и развитие рыночных отношений в экономике — эта совокупность неблагоприятных объективных условий для развития гражданского общества заслуживает упоминания, поскольку многие из них, пусть и в принципиально иной исторической форме, характерны и для недавнего прошлого, если не настоящего состояния российского общества.

Не останавливаясь подробно на особенностях развития гражданского обще-

ства за пределами «западного мира», укажем на его ключевые характеристики, описанные в классической работе Л. Пая «Незападный политический процесс»²².

В его описании, организованные группы интересов в незападных странах, «в действительности представляют интересы правительства, наиболее влиятельной политической партии или движения. Их основная функция — мобилизация населения для поддержки господствующей группы, а не защита интересов своих членов.» Независимые же организации действуют «скорее как объединения для защиты, а не оказания давления... чтобы оградить своих членов от последствий принимаемых государством решений...»

«Тактика объединения неофициальных организаций в альянсы и коалиции... в традиционном обществе лишь ослабляет позиции подобных организаций, так как, объединившись, они будут представлять прямую угрозу власти правящей элите... интересы населения представляют неофициальные объединения, стремящиеся к достижению распространённых, однако определяемых ими как частные цели, которые, в свою очередь, не станут предметом всеобщего внимания и не будут оправдываться общественным интересом»²³.

Гражданское общество: определения и функции

Понятие гражданского общества — в силу долгой истории осмысления этой концепции — наделено широким кругом различных, зачастую противоречащих друг другу значений. С известным упрощением можно говорить о двух основных классах таких определений — «широком» — научно-политическом — и более «узком», инструментальном.

Первое из них определяет гражданское общество как метаинститут политической сферы — совокупность институциональных форм общественных ассоциаций и коллективных действий. В наиболее классическом виде такое

определение гражданского общества в политической науке дано американским политологом²⁴ (Шмиттер, с. 240):

«Гражданское общество может быть определено как система самоорганизованных посреднических групп, которые: (1) относительно независимы как от публичных властей, так и частных субъектов производства и воспроизводства, т.е. фирм и семей; (2) способны осмысливать и совершать коллективные действия в защиту или ради продвижения своих интересов и чувств; (3) не стремятся занять место ни агентов власти, ни частных производителей, т.е. принять ответственность за процесс управления государством в целом; (4) готовы действовать в рамках установленных правил «цивильного», «гражданского», т.е. взаимоуважительного порядка».

Второе — «инструментальное» — определение гражданского общества — это система бесприбыльных организаций, выполняющих различные общественные функции, именуемая «третьим сектором». В современном западном обществе эти понятия часто употребляются как почти синонимичные²⁵. При демократическом строе и насыщенной гражданской активности противоречия между этими определениями не возникает: «третий сектор» существует в среде развитого гражданского общества и по сути является инструментальной формой его деятельности.

Центр исследований гражданского общества Джонса Хопкинса выделяет две основные группы функций, ради которых создаются и действуют организации гражданского общества (хотя такое деление во многом условно — целый ряд НКО выполняет и те, и другие функции):

- **оказание услуг** в области образования, здравоохранения, социальной сфере, развитии местных сообществ и т.п.;
- **выражение интересов** — любые действия, выражающие культурные, религиозные, профессиональные, природо-

охранные или политико-управленческие (policy) ценности и интересы, «включая отстаивание этих интересов»²⁶.

Исследователи выделяют пять функций, выполняя которые НКО формируют легитимность власти в демократическом государстве²⁷. Это контроль над государственной властью, фактически обеспечение подотчетности власти; согласование интересов и представительство интересов меньшинств, социальная интеграция, смягчение противоречий между различными группами, политическая социализация, практическое знакомство с функционированием демократии, предоставление услуг, особенно в тех сферах, куда «не дотягиваются» ни государство, ни частный бизнес.

Участие в политике — как видно из этого определения — имеет место и при «выражении интересов» и (хотя в меньшей степени) — в оказании услуг. Поэтому вопрос о дополнительных ограничениях для участия НКО в «политической» деятельности со стороны государства попросту не стоит (с естественными оговорками о соблюдении норм закона, налоговой дисциплине, должной отчетности). Ограничениям подвергаются конкретные узкие сферы, связанные с электоральными процессами (особенно — финансированием партий и избирательных кампаний) и лоббизмом. В международном классификаторе неприбыльных организаций «политическими» именуется «действия и услуги в поддержку продвижения определенных кандидатов на выборные посты, включая распространение информации, пиаровскую деятельность и сбор средств (фандрейзинг)»²⁸. Если вернуться к не улавливаемому русским языком различию между *politics* — политикой в узком смысле, включая «большую» политику и электоральную борьбу, и *policy* — последовательностью действий по реализации некоего плана, то гражданское общество занимается почти исключительно *policy* и считает себя субъектом ее реализации.

Специфические случаи с американским законом о регистрации иностранных агентов (FARA) и индийским законом о регулировании зарубежных взносов (FCRA) не отменяют этого вывода. Американский закон был в 60-е гг. прошлого века существенно изменен и превратился фактически в инструмент регулирования иностранного лоббизма. В нем — как и в российском законе об иностранных агентах — провозглашается цель содействовать «оценке правительством и американским обществом заявлений и действий» агентов, представляющих интересы других государств, дается весьма широкое определение подпадающей под действие закона «политической деятельности» и предусмотрена скрупулезная отчетность «иностранного агента» и право проверок его деятельности²⁹. В то же время закон возлагает на органы исполнительной власти бремя доказывания «агентских отношений» и фактически выводит из-под его действия политическую и пропагандистскую активность, не связанную с лоббизмом или прямыми агентскими функциями. С 1966 г. ни одно уголовное дело по закону FARA не закончилось обвинительным приговором³⁰.

Индийский закон стал в апреле 2013 г. основанием для приостановки на 6 месяцев регистрации Индийского форума социальных действий (INSAF) по причине использования зарубежных средств для «извращенного воздействия на общественные интересы». Речь шла об организованных форумом, объединяющим более 700 НКО, массовых демонстрациях протеста против строительства АЭС Куданкулам; санкции МВД последовали после публичных заявлений премьер-министра Индии о том, что эти выступления инспирированы из-за рубежа³¹. Данный запрет вызвал бурный протест в индийском сообществе НКО, поддержанный видными политиками и общественными деятелями. В настоящее время это прецедентное дело рассматривается в Высочайшем суде Дели. 6 авгу-

ста суд разрешил «разморозить» средства для выплаты трехмесячной зарплаты штатным сотрудникам INSAF — слушания по существу дела назначены на сентябрь 2013 г.

Российское гражданское общество: особенности развития.

Предыстория: гражданское общество в СССР и раньше

Российская история — это скорее пример неудач в построении ключевых элементов и предпосылок гражданского общества. Становление личной свободы и автономии гражданина катастрофически отставало от европейских аналогов. «В рамках дворянской культуры... государство, а не человек, было всеобщим эквивалентом и центром мироздания, в котором не могли существовать никакие самодостаточные ценности, автономные от властей»³².

В то же время и в этих условиях в стране во второй половине XIX — начале XX в. шло развитие гражданского общества. Практика земского самоуправления, благотворительности, добровольчества, меценатства, «толстых журналов» как центров общественной дискуссии, подъем общественной активности после Манифеста 17 октября 1905 г. — все это часть нашего исторического наследия. Но добрые традиции, равно как и социальный капитал, накапливавшийся десятилетиями, полностью погибли за время господства коммунистического режима. Постсоветское гражданское общество многое унаследовало от Советского Союза, но дореволюционный опыт для современного гражданского общества — это лишь значимый символ и вдохновляющий пример, но не социальная практика и ноу-хау.

Гражданское общество в Советском Союзе было во многом похоже на описанную выше «незападную модель»: мощные государственные НКО плюс низовые структуры, жестко отстраненные от политической сферы. Разумеется, да-

же в таких условиях существовали «лакуны» относительной автономии от государства, происходило накопление опыта коллективных действий и нарабатывался «социальный капитал», но весьма определенного свойства. Государственные НКО выполняли различные функции: «общественные блага» для своих членов и их семей, организовывали досуговую деятельность и зачастую служили «интегральной частью системы социального обеспечения»³³.

Сильнейшим ограничителем для гражданской активности являлось почти полное отсутствие — не только в сталинскую, но и в хрущевско-брежневскую эпоху, «нейтральной» сферы, в которой деятельность человека не подвергалась бы оценкам как «одобряемая» или «запрещенная» государством — лишь Ю. Лотман писал (цитируем по западному источнику, поскольку не смогли найти оригинала в произведениях Ю. Лотмана) о таковой как о «необходимом тыле, в котором может родиться завтрашняя система»³⁴, и каковая существовала в дореволюционной, но не в Советской России. Подобным «нейтральным пространством», ключевым компонентом среды существования для гражданского общества лишь с очень большой натяжкой можно признать «кухни» городских интеллигентов, «курилки» академических институтов или редакции относительно либеральных журналов. Один из немногих подлинный — почти без оговорок — элемент гражданского общества, схожий с западным опытом, это существовавшие в трудовых коллективах кассы взаимопомощи, действительно добровольные и самоуправляемые. Под жестким контролем находились религиозные организации, которые практически были лишены возможности выполнять функции социального служения и даже благотворительности. Разумеется, и в проправительственных организациях имелся элемент подлинной гражданской активности (о том, что реально выполня-

ли немаловажные социальные функции, уже сказано выше), особенно на низовом уровне, но полноценным гражданским обществом они не являлись.

Важнейшая предпосылка гражданского общества — социальный капитал, основанный на «горизонтальном доверии», — в советском обществе существовала, но в искаженной форме «заговора против начальства». Ю. Левада называл это «понижающими стратегиями жизни»³⁵.

Суть этой стратегии состояла в том, чтобы «переиграть» власть в постоянном торге. В реальной жизни люди — поодиночке или в неформальных ситуативных альянсах — пытались «договориться» с нижними этажами управленческой машины о снижении бремени административного давления, «доставали» дефицитные блага, «прикрывали» друг друга при мелких нарушениях закона. Это порождало уникальную форму горизонтальной солидарности, вполне «жизнеспособной», но все же «понижительной»: советское доверие было скорее ресурсом выживания вопреки государству и против него. В этом смысле оно противоположно протестантской этике, в логике которой «обман» государства соседом воспринимается как обман всего сообщества — поскольку он нарушает общественный договор.

Это «доверие против власти» не исчезло автоматически с падением коммунистического режима. Напротив, в ситуации, когда государство «просело», когда для новых общественных отношений не было ни новых законов, тем более — практик, оно сыграло важную компенсаторную роль: на таких отношениях доверия строились стратегии выживания, а у вновь возникшего бизнеса — первые деловые связи, не освященные законами, гарантиями и судебным арбитражем.

Но все же с крушением советского строя «началась эрозия атмосферы благожелательности, доверия в прямом пси-

хологическом смысле»³⁶: исчезла главная «опасность», против которой люди объединялись, а практика переходного общества приносила слишком много разочарований и обманов доверия.

Нынешнее российское гражданское общество в большинстве своих компонентов — это все же продукт постсоветской эпохи — либо вышедшие из подполья диссиденты (в первую очередь — Московская Хельсинская группа), либо организации, созданные в последние советские годы и более позднее время, либо коренным образом изменившиеся (в первую очередь речь идет о религиозных организациях). Их становление и развитие проходит в непростых условиях.

Условия становления российского гражданского общества

Догоняющий характер развития в России гражданского общества определяется как общим характером посткоммунистического развития (становление рыночной экономики и институтов политического плюрализма, того, что «на Западе» сложилось намного раньше), так и специфической моделью работы некоммерческого сектора: в 1990-е гг. иностранные грантодатели были не только источником финансовых средств, но и «трансфера технологий» работы некоммерческих организаций.

Первая особенность российского гражданского общества — начало его развития в условиях лишь зарождающихся рыночных отношений и институтов. Единственное, что возникло само собой с падением коммунистического режима, — это «нейтральное пространство», поскольку ослабевшее государство не могло, да и не умело сковывать инициативу ни в бизнесе, ни в гражданской активности.

Однако возник «замкнутый круг»: гражданское общество необходимо для нового типа экономических отношений, которые невозможно создать без продвижения на пути к строительству граждан-

ского общества»³⁷. Без наличия собственности и уверенности в ее защищенности не только законом, но и общественной моралью, трудно выстраивать жизненные стратегии. «Частный человек», собственник только возник в 1990-е гг., а менталитет среднего класса — еще с большим лагом. Отсутствие «рыночного» позитивного права, государственных институтов, способных к арбитражу, породило специфическое «доверие от безысходности»: родившийся частный бизнес не мог уповать ни на судебную власть, ни на исполнительную как арбитра и гаранта принципа *pacta sunt servanda* — «договоры должны исполняться», приходилось верить партнеру на слово — с риском не только для своего бизнеса, но порой и для жизни³⁸. С другой стороны, приход рыночных отношений опрокинул старые нормы морали, в которых «торг», «расчетливость» были окрашены негативно, а потому носители этих ценностей отторгались отстающим от темпа перемен большинством общества³⁹, что существенно затрудняло накопление социального капитала. Такое отношение переносится поневоле и на многие организации гражданского общества, если в них тон задают люди, живущие уже по «рыночным правилам».

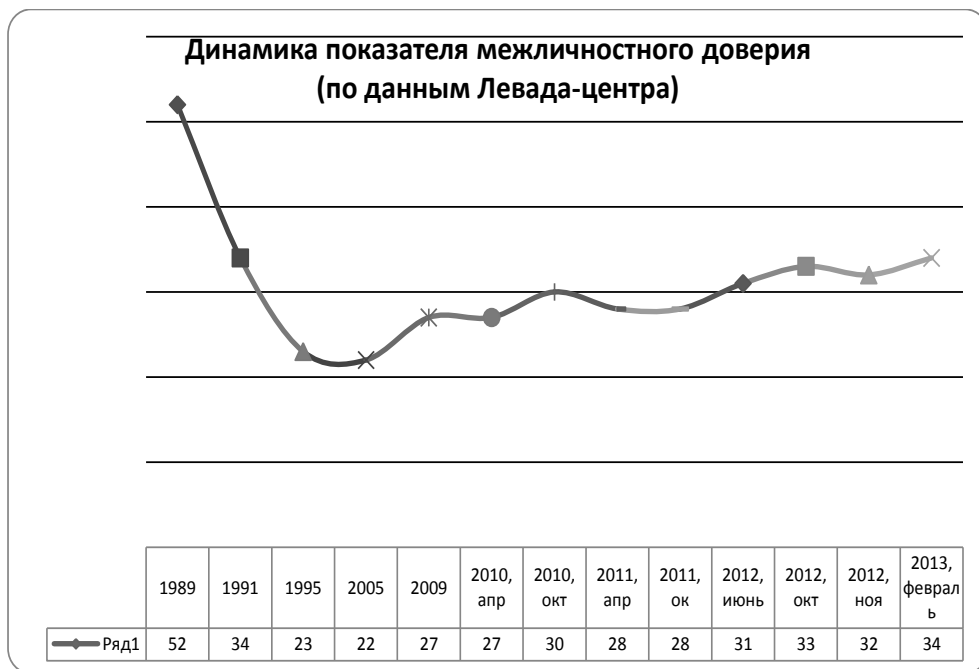
Из этого вытекает вторая особенность становления российского гражданского общества: архаичный тип общественного доверия. Л. Гудков пишет о складывании в России трех сегментов общества, различающихся по характеру социального капитала: современного, основанного на «социальных правилах и отношениях, построенных на знании и доверии к другим», домодерного, в котором «доверие базируется на непосредственных личных, неформальных связях, групповых и соседских отношениях» — по сути, это продолжение советской стратегии «пассивной адаптации к навязанным извне изменениям», и антимодерного — смеси «опыта существования при социализме... с новыми идеологизированными формами»⁴⁰.

Смешение разных типов доверия, противоположных по вектору воздействия на общественно-политическую среду, делает межличностное доверие в России если не неизмеримым, то, во всяком случае, несопоставимым с другими странами. На что, хотя и с очень различающимися обоснованиями указывали российские социологи⁴¹. Последний также указывает на феномен снижения генерализованного межличностного доверия в странах Центральной и Восточной Европы, переживавшие аналогичные России шоки посткоммунистической трансформации⁴². На валидность и сопоставимость этих данных непредсказуемо влияет то, какой именно тип доверия — «старый», постсоветский, или новый имеет в виду каждый респондент, отвечая на вопрос социолога, можно ли доверять людям.

Показатели межличностного доверия в России действительно дают мало материала для осмысленного анализа: оно снизилось с распадом СССР (см. таблицу ниже⁴³) и демонстрировало относительно небольшие флуктуации в последующий период. Уровни межличностного доверия понижены у среднего класса, москвичей — т.е. именно тех когорт, которые отличаются более «модерным» типом социального капитала⁴⁴. Следовательно, становление современного социального капитала, основанного на генерализованном доверии, в России находится только в начале пути.

Соответственно, третья особенность становления гражданского общества в том, что оно происходит без полноценного общественного договора, невозможного при слабости «модерных», «горизонтальных» установок. Прочитаем Р. Патнэма: «Вертикальная структура, невзирая на всю ее значимость для вовлеченных людей, не способна к утверждению социального доверия и сотрудничеству... санкции за нарушение норм взаимности едва ли могут применяться по отношению к вышестоящим. Только

Таблица

Примечание: сумма ответов «Практически всегда людям можно доверять» + «Обычно людям можно доверять».

отчаянный или бестолковый подчиненный может пытаться наказать своего начальника»⁴⁵.

А. Левинсон приводит следующие аргументы, опровергающие существование в современной России общественного договора между властью и обществом. Во-первых, при слабости демократических начал эти отношения сохраняют авторитарный принцип, при котором «самодержец не вступает в договорные отношения с народом, потому что... в такой системе субъектностью обладает только сам автократ, но не народ». Во-вторых, даже с патерналистской частью общества власть находится в состоянии не договора, а конфликта, порожденного неудовлетворенностью общества уровнем и качеством социальных обязательств государства: он констатирует отсутствие корреляции объективных

социально-экономических показателей и уровня удовлетворенности населения своим положением. В-третьих, таких «договорных отношений» государство не имеет ни с одной частью населения, в частности, с бизнесом⁴⁶.

Граждане не доверяют ни отдельным государственным институтам, ни государству в целом, ни каналам коммуникации государства с обществом. Существует и еще одна проблема — тотальное недоверие к обществу со стороны государства. Именно поэтому власть считает автономизацию общества и общественных организаций серьезной угрозой.

Наконец, еще одна особенность становления российского сообщества НКО — экстремальная ситуация почти мгновенного крушения не только старых институтов, «ухода» советского государства из многих сфер социальной полити-

ки, но и норм морали и межличностных отношений.

Именно поэтому общественной инициативе пришлось в гораздо большей степени (в сравнении с развитыми западными и даже центральноевропейскими государствами) выполнять функции не «дополнения» усилий государства, а его «замещения», т.е. брать их на себя.

Активист гражданского общества: штрихи к портрету

В нашем социологическом исследовании — экспертных интервью и групповых дискуссиях активистов НКО — выявлено единодушное мнение: определяющим для участия в коллективных действиях являются мотивация и личностные психологические особенности людей, а не социально-демографические характеристики. В гражданском обществе представлены самые разные по социальному статусу и имущественному положению группы людей. При этом, по наблюдениям респондентов:

Если среди инициаторов новых видов деятельности чаще встречаются мужчины, то основной объем работы несут женщины;

В возрастной структуре (в целом, без поправки на специфику отдельных организаций) доминируют группы с большим ресурсом свободного времени — либо не обремененная семейными заботами и лишенная патерналистского поведения молодежь, либо люди предпенсионного и пенсионного возраста.

Преобладание среди активистов представителей среднего класса, более склонных к гражданской позиции и коллективным действиям, не подтверждается «количественными» оценками, но в характеристиках «среднего активиста» экспертами звучали факторы «предрасположенности» к участию в гражданской активности, совпадающими с отличительными чертами среднего класса. Речь идет о достатке, более свободном графике занятости, высокой образованности.

Выходцы из среднего класса зачастую являются руководителями организаций, более эффективными менеджерами и более профессиональными лидерами; они обладают достаточным самосознанием, чтобы активно отстаивать эти права для себя, и для тех, кто является благоприобретателем деятельности организации.

В мировоззрении активиста, по консенсусному мнению экспертов, главным являются не политические или идейные взгляды, а особый тонус энергетике, активизм, не зависящий от социального статуса, а также установка на «перемены». Такие люди готовы действовать, чтобы изменить мир к лучшему; они ждут от общества, а особенно от государства, что оно будет стремиться к таким позитивным изменениям. Они не приемлют пассивности, застоя — в этом видится одна из главных причин конфликта гражданского общества с государством, зачастую делающего ставку на «стабильность» и апеллирующего к консервативным слоям общества, а потому организации, в которых доминируют активисты такого типа, становятся де-факто оппозиционными государству.

Закономерно, что наиболее конфликтные отношения с властью складываются у организаций, занимающихся правозащитной деятельностью: сама проблематика деятельности вынуждает НКО искать провалы в государственном регулировании и практиках власти.

Современное состояние российских НКО

На декабрь 2012 г. в России зарегистрировано 420 000 НКО, причем собственно общественных организаций из них — 115 657; реально работающих среди них всего порядка 40%⁴⁷. В различных источниках приводятся схожие оценки потенциала НКО как третьего сектора: порядка 1% вклада в ВВП и 0,7% занятости (отставание в разы от развитых стран Запада).

Главное достижение: НКО заполнили ниши, в которых нет государства.

Такие виды деятельности, как благотворительность, поощрение современного искусства, дополнительное образование были фактически созданы с нуля или воссозданы в новом качестве. Многие достижения принадлежат к социальной сфере, когда НКО работают не «дополняя» государство (т.е. выполняя те же функции, что и госучреждения), а «заменяя» его в тех нишах, куда государство «не дотягивается» (такая функция выполняется НКО и на Западе). Среди таких примеров: работа с особо тяжелыми категориями больных и инвалидов, нуждающихся в особом уходе и «добрых руках», помощь больным редкими заболеваниями, оплата расходов и реабилитация больных в тех случаях, когда получение аналогичных услуг от госучреждений требует множества усилий и времени, а больной нуждается в срочной помощи, некоммерческие «группы дневного пребывания», не требующие сложного лицензирования, как восполнение нехватки государственных детских садов, услуги дополнительного образования и переподготовки кадров и т.п.

Не менее важны активность и самоорганизация в тех сферах, которые появились в России только со становлением рыночных отношений. Это, с одной стороны, появление ассоциаций бизнеса (тема, которая заслуживает отдельного исследования), обществ защиты прав потребителей и относительно немногочисленных новых, «неофициальных» профсоюзов, а с другой — появление ассоциаций собственников жилья — пока еще тоже недостаточно развитых. Все эти типы организаций в развитом гражданском обществе играют важнейшую роль, в России же — находятся лишь в начале пути.

В то же время по многим параметрам организации гражданского общества не достигли значимых результатов и при этом сталкиваются с сильными ограничениями: как внутренними, так и со стороны государства.

Социальная сфера: деятельность НКО пока не известна широкой общественности, а список функций социально ориентированных организаций относительно узок, если сравнивать его со стандартами, принятыми в западных странах. Кроме того, такие НКО существенно недофинансированы.

Профсоюзы: эта форма гражданских объединений в России не имеет шансов стать столь же успешной, как в Европе, в силу специфики российского профсоюзного движения и низкого интереса к нему со стороны граждан. По оценкам социологов, принимавших участие в исследовании, лишь 2–3% россиян когда-либо участвовали (а не формально «числились») в деятельности профсоюзных организаций.

Отсутствие солидарности как значимого фактора общественных процессов — прямое следствие низкого «горизонтального доверия».

«Общественный запрос» на гражданское общество

Осведомленность российского общества об НКО и интерес к ним находятся на крайне низком уровне. По данным Левада-центра, на открытый вопрос о наличии в «их городе (районе)» добровольных некоммерческих организации 93% дали фактически отрицательные ответы. Даже в крупных городах лишь 18,4% назвали какую-либо общественную организацию. Такие цифры нельзя понимать буквально: трудно себе представить, чтобы люди не знали о наличии «в городе» профсоюзов или религиозных организаций (а называют их десятки доли процента) — просто они не воспринимаются как «добровольные, общественные, некоммерческие».

Что касается собственного участия в работе НКО, о таковом сообщило 8,9% респондентов (в том числе 3,3% — «неоднократно»). В трудной жизненной ситуации лишь 3,2% россиян готовы обратиться за помощью в общественную организацию.

Идея передачи государством части своих функций НКО получает неоднозначную трактовку в обществе: 30% респондентов — категорически против такого разгосударствления; у пожилых и низкодоходных граждан такого мнения придерживается 40% — очевидно, они воспринимают это как отказ государства от своих социальных обязательств. 15% выступают «за», но наиболее часто прагматичная позиция — «за» при условии, что цена и качество этих услуг будет не хуже, чем в государственных учреждениях. Такие ответы более часты у граждан до 40 лет, с высшим образованием, высоким доходом, в Москве и крупных городах. Нужно учитывать, что «цена» (т.е. платность) услуг образования, социальной защиты неприемлема для большинства граждан по определению, в здравоохранении люди уже свыклись с его «платностью де-факто», но хотят сохранения этой сферы бесплатной. Да и «качество» во многом подразумевает «надежность», «официальность» врачебной квалификации или вузовского диплома, так что завоевать подобную уверенность граждан НКО будет очень непросто.

При этом граждане формулируют отчетливый декларативный запрос на подобные организации: 69,6% хотели бы деятельности организаций, оказывающих помощь в случае болезни и инвалидности, 57,4% — приветствовали бы экологические организации, а за правозащитные высказывается 38,2%. Больше, чем все общество, потребность в НКО выражают граждане с высшим образованием, высоким доходом, жители Москвы и крупных городов.

Низкая осведомленность общества о деятельности НКО — это результат и узости сферы деятельности в социально значимых областях, и в известной степени — вина самих организаций гражданского общества, которые не привлекают к себе внимания, поскольку основными источниками их финансирования являются либо государство, либо зарубежные,

но никак не частные и корпоративные спонсоры. Отчасти такую ситуацию можно считать и провалом информационной политики власти, поскольку стратегии на повышение доверия к НКО у власти нет.

Гражданское общество и государство.

Общая рамка отношений

Обсуждение состояния и перспектив гражданского общества в России постоянно упирается в вопросы политики или, по крайней мере, отношения государства к некоммерческим организациям и гражданской активности в целом. Это неудивительно: при «догоняющей» модели развития роль государственного финансирования, регулирования (равно как и внешней помощи) особенно высока, как неизбежно и большое число корпоративистских организаций, финансируемых государством. К такому выводу приходят исследователи гражданского общества в посткоммунистической Восточной Европе⁴⁸, то же в еще большей степени справедливо и для России. Второй фактор значимости государства для развития НКО — низкий уровень плюрализма и доминирование государства (фактически — бюрократической «вертикали») во всех сферах социально-экономической и общественно-политической жизни страны.

Теме отношений государства и НКО и государственной стратегии в отношении развития НКО в России уделяется немалое внимание. Упомянем ежегодные доклады Общественной палаты РФ о состоянии гражданского общества, аналитический доклад «Справится ли государство в одиночку? О роли НКО в решении социальных проблем», подготовленный в НИУ ВШЭ (под редакцией Л.И. Яковсона и И.В. Мерсияновой)⁴⁹, доклад Фонда развития гражданского общества о развитии институтов гражданского общества в России: «Третий сектор» в России: текущее состояние и возможные модели развития⁵⁰, раздел «Развитие общественных институтов» в итоговом докладе «Стратегия-2020: но-

вая модель роста — новая социальная политика»⁵¹. Подчеркнем лишь то, что объединяет все эти материалы (при всех их различиях): они ставят во главу угла именно «третий сектор», или ставшее его почти полным эвфемизмом понятие «социально ориентированные НКО» (хотя, разумеется, во многих случаях содержание докладов не ограничивается данной темой).

Опираясь на наш анализ эволюции гражданского общества на Западе и соотношения понятий «гражданское общество» и «третий сектор», мы считаем нужным поставить главную проблему развития гражданского общества и роли государства в этом процессе иначе.

В России ставить знак равенства между этими двумя понятиями неправомерно: на Западе «третий сектор» — это институционализированная и «инструментальная» форма коллективных действий развитого гражданского общества, основанного на укорененных «горизонтальных связях» и общественном договоре; даже у наших западных соседей по посткоммунистическому лагерю развитие гражданского общества двинулось в том же направлении.

В России же — как еще раз показало наше исследование — **общественный договор практически не состоялся, низко как межличностное доверие, так и доверие общества к институтам государства.** Обратная сторона этого процесса — **недоверие государства к обществу.** Государство не доверяет НКО как партнеру по обеспечению общественных благ, и при этом держит гражданское общество под подозрением как силу стихийную, неподконтрольную, а потому способную бросить «бюрократической вертикали» вызов и разрушить ее монополию на власть.

Это означает, что уровень развития гражданского общества в России слишком низок, чтобы его «инструментальная составляющая» — *третий сектор* или *социально ориентированные НКО* могли бы выполнять ожидаемые от них

общественно полезные функции даже при существенном увеличении государственного финансирования или иных технократических решениях. Для этого у него нет ни «критической массы», ни должного авторитета в обществе, ни признания со стороны государства в качестве партнера, а не «приводного ремня» или инструмента государственной политики — а именно эти ресурсы обеспечивают выполнение социальной миссии некоммерческими организациями в развитых странах.

Если к тому же в информационном поле, и так «недружественном» для освещения гражданской активности, преобладает тема прокурорских проверок и коварных «иностранных агентов», и без того невысокий авторитет общественных организаций в общественном мнении может упасть до нуля.

Не создав условий для развития гражданского общества как общественно-политического института, не выстроив институциональных рамок для участия граждан в политике, невозможно рассчитывать, что российский «третий сектор» станет эффективным субъектом создания современной социальной сферы. Как и во многих других сферах, социально-экономическая политика обречена на стагнацию без реформы институтов. Без коренного изменения институциональной среды эффективность «инвестиций» и «госуправления» в нем окажется еще ниже, чем в «официальной» социально-экономической политике.

Как свидетельствуют данные опроса Левада-центра, россияне считают «политической» многие виды деятельности, которыми занимаются НКО. Это не только наблюдение на выборах (71%), но и «контроль над органами власти» (69%) и даже «обсуждение законов и решений» (61%) и правозащитная деятельность (47%).

Из получивших широкий резонанс казусов с проверками на предмет принадлежности к «иностранным агентам»

лишь проведение опросов общественно-го мнения и просветительская деятельность большинством респондентов не были признаны политическими. Также к политике не были отнесены обсуждение социальных проблем, экологическая, добровольческая деятельность.

Сами представители организаций ГО в большинстве активно отрицали, что их организации занимаются политической деятельностью в узком смысле. В понимании активистов ГО под определение политической деятельности в узком смысле подпадают борьба за власть или помощь в такой борьбе. Однако под более широкое определение — как общественно-политической деятельности уже подпадают многие организации, по признанию их руководителей, потому что в их задачи входит разработка тактики общественных изменений и помощь в их воплощении. Многие респонденты указывали, что под широкое определение политической деятельности подпадают даже те организации, которые занимаются исключительно социальной проблематикой.

Проблема «не вполне независимых» НКО: российская специфика

Важнейший аспект отношений государства с НКО — степень независимости последних. Специфика России — даже в сравнении с посткоммунистическими государствами — в том, что часть советских «общественных организаций» не просто сохранилась (то же имеет место и у наших западных соседей), но и не обрела подлинной независимости от государства, а превратилась в корпоративистские структуры. Вторая специфическая черта — появление в массовом масштабе новых зависимых от власти, и тоже по сути корпоративистских организаций. Разумеется, по формальному, юридическому критерию, различия НКО по степени зависимости от власти измерить невозможно, главный критерий — реальная степень близости организации к

органам власти того или иного уровня, включенность в планы деятельности власти, структура финансирования и отсутствие противоречий и конфликтов НКО с властью.

Такие организации действуют в своем «поле», крайне редко соприкасаясь с независимыми НКО. В принятой в международном сообществе НКО неформальной «классификации» это либо GONGO (там, где создание организации напрямую инициировалось или поощрялось властными структурами), либо DONGO (организации, возникшие самостоятельно, но полностью зависимые и де-факто подконтрольные своему главному донору — тем же властным структурам).

Подобные организации выполняют самые разнообразные функции. Первая из них — это «аутсорсинг» социальных услуг «доверенным» организациям, либо добросовестное, либо с намерениями «освоения бюджетов» государственных средств. Помимо этого власть может использовать актив подобных организаций для электоральной мобилизации (напомним получившую широкий резонанс съемку скрытой камерой встречи 24 октября 2011 г. главы администрации Ижевска с ветеранскими организациями, на которой последний озвучил три «тарифных плана» помощи местной власти этим организациям в зависимости от результата правящей партии по их территориям)⁵².

Наряду с этим в России существуют QUANGO («квази-НКО») — прямые или «почти прямые» наследники советских общественных организаций — профсоюзы, женские, молодежные. Есть в России и BONGO — НКО, финансируемые одним бизнес-спонсором. Это и крупные компании, и компании, доминирующие в моногородах, которые создают собственные структуры для оказания социальной помощи.

Полностью отказывать зависимым от власти организациям в принадлежности к гражданскому обществу было

бы неправильно. Они — в разной степени и в разных формах — выполняют общественные функции, полезные для их благоприобретателей (в первую очередь — ветеранские организации); их низовые структуры в большей степени «настоящие», чем руководящие органы, в них можно встретить искренних и милосердных людей, работающих не по «заданию», а по велению сердца. К тому же, как показано на «незападном» примере, такая корпоративистская модель не является уникальной в мировом опыте.

Однако подобные структуры лишены многих черт, отличающих подлинное гражданское общество:

Они лишены независимости в принятии решений, а зачастую имеют жестко заданную «повестку дня» и позицию, нарушить которую не могут;

Деятельность таких организаций — особенно источники финансирования и оценка критериев отбора и эффективности реализуемых проектов и расходования средств — как правило, недостаточно прозрачны и практически не публичны. Оценить «общественную полезность» такой работы «со стороны» практически невозможно, что часто отмечалось нашими экспертами.

Они предельно жестко зависят от государственного финансирования, мотивация их актива не поддается «проверке» на искренность и готовность работать «за идею».

В большинстве случаев у активистов таких организаций отсутствует креативность, «заточенность» на достижение цели. Не случайно сотрудничества и диалога у «подлинных» НКО не получается.

Нынешнее состояние отношений: консервативная волна

Практически все участники исследования сочли, что массовые проверки НКО, последовавшие за вступлением в силу «закона об иностранных агентах» (часто называвшиеся «консервативной волной»), нанесли существенный

ущерб имиджу НКО в обществе, который до 2012 г. постепенно улучшался. Теперь же, благодаря усиленной информационной кампании, все без исключения НКО стали восприниматься как инструмент неожиданных и негативных изменений, что не может находить поддержку в обществе.

Репрессивный, ущербный с точки зрения правовых норм характер самого закона об иностранных агентах и последовавших проверок деятельности НКО и других шагов власти проявляется в следующих нормах и правоприменительной практике.

Во-первых, закон устанавливает презумпцию, что сам факт получения денежных средств «зарубежного происхождения» подразумевает исполнение поручений, обязательств, заданий, подконтрольность получателя донору. Применительно к НКО такая презумпция противоречит всей мировой (и российской) практике финансирования некоммерческих организаций, в которой лишь сугубо конкретные виды денежных и материальных взносов подразумевают возникновение «агентских функций» у получателя, и эти функции эксплицитно прописываются в договорных отношениях. В большинстве же остальных случаев цели, на которые запрашиваются деньги, формулирует сам заявитель, «жертвователю» не стремится ни командовать им, ни контролировать свыше необходимых пределов (в основном — финансовой отчетности). Российский закон не возлагает на правоприменителя бремя доказывания наличия агентских отношений — в отличие от американского закона FARA (там это является ключевым пунктом).

Кроме того, понятие «иностранного агента» в русской языковой культуре, пережившей сталинизм и холодную войну, носит однозначно негативный, обвинительный характер; «хорошим» или даже «безвредным» иностранным агентом в русском языке быть не может.

Во-вторых, положения закона, примененные к «иностранцам»,

постулируют весьма спорные правовые нормы, которые по факту касаются всего сообщества НКО.

В логике такой нормы закона «агентом спонсора» становится любая НКО, получающая деньги от любого донора (в том числе государства), в любом объеме (даже если это финансирование составляет ничтожную долю ее бюджета), занимающаяся любой деятельностью. Это — фактический отказ государства признать независимость и свободу принятия решений любой некоммерческой организацией, получающей какое-либо финансирование.

Аналогичным образом обсуждение любой нормы или действия власти становится «политической деятельностью» для любой некоммерческой организации (даже без иностранного финансирования), что может быть использовано для ее дискредитации недоброжелателями.

В-третьих, определение законом «политической деятельности» весьма расплывчато. Как показано выше, такое определение, по сути, поддерживается большинством общественного мнения, в том числе по таким позициям, как «контроль над властью» и «обсуждение законов и решений». Дело, разумеется, в отчуждении российского общества от политики и отсутствии практики широкого участия граждан (в том числе — их организаций) в политической жизни страны. Расширительная трактовка «политической деятельности» (по формулировке закона — это фактически любая общественная деятельность, «за вычетом некоторых») некорректна, если речь идет о природе гражданского общества, всегда стремящегося к публичности, привлечению общественного внимания, приведению действий власти в соответствие с интересами общества. Разумеется, это подразумевает конфликт, но развитие демократические общества к такому конфликту привычны и считают его конструктивным явлением. Как показано выше, многие стороны деятельности

некоммерческих организаций соприкасаются с политической и, по сути, поощряют сопричастность граждан политическим процессам, контролю над властью, но «политическая деятельность» четко определена и ограничена сферой электоральных процессов.

Все это — свидетельство дефицита демократичности и участия, непривычности российской власти к конкуренции и подотчетности обществу. Власть фактически заявила о недоверии всему гражданскому обществу, пытающемуся участвовать в общественно-политической жизни страны.

В-четвертых, деятельность по проверке НКО фактически приобрела характер репрессий, устрашения и пропагандистской дискредитации всего сообщества некоммерческих организаций. По официальным цифрам, из 2226 организаций, получающих иностранное финансирование, проверкам подверглись около 1000 НКО. «Признаки политической деятельности» обнаружены у 215, из которых 193 либо прекратили «политическую деятельность», либо отказались от зарубежных финансов, и под действие закона об иностранных агентах попали, по мнению прокуратуры, 22 организации⁵³. Впрочем, часть из этих «определений» прокуратура уже проиграла в судах, так что окончательный итог подводить рано. Следовательно, из проверенных организаций менее 20% попадали бы под закон, но лишь десятая часть из них (2% от проверенных) не скорректировала свою деятельность в соответствии с требованиями этого закона. Главное — это выраженное государством подозрение и недоверие десяткам, если не сотням тысяч активистов, тиражирование пропагандой враждебного отношения не столько к самим организациям, сколько к видам деятельности — правозащите, контролю над властью в первую очередь.

Об отсутствии правовой определенности в понятии «политическая деятель-

ность» говорит сама прокуратура, но при этом по факту применяет максимально расширительную трактовку. Респонденты в нашем исследовании привели многочисленные факты того, что:

объем запрашиваемых для проверки материалов был максимально высоким;

проверке подвергалась не только финансовая отчетность, но вся содержательная деятельность организации, вплоть до деталей, обычно не фиксируемых на бумаге (например, стенограммы семинаров);

зачастую проверки по стилю были нарочито жесткими, унижающими достоинство людей, которые считают свою деятельность общественно полезной — этот диссонанс воспринимался ими как особенно оскорбительный;

в ряде случаев — в регионах — отмечались признаки того, что проверяющие, намеренно или нет, выполняли заказ местных властей, негативно относящихся к «непослушным» НКО.

Эта репрессивная линия может превратиться в долговременный тренд. В предложениях прокуратуры, прозвучавших в уже цитированном выступлении Генерального прокурора в Совете Федерации, содержались идеи «закрыть лазейки», распространить понятие «иностранный агент» на физических лиц и отделения НКО. Правительство разрабатывает предложения о предельном расширении оснований для внеплановых проверок любых НКО, в том числе — по обращениям граждан, юрицев, органов власти и СМИ⁵⁴.

С другой стороны, есть признаки спада «проверочной активности»: новых проверок не проводится, часть дел об «иностранных агентах» проигрывается в суде. Есть признаки того, что это понятие не будет распространено на физических лиц, а из определения «политической деятельности» последуют новые «вычеты», признаны какие-то «ошибки» и «эксцессы исполнителей». Создается авторитетная комиссия с участием чле-

нов президентского Совета по правам человека по разработке поправок к закону. Однако в базовых концептуальных положениях закона исполнительная власть и прокуратура стоят на твердых позициях, а следовательно — недоверие власти гражданскому обществу сохраняется в полном объеме. Значит, в понимании власти, проверки своей цели достигли.

Перспективы развития

Главный вывод нашего исследования — гражданское общество в России состоялось — благодаря инициативе граждан, которые по зову сердца или рациональному размышлению включались в решение разнообразных проблем, отстаивали свои интересы. Главная заслуга государства в развитии гражданского общества — в том, что оно не мешало этому процессу, не стремилось к избыточному регулированию и не подвергало прессингу даже в той степени, в которой «управлялся» частный бизнес: сектор этот «бесприбыльный», а потому не разогревал аппетитов бюрократии.

Ключевой фактор развития гражданского общества — появление в России «нейтральной сферы» — областей общественной жизни, социально-экономического уклада, в которой гражданская активность оказалась возможной. В первую очередь речь идет о сферах, из которых государство «ушло» или которые образовались в новом социально-экономическом укладе и политическом строе. Благотворительность, забота о самых «трудных» социально уязвимых категориях, вышедшая из подполья правозащита, продвижение современного искусства, дополнительное образование, социальное служение религиозных организаций, товарищества собственников жилья и общества защиты потребителей — все эти виды деятельности созданы — полностью или преимущественно — благодаря низовой активности граждан. Это — подлинные

социальные инновации, важные шаги на пути нашего общества к современности.

Развитие гражданского общества состоит вопреки низкому уровню межличностного доверия и социального капитала: их «советские модели» постепенно рассыпались, а новое, «горизонтальное» доверие между гражданами выстраивалось с трудом. Недоверие между гражданами в политическом поле дополняется взаимным недоверием власти и независимого гражданского общества (напомним, что именно поэтому в России столь значительные масштабы сохраняет «квазигражданское общество», культивируемое органами власти). Наше исследование выявило и описало процесс становления по крайней мере «инкубаторов» такого доверия.

Развитие гражданского общества никогда не было беспроблемным. Низкий интерес и авторитетность в глазах общества, катастрофическая бедность отечественных источников финансирования — государственных, корпоративных и частных, сохраняющееся доминирование государства в социальной сфере, отсутствие последовательной государственной политики поощрения и развития гражданского общества — все эти и многие другие факторы затрудняли его деятельность. Преодолевать же их приходилось только на энтузиазме.

Этот активизм, темперамент, стремление изменить окружающий мир — главные черты любого нормального гражданского общества, и российское не является исключением. Именно такая активная позиция становится ресурсом развития страны и, добавим, легитимности политического устройства. В демократических обществах государство воспринимает это как «свой» ресурс. В обществах переходных власть относится к такой активности с подозрением.

Отсюда и наметившийся в последние полтора года новый тренд в государственной политике. Власть ощущает опасность от «подлинного» гражданско-

го общества потому, что именно оно — активные и мыслящие граждане — острее всего реагирует на падение легитимности режима и более всего способно к самоорганизации. Ответ власти можно условно назвать «политикой больших кнутов и маленьких пряников». Обозначим наиболее существенные проявления и следствия такой политики:

В России на глазах сужается «нейтральная сфера» — виды деятельности, по которым сама власть и провластная пропаганда не имеет суждения, ей все труднее мириться с той деятельностью, которую она не может проконтролировать. Понятия «независимый» и «оппозиционный» зачастую воспринимаются властью едва ли не как синонимы.

Понимая важность и гражданской активности, и социальной миссии, государство, в той же логике, стремится развивать «третий сектор», которому присвоено позитивное название «социально ориентированного». На этом направлении действительно нужны усилия — и развитие законодательной базы, и диверсификация форм (и, разумеется, увеличение объемов) государственного финансирования. Но эффективность таких усилий будет крайне низкой, если, поощряя лояльных и «социально ориентированных», государство будет игнорировать, тем более зажимать, независимую гражданскую активность. Главный ресурс гражданского общества — не деньги и не собственность (хотя без них тоже трудно решать масштабные задачи), главное — активизм и «заточенность на результат», то, чего не хватает бюрократическим «официальным» структурам.

Любая НКО — «социально ориентирована» по определению, поскольку она либо выражает интересы некоего социума (хотя бы своих членов и активистов), либо предоставляет услуги более широкому кругу, не преследуя цели извлечения прибыли. Просто в России прилагательное «социальный» все чаще понимается как «то, что для бедных

и немощных». Подлинная социальная ориентированность в другом: в объеме, качестве, востребованности той деятельности, которой занимается НКО.

Социально-экономические стимулы к увеличению государственного финансирования «третьего сектора» на ближайшие годы не выглядят оптимистично. Зависящие от экспорта ресурсов режимы с недостаточным уровнем развития демократии, как свидетельствует мировой опыт, в случае падения экспортных доходов, стремятся сократить расходы на социальную сферу⁵⁵. В таких условиях маловероятно, что государство охотно пойдет на ослабление своего контроля над ограниченными ресурсами, выделяемыми на эти цели.

Увеличение государственного финансирования — в разы за несколько последних лет — важный и положительный знак. Отрадно и то, что в число получателей государственных финансов попадают и по сути оппозиционные власти НКО, и что создается новый канал государственного финансирования правозащитной деятельности. Однако сам по себе этот факт не создаст принципиально новой ситуации. Во-первых, только практика покажет, насколько устойчивым и регулярным будет такое финансирование (соответственно, сможет ли оно заменить вызывающее столько эмоций и раздражения власти финансирование из-за рубежа), и не поставит ли оно в зависимость от государства выбор направлений деятельности и право НКО на независимую позицию в такой деятельности. Во-вторых, отказываясь предоставить налоговые льготы или иные стимулы для корпоративных и частных пожертвований на нужды НКО, государство де-факто стремится сохранить монопольный контроль над этой сферой — тогда как и мировой опыт, и здравый смысл подсказывают, что только диверсификация источников финансирования создает устойчивость «третьего сектора» и служит гарантом его независимости.

Если ныне статус некоммерческой организации не дает ни налоговых льгот, ни преимуществ в доступе к рынку услуг, и в то же время привлекает к себе большее внимание многочисленных проверяющих органов (с более широким списком оснований для проверок), любая здравомыслящая группа активистов предпочтет зарегистрироваться в виде обычного коммерческого предприятия: для гражданского общества такие важные и потенциально успешные «ячейки» будут потеряны, и наше отставание в развитии третьего сектора только усугубится.

Наконец, введение юридически сомнительного статуса «иностранных агентов» и массовые проверки НКО произвели шоковый эффект на все сообщество. Они воспринимаются им как репрессия за независимость и как массовая дискредитация всего гражданского общества в глазах всего общественного мнения.

Главное изменение в действиях государства, которого требует развитие гражданского общества, — это изменение целеполагания, проще говоря — государство должно не «пугаться» гражданского общества как субъекта перемен, а воспользоваться им как ресурсом развития. Для этого само государство должно стать более демократичным, открытым и современным.

Авторы раздела об общественном секторе в «Стратегии-2020»⁵⁶ сформулировали четыре сценария взаимодействия гражданского общества с государством. Не только «самым вероятным», но практически неизбежным» они назвали государственный сценарий (низкий уровень гражданской активности, сильный уровень воздействия государства на гражданское общество, уровень поддержки государством организаций гражданского общества — неустойчивый), который, по их мнению, по мере развития гражданской активности будет становиться все более конфликтным. К сожалению, события последних лет ускорили реали-

зацию этого прогноза: попытки власти продолжить движение по «государственному» пути уже фактически запустили конфронтационный сценарий (высокий уровень гражданской активности, сильный уровень воздействия государства на гражданское общество, низкий уровень поддержки государством организаций гражданского общества).

Признавая очевидное: государственная политика сегодня определяет если не все, то очень многое в судьбах гражданского общества, мы считаем необходимым поиск мостов к «партнерскому»

сценарию (высокий уровень гражданской активности, сильный уровень воздействия государства на гражданское общество, высокий уровень поддержки государством организаций гражданского общества) — описанное выше изменение целеполагания государства и «второе дыхание» у гражданского общества. Если граждане получают возможность и обретут стимулы к более активной коллективной деятельности, если государство сделает шаги навстречу этой инициативе, ресурс гражданской активности станет одной из главных движущих сил развития страны.

Список литературы

1. Воронов В., Ромашкин Г. Доверие как индикатор здоровья современного общества [Электронный ресурс] / В. Воронов, Г. Ромашкин. URL: <http://www.my-luni.ru/journal/clauses/15/> (дата обращения: 22.08.2013 г.).
2. Оболонский А.В. Человек и власть: перекрестки российской истории / А.В. Оболонский. М., 2002.
3. Патнэм Р. Чтобы демократия сработала / Р. Патнэм. М.: Ad Marginem, 1996.
4. Социально ориентированные НКО: методические (информационные) материалы для органов власти (федеральных и региональных) и местного самоуправления по предоставлению информационной поддержки СО НКО, содействию продвижению благотворительности и добровольчества. М., 2011. URL: [http://www.asi.org.ru/ASI3/rws_asi.nsf/va_WebResources/Brochure_MER_SO_NGO/\\$File/brochure_gov.pdf](http://www.asi.org.ru/ASI3/rws_asi.nsf/va_WebResources/Brochure_MER_SO_NGO/$File/brochure_gov.pdf)
5. Chu, and Hung-Mao Tien (eds.). Consolidating the Third Wave Democracies, Themes and Perspectives. Baltimore: The John Hopkins University Press, 1997. P. 239–262.
6. Crozier M. Le phénomène bureaucratique. Éditions du Seuil. Paris, 1963.
7. Geertz Clifford. The Interpretation of Culture. NY: Basic Books, 1973.
8. Inglot, Tomasz. Welfare States in East Central Europe, 1919–2004. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.
9. Ji Yeon Hong. Does Oil Hinder Social Spending? Evidence from dictatorships. 1972–2008–2013 (working paper).
10. North, Douglas. Institutions, Institutional Change and Economic Performance. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.
11. Ostrom, Elinor, 1990. Governing the Commons: The Evolution of Institutions for Collective Action. Cambridge: Cambridge University Press.
12. Schmitter, Philippe C. Civil Society East and West // Diamond, Larry, Marc F. Plattner, Yun-han Seligman, Adam. The Idea of Civil Society. New York: Free Press; Toronto: Maxwell Macmillan, 1992.
13. State of civil society 2013: Creating an enabling environment / CIVICUS, World Alliance for Citizen Participation. URL: http://socs.civicus.org/wpcontent/uploads/2013/04/2013StateofCivilSocietyReport_full.pdf

¹ Настоящая статья написана по материалам итогового доклада исследования о состоянии гражданского общества в России, осуществленного Центром политических технологий по заказу Комитета гражданских инициатив в июне — июле 2013 г. В рамках исследования было проведено 60 глубинных интервью и 5 групповых дискуссий с экспертами и активистами гражданского общества в Москве, Архангельской, Воронежской, Иркутской, Самарской областях и Республике Дагестан. Также в исследовании использовались данные опроса общественного мнения, проведенного по заказу КГИ Левада-центром 18–22 июля 2013 г. по репрезентативной выборке взрослого населения России (1601 респондент).

² Аристотель. Сочинения : в 4 т. Т. 4. М. : Мысль, 1983. С. 376–378. [Aristotel. Sochineniya: V 4 t. T. 4. Moscow: Mysl', 1983.]

³ Seligman, Adam. The Idea of Civil Society. New York: Free Press; Toronto: Maxwell Macmillan, 1992. P. 12.

- ⁴ Геллнер Э. Условия свободы. М. : Ad Marginem, 1994. С. 83. [Gellner E. Uslovnia svobody. Moscow: Ad Marginem, 1994. P. 83.]
- ⁵ Там же. С. 112. Ibid. P. 112.
- ⁶ Coleman James S. *Foundation of Social Theory*. Cambridge: Belknap Press, 1990. P. 300–321.
- ⁷ Geertz Clifford. *The Rotating Credit Association: a middle rung in development* // Massachusetts Institute of Technology, Center for International Studies. Cambridge, Ma., 1956. P. 224.
- ⁸ Coleman James S. *Foundation of Social Theory*. Cambridge: Belknap Press, 1990. P. 304–307.
- ⁹ Патнэм Р. Чтобы демократия сработала. М. : Ad Marginem, 1996. С. 176. [Putnam R. *Chtoby demokratiya srobotala*. Moscow: Ad Marginem, 1996. P. 176.]
- ¹⁰ Подробнее см.: Патнэм Р. Чтобы демократия сработала. М. : Ad Marginem, 1996. С. 208. [Putnam R. *Chtoby demokratiya srobotala*. М. : Ad Marginem, 1996. P. 208.]
- ¹¹ Токвиль Алексис де. Демократия в Америке / пер. с франц. В.П. Олейника, Е.П. Орловой, И.А. Малаховой, И.Э. Иванян, Б.Н. Ворожцова, предисл. Гарольда Дж. Ласки, комм. В.Т. Олейника. М. : Прогресс, 1992. С. 48–49. [Tocquille A. de. *Democracy in America*. translation from French by V.P. Olejnik, E.P. Orlova, I.A. Malakhova, I.E. Ivanyan, B.N. Vorozhtsova. Introduction by Harold J. Laski, commentaries by V.T. Olejnik. Moscow: Progress, 1992. P. 48–49.]
- ¹² Там же. С. 59. [Ibid. P. 59.]
- ¹³ Там же. С. 52. [Там же. Ibid. P. 59.]
- ¹⁴ Геллнер Э. Указ. соч. С. 81–83.
- ¹⁵ Przeworski A. *Democracy and the Market*. Cambridge, 1991. P. 58.
- ¹⁶ Tismaneanu, Vladimir. *Reinventing Politics: Eastern Europe from Stalin to Havel*. New York: Free Press, 1992. P. 5.
- ¹⁷ Schmitter P.C. *Civil Society East and West* // Diamond, Larry, Marc F.Plattner, Yun-han Seligman, Adam. *The Idea of Civil Society*. New York: Free Press; Toronto: Maxwell Macmillan, 1992. P. 242.
- ¹⁸ Przeworski A. *Democracy and the Market*. Cambridge, 1991. P. 59.
- ¹⁹ А. Пшеворский, в любезном комментарии по просьбе авторов доклада, отмечал важность «связки» гражданского общества и реформаторов в элите, оговорившись, что в Венгрии давление гражданского общества сыграло значительно меньшую роль — элита была готова к переменам в гораздо большей степени, чем в других странах ЦВЕ.
- ²⁰ Дарендорф Р. После 1989: мораль, революция и гражданское общество. Размышления о революции в Европе. Москва: Ad Marginem, 1998. С. 239. [Darendorf R. *Posle 1989: moral, relovutsia i grazhdanskoe obschestvo*. Moscow: Ad Marginem, 1998. P. 239.]
- ²¹ Salamon L.M., Anheir H.K., List R. *Global Civil Society Dimension of the nonprofit sector*. The Johns Hopkins Center for Civil Society Studies. Baltimore MD, 1999; Ekiert G., Foa R. *Civil Society Weakness in Post Communist Europe: A Preliminary Assessment* // Carlo Alberto Notebooks. 2011. URL: www.carloalberto.org/working_papers; Inglot T. *Welfare States in East Central Europe, 1919–2004*. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.
- ²² Pye L.W. *The Non-Western Political Process* // *The Journal of Politics*. 1958. Vol. 20, No 3. P. 480–481.
- ²³ Там же. Ibid.
- ²⁴ Schmitter P. C. *Civil Society East and West* // Diamond, Larry, Marc F.Plattner, Yun-han Seligman, Adam. *The Idea of Civil Society*. New York: Free Press; Toronto: Maxwell Macmillan, 1992. P. 240.
- ²⁵ Salamon L.M., Anheir H.K., List R. *Global Civil Society Dimension of the nonprofit sector*. The Johns Hopkins Center for Civil Society Studies. Baltimore MD, 1999.
- ²⁶ Sanders J., O'Brien M., Tennant M., Sokolowski S. W., Salamon L.M. *The New Zealand Non-profit Sector in Comparative Perspective*. Office for the Community and Voluntary Sector, 2008. P. 7.
- ²⁷ Forbrig, Joerg. *A Source of Democratic Legitimacy? Civil Society in East-Central Europe* // *The Contours of Democratic Legitimacy in Central Europe: New Approaches in Graduate Studies* // European Studies Center, St. Antony's College. Oxford. 2002. URL: http://users.ox.ac.uk/~oaces/conference/papers/Joerg_Forbrig.pdf. P. 5–8.
- ²⁸ Salamon L.M., Anheir H.K., List R. *Global Civil Society Dimension of the nonprofit sector*. The Johns Hopkins Center for Civil Society Studies. Baltimore MD, 1999. P. 475.
- ²⁹ US. Code. 22 USC § 611. URL: <http://www.law.cornell.edu/uscode/text/22/611>
- ³⁰ Ibid.
- ³¹ Строкань С. Индия ограждает НКО от иностранных вливаний // Коммерсант. 2013. № 84 (5115). Strokan' S. *India ograzhdaet NKO ot inostrannykh vlivanij* // *Kommersant*. 2013. 84 (5115).

- ³² Экштут С.А. На службе российскому Левиафану. Историсофские опыты. М., 1998. С. 8, 13. [Ekshut S.A. Na sluzhbe rossijslomy Levafanu. Istoriosophskie opyty. Moscow, 1998. P. 8, 13.]
- ³³ Inglot T. Welfare States in East Central Europe, 1919–2004. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.
- ³⁴ Clowes E.W., Kassow S.D., West J.L. Between Tsar and the People: Educated Society and the Quest for Public Identity in Late Imperial Russia. Princeton University Press, 1991. P. 369.
- ³⁵ Гудков Л. Доверие в России: СМЫСЛ, ФУНКЦИИ, СТРУКТУРА. // Новое литературное обозрение. 2012. №117. Гл. 2. [Gudkov L. Doverie v Rossii: SMYSL, FUNKTSII, STRUKTURA // Novoe literaturnoe obozrenie. 2012. №117. Ch. 2.]
- ³⁶ Там же. [Ibid.]
- ³⁷ Cohen J., Arato A. Civil Society and Political Theory. Cambridge, MA: MIT press, 1992. P. 61.
- ³⁸ Бунин И.М. Бизнесмены России: 40 историй успеха. Москва: ОКО, 1994. С. 371. Bunin I.M. Biznesmeny Rosii: 40 istorij uspekha. Moscow: OKO, 1994. P. 371/
- ³⁹ Зевина О.Г., Макаренко Б.И. Об особенностях политической культуры современной России // Полис. 2010. Вып. 117. № 3. С. 126. [Zevina O.G., Makarenko B.I. Ob osobennostyakh politicheskoy kul'tury sovremennoj Rossii // Polis 2010. №3 (117). P. 126.]
- ⁴⁰ Гудков Л. Указ. соч. Гл. 3. [Gudkov L. Ibid. Ch. 3.]
- ⁴¹ Кертман Г.Л. Межличностное доверие в России // Мировая политика: проблемы теоретической идентификации и современного развития: ежегодник. М.: Российская политическая энциклопедия, 2006. С. 387. [Kertman G.L. Mezhlchnostnoe doverie v Rossii // Mirovaya politika: problem teoreticheskoy identifikatsii i sovremennogo rezvitiya: ezhegodnik. Moscow: Rossijskaya politicheskaya entsiklopedia, 2006. P. 387]; Рукавишников В.О. Межличностное доверие измерение и межстрановые сравнения // Социологические исследования. 2008. № 2. С. 20. [Rukavishnikov V.O. mezhlchnostnoe doverie: izmerenie i mezhranovye sravneniya // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2008. № 2. P. 20.]
- ⁴² Рукавишников В.О. Указ. соч. С. 21. [Rukavishnikov V.O. Ibid. P. 21.]
- ⁴³ Данные любезно предоставлены А.И. Гражданкиным (Левада-центр).
- ⁴⁴ Макаренко Б.И. Новые водоразделы в российском обществе: попытка реконструкции // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. 2013. № 1 (114). С. 14. [Makarenko B.I. Novie vodorazdely v rossijskom obschestve: popytka rekonstruktsii // Vestnik obschestvennogo mneniya: Dannye. Analiz. Diskussii. 2013. № 1 (114). P. 14]; Красильникова М. Доверие и финансовое поведение населения // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. 2013. № 1 (114). С. 47–48. [Krasil'nikova M. Doverie i finansovoe povedenie naseleniya // Vestnik obschestvennogo mneniya: Dannye. Analiz. Diskussii. 2013. № 1 (114). P. 47–48.]
- ⁴⁵ Патнэм Р. Чтобы демократия сработала. М.: Ad Marginem, 1996. С. 216. [Putnam R. Chtoby demokratiya srobotala. Moscow: Ad Marginem, 1996. P. 216.]
- ⁴⁶ Левинсон А. Российское общество до и после 2012 года // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. 2013. № 1 (114). С. 30–31. [Levinson A. Rossijskoe obschestvo do i posle 2012 goda // Vestnik obschestvennogo mneniya: Dannye. Analiz. Diskussii. 2013. №1 (114). P. 30–31.]
- ⁴⁷ Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2012 год. Общественная палата Российской Федерации / руководитель Е.П. Велихов. М., 2013. URL: http://www.oprf.ru/files/doklad_grazhdanskoe_obshestvo.pdf (дата обращения: 22.08.2013 г.). С. 14–15. [Doklad o sostoyanii grazhdanskogo obschestva v Rossijskoj Federatsii za 2012 god. Obschestvennaya palata Rossijskoj Federatsii / rukovoditel' E.P. Velikhov. Moscow, 2013. URL: http://www.oprf.ru/files/doklad_grazhdanskoe_obshestvo.pdf (data obrascheniya 22.08.2013). P. 14–15.]
- ⁴⁸ Ekiert G., Foa R. Civil Society Weakness in Post Communist Europe: A Preliminary Assessment // Carlo Alberto Notebooks. 2011. URL: www.carloalberto.org/working_papers. P. 21.
- ⁴⁹ Справится ли государство в одиночку? О роли НКО в решении социальных проблем. Доклад / НИУ ВШЭ; рук. Л.И. Якобсон. М.: Изд. дом ВШЭ, 2011. URL: <http://www.hse.ru/data/2011/04/05/1211687848/nko.pdf> (дата обращения: 22.08.2013 г.). [Spravitsya li gosudarstvo v odinochku? O roli NKO v reshenii sotsial'nykh problem. Doklad / NIU VSHE; rukovoditel' L.I. Yakobson. Moscow: Izd. Dom VSHE, 2011. URL: <http://www.hse.ru/data/2011/04/05/1211687848/nko.pdf> (data obrascheniya: 22.08.2013).]
- ⁵⁰ Доклад о развитии институтов гражданского общества в России / Фонд развития гражданского общества М., 2013. URL: <http://civilfund.ru/mat/20> (дата обращения: 22.08.2013 г.). [Doklad o Razvitiu institutov grazhdanskogo obschestva v Rossii / Fond razvitiya grazhdanskogo obschestva Moscow, 2013. URL: <http://civilfund.ru/mat/20> (data obrascheniya: 22.08.2013).]

- ⁵¹ Стратегия-2020: Новая модель роста — новая социальная политика: итоговый доклад о результатах экспертной работы по актуальным проблемам социально-экономической стратегии России на период до 2020 г. URL: <http://2020strategy.ru/data/2012/03/14/1214585998/1itog.pdf> (дата обращения: 22.08.2013 г.). С. 648. [Strategiya 2020: Novaya model' rosta — novaya sotsial'naya politika: itogovyj doklad o rezul'tatakh ekspertnoj raboty po aktual'nym problemam sotsial'no-ekonomicheskoy strategii Rossii na period do 2020 g. URL: <http://2020strategy.ru/data/2012/03/14/1214585998/1itog.pdf> (data obrascheniya: 22.08.2013). P. 648.]
- ⁵² Инновации «Единой России»: шпаргалка для избирателей и «овощной подкуп». URL: <http://www.idealforum.ru/showthread.php?t=2525> (дата обращения: 03.10.2013 г.). [Innovatsii “Edinoj Rossii”: shpargalka dlya izbiratelej I “ovoschnoj podkup”.]
- ⁵³ Выступление Генерального прокурора Российской Федерации Юрия Чайки на заседании Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. URL: http://genproc.gov.ru/smi/interview_and_appearances/appearances/83568/ (дата обращения: 29.08.2013). Vystuplenie General'nogo prokurora Rossijskoj Federatsii Yuria Chajki na zasedanii Soveta Federatsii Federal'nogo Sobraniya Rossijskoj Federatsii. URL: http://genproc.gov.ru/smi/interview_and_appearances/appearances/83568/, (data obrascheniya: 29.08.2013).
- ⁵⁴ Железнова М., Корня А. Минюст снова расширяет основания для внеплановых проверок НКО // Ведомости. 05.06.2013. [Zheleznova M., Kornya A. Minjust snova rasshiryaet osnovaniya dlya vneplanovykh proverok NKO // Vedomosti. 05.06.2013.]
- ⁵⁵ Ji Yeon Hong. Does Oil Hinder Social Spending? Evidence from dictatorships. 1972–2008. 2013 (working paper). P. 27.
- ⁵⁶ Стратегия-2020: Новая модель роста — новая социальная политика: итоговый доклад... С. 647–648. [Strategiya 2020: Novaya model' rosta — novaya sotsial'naya politika: itogovyj doklad... P. 647–648.]

ПОЛИТИЧЕСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР: АДАМ ПШЕВОРСКИ ПРЕДСТАВЛЯЕТ КНИГУ «DEMOCRACY IN A RUSSIAN MIRROR»

1. *The Idea*

1.1. *Motivation*

Let me first explain the title: “Democracy in a Russian Mirror.”

We are going through times when the value, the feasibility, and the prospects of democracy are under intense scrutiny in different parts of the world:

(1) Several aspects of the functioning of democracies in the West are currently a source of intense dissatisfaction among their citizens. Everyday life of democracies is not a very pretty picture. Indeed, at one time we thought that the title of the book should be “Really Existing Democracies.” There is widespread dissatisfaction that democracy seems unable to generate equality in the socioeconomic realm, to make people feel that their political participation is effective, to assure that governments do what they are supposed to do and not do what they are not mandated to do, and to balance order and non-interference in private lives.

(2) In turn, governments and their ideologues in many non-democratic countries claim that while democracy is a universal value, it does not have to assume the same forms as those in the West. Different projects of “Non-Western democracy” claim that the “essence” of democracy is “the unity of the government and the governed” (a phrase coined by Carl Schmitt) and that the existence of political opposition and the institution of choosing governments through elections are not necessary for democracy. In such views the form of democracy must depend on cultural traditions or at least some countries are not “yet ready” for democracy in the Western sense.

Yet note that “democracy” is a universal ideal: even those who reject its really existing forms still want to claim this label, to be con-

sidered as such. Even the “Democratic People’s Republic” of North Korea claims this label. The normative appeal of democracy — the values of self-government of the people, of political equality and of political liberty — continue to animate people around the world, even in places that were long thought to be immune to their appeal.

These debates pose several general questions about democracy:

(1) Must some “pre-requisites,” cultural or material, be fulfilled for democracy to become possible?

(2) If democracy can be established only under some conditions, does it imply that these conditions are sufficient for democracy to emerge?

(3) Is the “strong state” a pre-requisite for democracy or an obstacle to it?

(4) Are democratic reforms from above credible or must the impetus come from below?

(5) Is the normative appeal of democracy a teleological force propelling all societies toward this goal or is the Western model of democracy a parochial one?

I hope that you can now see why one would think about Russia when posing these questions. These are questions with which you live every day. Our intent, thus, was to examine these theoretical questions about democracy by focusing on Russia: this is why the title.

This brings us to the analysis of Russia, but ...rst more about the volume.

2 *The Volume*

2.1 *Participants*

The book resulted from the initiative of Andranik Migranyan, whose idea it was to insert discussions of Russia in the general context of analyses of democracy. What fol-

lowed were several intense discussions among a group of Russian and non-Russian political scientists. I do not need to introduce the Russian contributors who are, in order of their appearance in the volume:

Andranik Migranyan
Mikhail Ilyin
Valery Solovei
Boris Makarenko
Alexei Voskressenski
Andrei Melville

The non-Russians, in turn, include Stephen Holmes, American, at New York University Law School

John Dunn, British, at the University of Cambridge

Pasquale Pasquino, Italian, working at CNRS, Paris

J.M. Maravall, Spanish, at the Universidad Complutense, Madrid

Ian Shapiro, South African, at Yale myself, Polish, at NYU

John Ferejohn, American, at New York University Law School

2.2 Disagreements

This is a group with heterogenous experiences and ideas, so that you should not expect to find much consensus in the volume. We argued and argued but were left with some sharp disagreements, some open questions, and many uncertain-ties.

Note that this was not a Russia-U.S. project but an international one. It also bears emphasis that the disagreements were not between Russians and non-Russians.

It was a daring project, possible only because of Andranik Migranyan's courage to pursue it in spite of all the risks.

As a result, the volume is highly controversial, as we have seen in the reactions of its reviewers for the Russian and the US presses. The US reviewers intensely disliked some contributions; the Russian reviewers targeted their criticism on others. Hence, the fact that the book is being published by MGIMO and will be published by Cambridge Univer-

sity Press is a testimony that at the end ideas prevail over fears.

3 Open Issues

Two questions loom large throughout the volume.

One concerns the relation between the state and democracy: Is a "strong state," at least in some sense of this term, a pre-requisite of political competition or does the state become strong only when it functions under the conditions of

political competition?

The second concerns the pre-conditions of democracy and the potential for democratic reforms from above.

3.1 The state and democracy

What comes first: strong state or democracy?

One view is that the state must be "strong" before peaceful political competition becomes possible.

Clearly, some administrative, bureaucratic capacity is necessary for institutionalized political contestation to be possible, if merely to conduct elections on the national territory. Democracies are hardly viable unless the state has something like the monopoly of force within its territory, the capacity to maintain territorial integrity even in the face of secessionist pressures, and so on. Without such a state, both democracies and dictatorships are brittle.

We agree about these minimum requirements. But does it mean that the state is "strong" when the political opposition to the current rulers is impotent? When police force is overwhelming? When political demands are treated as subversive? When any form of resistance to decisions of the executive is repressed? When dissent in the media is silenced?

A state strong in this sense may only ensure the rule of elites. Centralization of political power in the hands of the state apparatus may just signify the rise of unaccountable

power. The absence of organized opposition need not mean that the state is “strong.” States may appear “strong” just because the civil society is weak.

A contrasting understanding is that a state is “strong” not only when it has the capacity to maintain order, extract taxes and allocate them to public uses, but also when it successfully structures, absorbs, and regulates most of the conflicts that arise in the society without relying on repression. A state is strong in this view if it can withstand the presence of organized conflicts, when it offers incentive for powerful interests to process their conflicts within the institutional, including legal, framework. The state is strong when serious conflicts are resolved by elections the results of which are peacefully obeyed by the conflicting parties. This is how the explosion of May 1968 ended in France with the defeat of the government, how the Spanish general strike in 1988 ended with an election won by the government the following year, how the miners strike in 1974 ended in the UK with an election lost by the government.

In this view the state is strong as an institution when an electoral defeat does not affect the chances of the defeated political forces to compete and to return to power in the same way in future elections.

This perspective means that the boat can be — indeed, must be — built at open sea: cannot stand on one platform to build another. Democracy and the state must be built simultaneously.

3.2 Regime stability and reforms from above

Another issue about which there are divergent views is whether the current political regime of Russia is a stable system. In one view, it is best seen as a stage in the process of modernization which will spontaneously lead to democracy. In the second view, it is also seen as a stage, but with the expectation that political evolution will result from reforms directed from above. Yet there are also

opinions that it is a stable, perhaps even stagnant, system with weak institutions. Finally, there is a claim that any regime that relies on one person is not stable.

This divergence of views echoes the two central issues of “transitology”: whether democracy requires some economic, social, or cultural pre-requisites and whether it emerges spontaneously once these pre-requisites are present. The question here is whether it makes sense to ascertain that Russia is in some way “not yet ready” for democracy and whether once it would be “ready” it would become one by reforms directed from above. Note that one can accept the modernization framework and still claim that Russia is ready, perhaps has been for some time.

Although we disagree about the importance of cultural traditions, we do agree that some societal preconditions, level of development and pattern of political cleavages do matter. Yet many countries which fare worse than Russia in terms of economic prosperity, level of education, social disparity and many other aspects, advanced further on the path of democratization. A litmus test of sincerity of statements that a country is not ready for democracy is simple: do the arguments about preconditions for democracy serve to justify the status quo or to identify obstacles which need to be tackled and overcome.

Leaving pre-requisites aside, the question is whether democracy can be constructed by an *ukaz* of a strong state. There is something paradoxical in the argument that current rulers must first consolidate their power so that they could give it up. Are declarations of the intention to establish political competition credible? To accept that the passage to democracy is the goal of the rulers requires faith: faith that their political initiatives, rather than consolidating their monopoly of power, articulate a strategy of democratization and faith that this strategy would be continued until it is completed. This strategy could be made credible only by establishing and publicizing a specific agenda of reforms, with steps and dates, the execution of which would be therefore controllable by the

people. Such a commitment was made by Adolfo Suarez in Spain in 1976. But, at least thus far, no such commitment has been made by Russian leaders.

If not from above, what are the prospects of a democratic movement from below? The question here is whether there exists in Russia a “latent demand for change.” Are the Russian masses demobilized from above or are they spontaneously apathetic politically? Can one expect political movements to arise spontaneously? To some extent the issue is methodological: what can be used as evidence of a “latent demand”? Surveys are not a reliable guide. Conversations over vodka may be more telling than surveys but reports from such conversations do not necessarily converge. What we do know is that “apathetic equilibria” sometimes turn out to be very brittle: witness the rise of Solidarity in Poland, which grew from nothing to sixteen million members in six weeks of the summer 1980.

In this view, then, the notion of being “ready” or “not ready” for democracy is always dubious and often hypocritical. Democracy is not born at the point when an overwhelming majority of elites and most of the society become “civilized,” skilled in tolerance and civil culture: this is the product rather than a pre-requisite of democracy.

4 The Future of Democracy

The future of democracy in Russia will be undoubtedly influenced by the fate of democracy in the rest of the world. Is democracy a universal future of mankind? Is democracy here to stay in the countries that have only recently embraced it? These questions are relevant here because the recent years have witnessed a renewal of doubt about the future of democracy. We increasingly hear the language of “retreat” or “erosion” of democracy. At least three factors can be cited as reasons for being concerned:

(1) The global economic crisis cast a serious shade of doubt over the efficiency of

the Western capitalist model, and by implication, of liberal democracy.

(2) An even more serious damage to the “soft power” of democracy was caused by the unfortunate effort to “export” democracy by the former U.S. administration. The hypocritical use of “democracy promotion” banner in Iraq and Afghanistan undermined the good name of democracy in both democratic and non-democratic countries.

(3) Parallel to that, authoritarian China continued to demonstrate impressive economic and social development, providing an alternative role model to imitate.

Does it all mean that democracy is in fact eroding? Our answer is negative. Unlike the first two waves, the third wave of democracy was not followed by a reverse tide. While several countries that looked promising for democratization failed to make a consistent progress towards it, most reached at least a minimal threshold of democracy and several are making further progress. Some countries which appeared stuck at the turn of the century had a reasonably successful “restart” of transition. Perhaps what has eroded are the hopes that the momentum of the “third wave” would continue infinitely, spreading to more and more countries: a disillusionment of hopes rather than an actual retreat. But the recent events in the Middle East again renewed this hope.

There is no easy way to predict how these trends will develop in the second decade of the 21st century. Yet democracy retains not only its competitive advantages but also its normative appeal. The ability of the people to remove governments through elections allows conflicts to be processed without repression and yet in peace. The prospect that the government will be tested in elections induces the rulers to work hard to promote general interests rather than those of their own or their cronies (“accountability”). In turn, the prospect that they would be able to remove the government if they so wish generates the popular belief that people have something to say about the ways they are governed (“legitimacy”). Obviously, there is more to democracy than chang-

ing governments. But elections in which power is truly at stake are the only mechanism we have known in history through which political conflicts are processed without repression and in, always relative, peace. Moreover, the free flow of information and free competition of ideas have some economic virtues.

These virtues do not mean, however, that the mechanism always works well, that it is possible to establish under all conditions, or that it will be established everywhere. There is nothing inevitable about the progress toward democracy. Neither economic nor social modernization is sufficient to mechanically generate democracy. The controversy in this volume is whether there are some con-

ditions that are necessary for democracy to be established and whether these conditions, if there are any, are present in Russia today. And while all of us agree that democracy is possible in Russia, we still differ sharply about the prospect that this possibility would be realized in the near future.

Indeed, I think this divergence of views is the greatest virtue of the book. We sharpened the questions and the issues, we outlined logically coherent and factually supported positions on these issues, but did not pretend that we agree where we did not. What we hope to have achieved is to enlighten the choices facing Russia today, choices that only the Russian people can make.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ САМОУТВЕРЖДЕНИЕ РОССИИ

М.В. Ильин

Существует анекдот о человеке, который никуда не уезжал из своего родного Мукачева, но на протяжении двух с небольшим десятков лет успел побывать подданным Австро-Венгерской империи, Чехословацкой Республики, королевства Венгрия, а потом и Советского Союза. Конечно, нам, нынешним россиянам, далеко до такой быстрой смены паспортов, однако быстро и порой резко меняющиеся представления о своем государстве и политической традиции воспринимаются многими нашими соотечественниками крайне болезненно. Затрудняют они поддержание надежного политического порядка внутри страны, а также взаимодействие России со своими зарубежными партнерами. Эти злободневные обстоятельства вкупе с более основательными и масштабными историческими вызовами делают проблему политического самоопределения России, ее самоутверждения крайне важной и многоплановой, а ее разрешение — весьма нелегкой и ответственной задачей.

Наша страна на протяжении нескольких десятилетий осуществляла всемирно-исторический эксперимент радикального изменения социальных и политических порядков с весьма неоднозначными результатами. Советский Союз пытался стать своего рода анти-Западом, но это привело к парадоксальной гегемонии двух сверхдержав. Демонтаж Советского Союза отнюдь не повлек исчезновения державы в северной Евразии. Политические порядки новой России демонстрируют явную преемственность со многими традициями СССР и Российской империи. Что Россия сохранила во всех своих превращениях? Что

утратила? Что создала нового? Без ответа на эти вопросы трудно и фактически невозможно строить долгосрочные планы развития. Необходимо ясное политическое самоутверждение России, отчетливое понимание нами самими, нашими соседями, а также лидерами мирового развития, чем Россия была, чем она является сейчас и чем способна стать.

Мощная динамика и изменчивость России во многом объясняется тем, что она была едва ли не первой неевропейской страной и цивилизацией, которая уже при ранних Романовых вступила в состязание с Европой, пытаясь скорее инстинктивно, чем сознательно, усвоить и присвоить достижения только начавшейся на Западе модернизации. Ее опыт ценен хотя бы своей длительностью: три с лишним века европеизации и полтора — модернизации. В равной мере он ценен своим многообразием: отношение к модернизации и к Европе, а затем Западу много раз менялось в череде официальных моделей развития, не говоря уже о разнообразии частных подходов.

Важна Россия и как цивилизация, которая непосредственно или через звенья Великого Лимитрофа (Восточная Европа, Закавказье, Казахстан и Монголия) граничит с другими важнейшими цивилизациями (европейской, малоазиатской, иранской, среднеазиатской, китайской, японской, североамериканской), а также с ближневосточным и балканским цивилизационными комплексами.

Со многими из этих цивилизаций и цивилизационных комплексов Россия связана породнением, порой неоднократным и по большей части весьма двусмысленным. Наша цивилизационная и культурная идентичность оказы-

вається весьма растяжимой. Срединное положение России на суперконтиненте Старого Света делает ее своего рода сердцевиной цветка, к которой различные цивилизации, от европейских до дальневосточных, примыкают наподобие лепестков. Россия легко идентифицирует себя с цветком и с отдельными его лепестками.

Особенно важно то, что Россия осуществила крупнейший всемирно-исторический эксперимент, «приватизировав» марксизм и сделав его краеугольным камнем мирового соперничества коммунизма и капитализма, Востока и Запада, центрами силы этих двух сверхцивилизаций в виде двух сверхдержав — СССР и США. Тем самым одна из радикальных версий революционной модернизации, выработанной европейской цивилизацией в числе других внутренних альтернатив, была превращена во внешнюю идею антикапитализма, или анти-Запада [Ильин, 1995].

Подобного рода экстерниоризация позволила Западу в определенной мере транслировать вовне, экспортировать некоторые стороны антиномий модерна, с которыми трудно и опасно было совладать на собственной почве. Так, вполне органичный для модернизирующегося Запада тоталитарный тренд от диктатуры Савонаролы и Нового Иерусалима мюнстерских анабаптистов до итальянского фашизма и германского нацизма был представлен как отдельные национальные девиации на фоне полномасштабного и всемирно-исторического проекта советского коммунизма. Это обернулось благом для Запада, которому оказалось легче преодолевать внутренние искушения тоталитаризмом.

Однако и внешний мир в лице «реального социализма» получил не только издержки в виде тоталитарных диктатур, но и ценнейший опыт эффективного решения отдельных изолированных задач модернизации в их предельной или близкой к предельной форме. Более то-

го — Россия обрела выстраданное и — увывы — пока еще не слишком рационализованное знание, скорее интуитивное ощущение того, что развитие должно быть многогранным, сбалансированным и глобальным. Недаром выход из утопии анти-Запада был начат под лозунгами «нового мышления» с их пафосом коэволюции, конвергенции и приоритетов глобализации.

Наконец, Россия оказалась средоточием так называемого «посткоммунистического транзита» — процесса неопределенных по исходу перемен. Это небывалые по своим масштабам процессы, непосредственно охватившие не только страны «реального социализма», но и зону бывших периферий соперничества Востока и Запада, а косвенно — все остальное человечество. При этом обстоятельство не оставляют ни времени на подготовку перемен и на «раскачку», ни страховочных ресурсов, ни исторического резерва на осуществление проб и ошибок. Главное же заключается в том, что наиболее простой способ перемен — через революционный кризис, обвал и возрождение с нуля — оказывается уже более недопустимым, поскольку он не только сопряжен с бедствиями для миллионов людей, живущих на огромных пространствах нашей планеты, но почти наверняка может спровоцировать резкое обострение глобального кризиса, вызвать поистине планетарную катастрофу.

Основная задача не только России и других стран зоны транзита, но и всего мира заключается, таким образом, в том, чтобы обеспечить некатастрофическое осуществление перемен, а в идеале их постепенный перевод в режим устойчивого, т.е. управляемого, развития. По существу, именно в условиях глобализации как наиболее продвинутой стадии модернизации обеспечение управляемости развития, его синхронизации в масштабах планеты начинает проявляться как центральная проблема и одновременно

смысл эволюционных сдвигов, начатых пять с лишним веков назад в западноевропейском «поясе городов» и приобретенных глобальным масштабом и отчетливостью на рубеже тысячелетий.

Стабилизатор мирового развития?

В духе подобной рационализации возможно, например, перетолкование геополитической самоидентификацией новой России. Дело в том, что выход из утопии анти-Запада был начат под лозунгами «нового мышления» с их пафосом коэволюции, конвергенции и приоритетов глобализации. Исторический вызов состоит в том, чтобы найти «антиреволюционные» [Саква, 1998], а точнее, нерреволюционные (некатастрофические) способы осуществления «революций». Подобный подход к «посткоммунистическому транзиту» позволяет рассматривать его как критически важный пример, а при получении позитивных результатов и как образец для постепенного разрешения противоречий модернизации и глобализации в череде конструктивных (некатастрофических) перемен, открытых для трансформации в режим устойчивого развития.

Решение подобного круга задач немислимо без ясного политического самоопределения России для мира и для себя, без отчетливого понимания нами самими, нашими соседями и лидерами мирового развития, чем Россия является и может стать. Однако для того, чтобы достичь необходимой ясности, требуется своего рода «затемнение», проблематизация кажущихся бесспорными представлений. И помочь в этом может восходящая к Х. Маккиндеру идентификация России как Сердцевины Земли (Heartland), которая одновременно является Осью Коловращения Истории (Pivot Area of History), поскольку по своим краям оказывается вовлеченной в мировое развитие, тогда как основная ее внутриконтинентальная масса остается непроницаемой для внешних веяний.

Данная геополитическая модель обычно интерпретировалась в терминах силового противоборства. Но нее можно взглянуть иначе, предположив, что Ось Коловращения Истории становится неким подобием «ока тайфуна», т.е. зоны покоя и замедленности среди наиболее интенсивных перемен и развития, порождаемых окружающими Евразию регионами так называемого Внешнего и Внутреннего Полумесяца (Outer and Inner Crescent), или — уже в терминах Н. Спайкмана — Окружия Земли (Rimland).

Метафорика Оси Коловращения Истории обладает большим когнитивным потенциалом. Так, предназначение Сердцевины Земли может быть усмотрено в том, чтобы служить своего рода стабилизатором мировых процессов, обеспечивая устойчивость развития. Подобная геософская интерпретация прямо связывает Россию с ключевой проблемой всего мирового развития — обеспечения его устойчивости.

Необходимо отметить, однако, что для претензий на осуществление роли стабилизатора мирового развития, России следует сначала обеспечить свою собственную устойчивость, добиться некатастрофического исхода политической и культурной перестройки в России и Евразии в целом. Насколько оправданы подобные надежды? Сможет ли Россия стабилизировать себя и стать мировым стабилизатором? Результаты зависят от множества обстоятельств, например, от политических решений, которые будут приниматься и в России (на разных уровнях), и ее соседями, и державами Окружия Коловращения, и, наконец, мировым сообществом в целом. Не в последнюю очередь зависят они и от частных лиц, их сообществ, особенно если это сообщества творческие, а образующие их личности — люди обширных знаний и доброй воли, если они способны сочетать укорененность в своей культурной почве с поистине космополитическим видением глобальных проблем.

Для соединения устойчивости и развития, для использования в данных целях геополитического, цивилизационного, культурного, а также ресурсного в широком смысле разнообразия для начала необходимо одновременное и согласованное решение двух ключевых проблем. Одна заключается в осознании Россией и ее евразийскими соседями своей роли мирового стабилизатора, в мобилизации ими политической воли и внутренних ресурсов на то, чтобы сыграть такую роль. Другая состоит в том, чтобы мировое сообщество, и в первую очередь евроатлантические и тихоокеанские державы, признали мировое «разделение труда» в деле обеспечения глобального устойчивого развития и перестроили свои отношения с Россией и с ее соседями ради партнерства в данном отношении.

Особая, вторичная, но от этого не менее, а в перспективе даже более важная роль принадлежит странам и культурам переходной зоны так называемого Великого Лимитрофа. Они могут и должны стать трансляторами организационных, информационных и прочих взаимодействий между уже провоцирующим развитие и тем самым дестабилизирующим мировой порядок Окружием Земли и Сердцевиной Земли, пока лишь потенциально способной (а быть может, и геополитически предназначенной?) придать развитию устойчивость, а мировому порядку — стабильность.

Подобная концептуализация предназначения России лишь одна из многих возможных. Будущее нашей страны, а во многом и мира зависит от того, насколько полно и интенсивно будут использованы накопленные в нашей тысячелетней истории возможности понимания того, кто мы в мире и что мир для нас.

Истоки самоопределения России

Можно спорить о том, происходило ли самоопределение Руси в момент легендарного «призвания варягов». Во всяком случае «схватывание» незавершенно-

го союза племенных союзов и городов обручем-державой дружинного господства Рюриковичей не вызывает сомнений. Следующий, уже совершенно бесспорный акт самоопределения Руси связан с ее так называемым «крещением». В ходе этой преимущественно политической акции осуществляется крайне двусмысленный выбор цивилизационной формы, отразившийся в сказании об «испытании вер» [Ильин, 1997, с. 370–371].

Двойное испытание четырех альтернативных образцов для подражания (их не религиозные, а геохронополитические версии — это, во-первых, депотическая протоимперия хазар, во-вторых, полисная протоимперия булгар, в-третьих, романо-германская Хризалида и, в-четвертых, теократия Византии) ведет отнюдь не к принятию какой-либо из них, хотя симпатии к византийству и подчеркиваются дважды. Подлинный акт самоопределения связан с последующим завоеванием символов теократической власти в Корсунь. Вера, а с нею модель политической организации не принимается, а завоевывается, присваивается.

Сказание о выборе вер и идейно развивающее его «Слово о Законе и Благодати» Илариона свидетельствуют, что политическая реформа Владимира была ориентирована на творческий псевдоморфоз теократии. Она была проникнута задачей не только освоения, но и пересоздания византийской теократической формы, была осенена мощным пафосом превращения Руси в иную, более высокую, чем Византия, теократию.

Эпоха ордынского владычества повлекла новые преобразования, а с ними появление четырех различных геополитических образований на месте прежней Руси. При этом происходит как симуляция, так и имитация политических форм Орды. С образованием самостоятельной Московии вновь возникает проблема самоопределения. Она концептуализуется в виде проблемы наследия Московско-

го государства, понимаемого как личное достояние государя.

Чтобы из великого князя захолустной Москвы, лимитрофного вассала Золотой Орды стать царем (русский титул владыки Орды) «всея Руси», требовалось обосновать свое право на наследие Чингисхана. Дело упрощалось из-за раздробленности этого наследия. Московские князья прибегли к хитрому ходу — даровали земли Чингизидам из Касимова рода, сделав их тем самым своими подданными. Затем путем породнений московская ветвь Рюриковичей стала числить в своих предках Палеологов (византийское наследство), Гедиминовичей (литовское и, что важнее, киевское наследство) и Чингизидов (евразийское наследство). Наконец, были «разысканы» генеалогические связи с императором Августом (римское наследство). Все это позволило Ивану Грозному увенчать себя царской короной. Далее последовало присоединение других корон — Казанской, Астраханской и т.п.

В результате возникает крайне двусмысленно самоопределенный царский (имперский) престол: исконно русский (киевский), римский, византийский, евразийский. Призматичность такой системы была выражена очень ярко, а история с введением государств-двойников (опричнины и земщины) только ее подчеркивала.

Самоопределение русского самодержавия

Появление в конце XV в. Велико-го Княжества Московского было решающим шагом на пути к освобождению от трехсотлетнего иностранного господства, получившего колкое название татаро-монгольского ига. В этот период времени Иван Третий Великий и его зять Стефан Великий Молдавский использовали концептуальное новшество. Провозгласив независимость от Золотой Орды и Оттоманской империи соответственно, они назвали себя *государем* и *господарем* (две альтернативные формы од-

но и того же слова), а подконтрольные им политические образования — своими «владениями» или «хозяйствами», т.е. *государством* и *господарством* соответственно.

Слово *государь* является всего лишь формой старославянского слова *господь* (господин). Корни этого слова уходят в индоевропейское понятие власти над чужестранцами. Славянское слово *Господь* соответствует реконструируемому индоевропейскому слову **hos(t)potis*, которое образовано от корней **host* и **pot*. Соответственно индоевропейское слово **hostis* означает «чужак», а **potis* — мужчина, выступающий вместе со своей парой **potnia* (отсюда славянская *панна*) прокреаторами рода, его родоначальниками здесь и сейчас. Иными словами, *господь* политически обеспечивал важную функцию различения своих и чужаков, а также определения того, кто из чужаков может быть принят в род, а кто — отвергнут и признан врагом.

Первобытное господство после череды превращений дало на исходе Средневековья не только в Восточной, но в Западной Европе сходные политические формы централизованной организации власти на определенных территориях. Названиями этих форм были лат. *dominium*, нем. *Herrschaft*, нид. *heerlijkheid*, фр. *seigneurie* и, наконец, ит. *signoria*. Так что объявлять *государство* или *господарство* уникальной придумкой русских или молдаван безосновательно. Этими разными словами обозначался примерно один структурный тип правления при всем различии стилистики или масштабов властвования: от огромного московского государства до крохотной нидерландской сеньории Турне — она же херлекхейт Доомик.

Чтобы подчеркнуть свой особенный статус, Иван III стал называть себя не просто государем, а великим или самодержавным (независимым) государем. Характерно, что другое русское политическое образование — Новгородскую

республику — часто называли господин Великий Новгород, что в современных терминах можно понять как Великий суверен Новгород. В любом случае, притязания правителей и Москвы, и Новгорода на обладание статусом самодержавного государя означали, что и государь, как в условиях абсолютной княжеской власти, так и республиканской формы правления, и его подданные были объединены в рамках одной державы, одного государства. Подобное единство было залогом свободы перед лицом внешнего порабощения.

Русское слово *самодержавие* часто переводится как «автократия». Его неточно воспринимают как славянскую кальку греческого оригинала. Однако в греческом языке слова «автократия» не было, а словом *автократор* именовался император Западной Римской империи, свой же, восточный — базилевсом. Так что автократия — это калька латинского оригинала. Что касается соответствия славянских корней греческим, то первые компоненты (авто- и само-) можно считать в некоторой степени эквивалентным обозначением «себя», вторые же части отличны друг от друга. В обоих случаях речь идет о власти, но о власти разного рода. Греческое слово *кратос* обозначало принудительную и инструментальную власть, сочетающую идеи военного и физического превосходства и выносливости. Славянское слово *держава* подразумевает объединяющую власть, держащую людей вместе (основа — *дер* от и.е. **dher* — «держат вместе»). Таким образом, в то время как автократия предполагала принуждающую неограниченную силу субъекта над его подданными, самодержавие означало самобъединяющую власть, включающую как правителя, так и управляемых.

В индоевропейском семействе традиций слова, образованные от корня **dher*-, связаны с обозначением коренных принципов мироустройства. Это не только славянская *держава*, но также латинская,

а затем и западноевропейская *форма* (*forma*). Это также индийская *дхарма* (*dh rma*) [Цымбурский, 2010]. У славян под державой понималось, вероятно, то, что скрепляло племя, например, заветы предков. Однако одновременно держава продолжала также символизировать общее наследие и власть династии Рюриковичей, а князь воспринимался как держатель и патриархальной традиции, и новой сакральной власти, дарованной ему свыше как помазаннику.

С этой точки зрения самодержавие не является только автократией в узком европейском смысле простого и прямого доминирования. К этому смыслу добавлено еще и понимание самодержавия как интегрирующей скрепы, как всеобщей мирской инстанции, наделенной властью свыше и обеспечивающей целостность мира. Концептуально самодержавие предполагает, что как власти, так и народ образуют одно политическое целое. На самом деле эта концептуальная схема была настолько сильной, что легла в основу, пожалуй, самого распространенного советского лозунга «Народ и партия — едины». В действительности любая власть в России постоянно была бы одержима этим заветом достижения единства с народом. Доминирующая в Государственной Думе партия имеет характерное название *Единая Россия*.

Суверенный, свободный и равноправный в отношениях с равными себе — это ключевое значение прилагательного *самодержавный*. Вплоть до самого XIX в. прилагательное «суверенный» использовалось в российских дипломатических документах как стандартный термин для обозначения суверенной власти царя [Рошин, 2006; Рошин, 2008]. И даже позже изначальный термин *самодержавный* и транслитерированное слово *суверенный* продолжали использоваться как синонимы до тех пор, пока в советские времена предпочтение не было отдано последнему.

Восстановление и укрепление российской государственности после Смуты

потребовало нового самоопределения. С образованием в середине XVII столетия Вестфальской системы и с подключением к ней в качестве державы внешнего имперского кольца европейский фактор стал играть особенно важную роль в тогдашнем и во всех последующих самоопределениях России. Вызов получил ответ в виде усвоения европейского культурного, политического и особенно военно-административного наследия путем подражания Европе.

По странному совпадению на середину XVII столетия приходится завершение трансформации лимитрофного Великого княжества московского в евразийскую державу Алексея Михайловича Романова, которая ярко и точно определена как Великая самодержавная революция [Пивоваров, Фурсов, 1997]. Суть ее в том, что намечавшееся было формирование сословий, корпораций и слобод было повернуто вспять радикальным упрощением договорных феодальных иерархий в систему простого подчинения в виде службы и тягла. Этой тенденции отвечало и свертывание институтов политического представительства, прежде всего земских соборов.

В результате практически полного подчинения самодержавному авторитету всех остальных сегментов или блоков отечественной политической системы в середине XVII в. создаются условия для того, чтобы уже к концу столетия, в петровские времена сформировать политическую систему, которая с многочисленными модификациями просуществовала вплоть до наших времен. Это призматическая система, образованная четырьмя эволюционно разнородными блоками политической организации, консервировавшими и воспроизводящими логику целедостижения определенного эволюционного типа.

Первый блок — вотчинный, или патримониальный, представляет собой простое сочленение вотчин-патримониумов, воспроизведение «семейной модели» го-

сподства во все более крупных масштабах. Второй блок развился из поверхностно и ускоренно заимствованной у Византии христианской теократии. Он основан на господстве единой и единственной «правды». Третий блок — упрощение и без того не слишком изоширенной ордынской деспотии (варяжское дружинное господство можно рассматривать как протоверсию данного блока). Функционирует этот блок как непосредственная мобилизация всех ресурсов, включая и ресурсы принуждающего насилия, на решение некой «судьбоносной» задачи. Наконец, четвертый блок — это претендующая на модернизованность военно-бюрократическая структура «государевой службы» — упрощенная версия популярной в Германии XVII–XVIII вв. утопии так называемого *полицистского государства* (Polizeistaat), власти которого, руководствующиеся «просвещенностью» и *полицистической наукой* (Polizeiwissenschaft), обо всем пекутся и все устраивают наилучшим образом.

Эти блоки находятся в остром конфликте друг с другом. Различно их происхождение (докиевская племенная Русь, перезревающая византийская теократия, варварская Скандинавия и Орда, только начинающая модернизацию Германия), да и принадлежат они к разным эволюционным временам. В силу этих обстоятельств темпоральные логики блоков существенно различны. Вместе с тем они в большей или меньшей степени отмечены имперскими синдромами. Однако этой отдаленной созвучности недостаточно, вероятно, для того, чтобы данные блоки вполне успешно не только сосуществовали, но мирно и убедительно «притворялись» друг другом, конвертируя свои специфические функции: веру — в службу, семейственность — в волевой натиск, тот — в веру и т.п.

Как это достигается? За счет образования особого устройства — посредника, который проще каждого из блоков и одновременно подобен каждому из них.

Этот посредник упрощает смысл той или иной функции для ее восприятия и воспроизведения уже в логике других блоков.

Что же представляет собой посредник? Это соединение трех сфер: ядра, посредующей и внешней оболочки. Центром всех этих сфер является символическая фигура автократора (царя, императора, генсека, «всенародно избранного президента»). Внешней оболочкой во всех случаях является «народ». Ядро же и посредующая оболочка могут раскрываться как в военно-бюрократическую иерархию, так и в патримониальное «старшинство», как в ступени (и степени) православной, коммунистической, или «демократической» ортодоксии, так и в близость — удаленность от деспота.

Петровская «модернизация» не была и не могла быть действительной модернизацией — даже вторичной. Причина в том, что даже у самых выдающихся умов Европы того времени еще не было понимания того, что европейцы живут в особую эпоху и решают небывалые эволюционные задачи. Тем более не было подобного понимания и у европейских политиков, военных, купцов и мореходов, с которыми имели дело россияне. Петр и его «птенцы», однако, уже ощущали, вероятно, качественные отличия Европы и, без сомнения, видели, что в двойной цивилизационной системе России отводится роль альтернативного противовеса, своего рода периферийной анти-Европы. В этой ситуации вполне естественным было желание присвоить достижения Европы и перестать быть ее периферией.

Решение было вполне традиционным, в духе Владимира Святого и Ивана Грозного: принятие европейства путем его завоевания, разделение страны на новую и старую с последующим внутренним завоеванием и т.п. В этом же ряду вполне традиционный для исторических империй прием — создание новой столицы. И все это сопровождается

очередным моментом самоопределения России: к достоинству царства добавляется не меньшее достоинство империи.

Самоопределение русского освобождения

Само название «Отечественная война» (война сынов Отечества за свою Родину) подчеркивает сознательное стремление русских людей отразить наполеоновскую агрессию и осуществить еще один переход к освобождению и самообъединению сынов одной родины, которые по отдельности готовы были выполнить свой общий долг, сражаясь с иностранными захватчиками. Победоносному Александру I, нареченному своей бабушкой Екатериной II в честь Александра Македонского, предстояло построить постнаполеоновский порядок в Европе на чрезвычайно гуманных христианских принципах. Он стремился стать конституционным монархом, чего дома в Санкт-Петербурге не мог себе позволить. Ему пришлось оставить проекты конституционных преобразований как раз накануне Отечественной войны. Но в Вене он выторговал себе королевство и стал конституционным монархом Польши. Ирония в том, что его самые благие порывы только стимулировали автократическое презрение к либерализации где бы то ни было: в Европе, Польше и в самой России. Стремление России к освобождению выродилось в усиление автократической власти.

Однако не все было так просто и однозначно. Внутреннее политическое развитие вкупе с попытками вестернизации и интеграции России в европейский политический порядок привело к серьезным изменениям. Возможно, решающим изменением было появление такого понятия, которое бы обозначало людей не только как народ, но и как потенциального актора, способного встать на защиту самой России. Обычно народ был молчалив, как, например, в символической сцене выборов царя в пьесе Пушкина «Борис Годунов», но был способен

действовать спонтанно и решительно в такие революционно важные моменты, как Отечественная война.

Провозглашение направляющей идеологической формулы было важным отражением произошедших перемен и нового сочетания основ российской политики. Православие, Самодержавие, Народность (национальность, способность людей мыслить как единый русский народ). Не секрет, что эта формула, придуманная министром образования России Сергеем Уваровым в 1833 г., была созвучна с формулой Французской революции: Свобода, Равенство, Братство и потому была «русской версией основной европейской идеологии реставрации и реакции» [Riasanovsky, 2005: 133]. Однако в равной мере верно, что эта формула переопределила властную структуру внутри Русской Системы. Православие подтвердило старый принцип сакральной державы, в которой власть государю дается свыше. Самодержавие предполагало прагматическое функционирование державы автократа и его полицейской государственной администрации, а также суверенитет и целостность России. Народность указывала на то, что в действительности русский народ был ядром, на которое была направлена концептуализация и осуществление политики. В действительности, именно третья компонента подтвердила фактическое преобладание власти в руках народа. Концептуально это означало, что русский народ стал еще одним источником власти наряду с государем и автократом. Был открыто признан современный принцип организации политики снизу-вверх. Сейчас кажется очевидным, что это признание было главнейшим условием для приближающейся модернизации и демократизации, будущее которой, тем не менее, было туманным.

Самоопределение России-СССР

В результате очередной освободительной революции в нашей стране вновь

воссоздалась самодержавная власть. Вновь великий акт всеобщего освобождения обернулся открытой диктатурой. Советская власть была крайне противоречивой. С одной стороны, она опиралась на массовое участие, что придавало ей демократические черты особенно в сочетании с институциональной формой прямой демократии советов. С другой стороны, управлять формирующейся системой смогла только в высшей степени интегрированная и дисциплинированная авангардная партия нового типа.

Демократический централизм был ответом на практический вопрос, касавшийся управления страной. Первоначально он представлял собой набор внутренних организационных принципов нарождающейся в России социал-демократической партии, предложенных большевиками и непосредственно Лениным.

Когда Советская Россия достаточно окрепла, принципы демократического централизма легли в основу внутренней структуры советской системы правления. Однако как конституционный принцип, на основе которого организовано государство, демократический централизм был официально закреплен только в ст. 3 Конституции СССР 1977 г.: «Организация и деятельность Советского государства строятся в соответствии с принципом демократического централизма: выборностью всех органов государственной власти снизу доверху, подотчетностью их народу, обязательностью решений вышестоящих органов для нижестоящих. Демократический централизм сочетает единое руководство с инициативой и творческой активностью на местах, с ответственностью каждого государственного органа и должностного лица за порученное дело».

Считается, что благодаря закрепленным в советской Конституции 1936 г. демократическим принципам этот документ стал одним из самых передовых правовых документов того времени.

Конституция 1936 г. сняла ограничения на возможность голосовать и закрепила прямое всеобщее избирательное право и право на труд. Конституция также предусматривала прямые выборы всех органов власти и их реорганизацию в единую и единообразную систему. Советский период политического развития весьма последователен в своей концептуальной целостности. Тем не менее существует большая разница между довоенным и послевоенным состояниями (стадиями) одного и того же советского проекта как в структурном (конституционном), так и в институциональном (режимном) измерениях. В то время как первое состояние заключалось в вырождении прямой демократии Советов в открытый тоталитаризм, второе обозначило демонтаж тоталитаризма и движение к гораздо более универсальным и гетерогенным формам авторитарического правления.

Уже в условиях военного коммунизма начинает воспроизводиться конфигурация прежней политической системы четырех блоков и медиатора. Полицистский блок замещается системой «демократического централизма». Вотчинный воспроизводится в виде безусловного и персонального господства полностью контролирующих свои «уделы» комиссаров и личной ответственности пред вождями различных масштабов всех, попавших в сферу их контроля. Православный блок замещается в потенции коммунистической идеократией, представленной пока весьма размытым революционным этосом. Наконец, дружинно-деспотический блок представлен режимом чрезвычайщины и господством «революционной законности».

Возникает и некое подобие медиатора, которое легко можно разглядеть в ленинской формуле «вожди — партия — класс — массы», обнародованной в работе «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» (1920). Фактически данная схема предполагает «материализацию» медиатора

в виде партии. «Мы должны знать и помнить, — писал вождь Советской России, — что вся юридическая и фактическая конституция советской республики строится на том, что партия все исправляет, назначает и строит по одному принципу» [Ленин, т. 31, с. 342].

Воспроизведение самодержавной по сути конфигурации власти, замаскированной квазимарксистским идеологическим антуражем, было спровоцировано модернизационными вызовами, однако получало архаические ответы. Результатом стало превращение новой российской версии абсолютного, тотального самодержавия «вождя пролетариата и всего прогрессивного человечества» в один из вариантов тоталитарной диктатуры, эволюционно связанной с дисфункциональными срывами форсированных модернизаций в XX столетии.

«Реальный социализм» как разновидность политической организации является коммунистическим самодержавием. Оно пронизано глубоким противоречием, связанное с проблематикой модернизации. Его исходной целью является утверждение любой ценой максимальной политической, социальной, экономической, идеологической, культурной и прочей однородности ради форсирования модернизации. Однако рациональный смысл модернизации как раз и заключается в осуществлении постоянной инновации, а значит, порождения все большего разнообразия, гетерогенности политической организации.

В условиях *экзогенной* модернизации утверждение мощных начал гомогенности служит своего рода противовесом для сдерживания, уравнивания инновационных тенденций повышения гетерогенности, не дает им выйти из-под контроля и разнести систему в клочья. Кроме того, создается необходимая среда для испытания новаций. Иное дело тоталитаризм с его форсированной и деформированной модернизацией. Экстремизм установок как на гомогенизацию,

так и на модернизацию создает чудовищное противоречие: бескомпромиссная гомогенизация делает всякую инновацию невозможной, последовательная инновация несовместима со всеобщей усредненностью, стандартизацией и т.п.

Создание заповедников инновации (неординарности) эффективно, когда туда загоняется небольшое творческое меньшинство, которому вполне по силам решение тех или иных задач модернизации. Однако почти сразу, а чем дальше, тем больше возникает проблема трансляции, переноса достижений из заповедников в массы. Порожденные же модернизацией массы не готовы к восприятию инноваций, элиты из заповедников не могут и не хотят снижать качественную планку инноваций. Приходится мобилизовать идеологию, административный и даже репрессивный аппарат, чтобы заставлять массы «усваивать» новшества — результатом становится массовое производство и воспроизводство симулякров модерности.

Одновременно приходится внедрять в заповедники очажки усредненности, чтобы редуцировать образцы инноваций до приемлемого массам уровня. Вновь производятся симулякры модерности. Система тратит все больше сил, получая относительно все меньший и, главное, качественно сомнительный реальный выход. Это, собственно, и порождает действительный застой.

Можно даже утверждать, что сталинский режим в результате кризиса 1941 г. трансформировался в новый на фоне решимости русского народа отразить фашистскую агрессию любой ценой в Москве, Сталинграде, а затем и под Курском. Пример Отечественной войны 1812 г. был воспроизведен во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Общее название — *отечественная война* — отражает их существенное сходство. Результаты этих войн также были сопоставимы. Участие во всеобщей антифашистской освободительной борьбе и

твердая решимость советских патриотов бороться против иностранных захватчиков привели к господству сверхдержав на мировой арене и новому виду самодержавного режима внутри страны.

При всей инерции личной власти Сталина и ее стилистики отличие второго (послевоенного и посттоталитарного) советского режима от предыдущего намечается уже в годы войны (признание роли православной церкви, замена народных комиссариатов министерствами, административные и военные реформы) и ко времени проведения XIX съезда КПСС. Особенно ярко эти перемены проявились во время «хрущевской оттепели» и XX съезда КПСС.

Годы и десятилетия после смерти Сталина можно рассматривать как постепенный процесс десталинизации или как ряд структурных и существенных изменений, влияние которых оказалось чрезвычайно большим, несмотря на заявления радикально настроенных критиков 80-х гг. о том, что система не реформируема. Тем не менее советская система развивалась. Во время правления Хрущева была выдвинута идея «всенародного государства». Заявлялось о восстановлении ленинских норм демократического централизма в партии и государстве. Партия стремилась сохранить единство народа и власти. Распространенным лозунгом в то время был «Народ и партия едины».

Институциональная система правления или действующая конституция оказались вполне способными к адаптации и трансформации. И действительно, система расширилась, за счет существенного увеличения груза ее функциональных обязанностей и задач как внутри страны, так и за ее пределами. Система усложнялась и диверсифицировалась, несмотря на ее традиционную предрасположенность к единству и доктринальные требования коммунистической однородности порядка. Типичным структурным решением было появление зон исключе-

ния из такого порядка. Постепенно «дырок в сыре» становилось все больше. Под конец дырок, а с ними и потенциальных пространств освобождения, даже стало больше, чем сыра, хотя режим этого как будто не замечал.

Результатом этого процесса стало постепенное ослабление и институциональной системы, и режима. Это ослабление в некотором смысле может напоминать либерализацию режима, но имеет, однако, совершенно другой характер. Его более существенной характеристикой был реактивный тип проведения политического курса и принятия решений. Брежневский политический курс, обладающий реактивной природой, рассматривался как стагнация. Он был неподходящим для систематических и решительных реформ, но давал «зеленый свет» другому типу изменений, возникающих спонтанно и являющихся неотъемлемой чертой режима. Еще более важен тот факт, что реактивная природа позднесоветского политического поведения дала больше шансов для индивидуальной импровизации и тем самым участия. Именно в таких условиях и началась перестройка.

Вопреки распространенному предубеждению, будто «система неререформируема», за годы советской власти удалось не только добиться определенных политических, военных и экономических успехов, в течение нескольких их десятилетий выступая в роли сверхдержавы, но и существенно реформировать политический строй в череде переходов — сначала в сталинский тоталитаризм, затем в его более сложную послевоенную версию, после этого в его хрущевскую квазитоталитарную версию — «десталинизованную» и мультиплицированную, наконец, в неоквазитоталитаризм так называемого «застоя» и в лихорадку посттоталитарного ремонта начиная с андроповских времен.

Все эти превращения самодержавного, по сути, правления сопровождались

как созданием разного рода симулякров, так и имитацией модернизационных процедур. В целом можно признать, например, что СССР фактически консолидировал свой суверенитет, создав достаточно однородный политический режим внутри четко очерченных территориальных границ и обеспечив его внутреннее и внешнее признание. Хуже обстояло дело с формированием гражданского общества. Официально насаждавшиеся структуры были малоэффективны и малоубедительны. Хотя они и позволяли немалому числу людей проявлять инициативу — достаточно вспомнить студенческие строительные отряды, коммунаское движение, молодежные жилищные кооперативы (МЖК) и т.п., — собственно контрактные отношения оставались неразвитыми. Что касается такого важного аспекта политической модернизации, как формирование гражданской нации (nation-building), то отчасти удалось эти процессы проимитировать, получив в качестве результата «новую историческую общность» — советский народ. В то же время все советские конституции оставались симулякрами, что позволяет говорить о системе «номинального конституционализма» [Медушевский, с. 482–563].

Остальные аспекты политической модернизации от разделения властей до внедрения федеративного устройства оставались в лучшем случае плохо приспособленными к отечественным условиям симулякрами. Однако этих симулякров и разного рода анклавов оказалось так много, что в головке сыра оказалось больше дыр, чем самого сыра. Это позволяет говорить о наличии множества элементов посткоммунистического развития.

Современные дилеммы самоопределения России

Посткоммунистическое развитие началось отнюдь не с запретом КПСС, а значительно раньше. Можно начинать отчет с XX съезда КПСС или с иных дат, однако посткоммунизм «самоопределил-

ся», как это ни покажется парадоксальным, включением в брежневскую Конституцию знаменитой 6-й статьи. Пока руководящая роль КПСС как ядра политической системы не подвергалась сомнению, а самодержавный характер власти была бесспорен, в такой статье не было надобности. Все и так знали действительную самодержавную «Конституцию» (при всей условности использования термина) и действовали по ее правилам, а не по букве Конституции писаной — декоративного фасада отечественной политической системы.

Включение в брежневскую Конституцию 6-й статьи как раз подтвердило, что КПСС начинает утрачивать роль универсального медиатора, все в большей мере становится выражением цивилизационной вертикали (коммунизм как идея-правительница, выражаясь языком евразийцев). Поэтому как раз и понадобилось формальное закрепление ее «всеохватной» роли в политической системе, равнозначной роли вселенской церкви (*universal church*, по Тойнби). Это предполагало начало фактического внедрения системы, аналогичной византийской симфонии, или западноевропейской модели двух мечей, или токугавского «двоевластия» сёгун/тенно и т.п. Горизонтальная же медиация переместилась в тень. Официальный центр становился все более декоративным. Он в основном санкционировал или обозначал санкционирование фактической медиации (и перераспределения ресурсов), осуществлявшейся «под ковром». Ее опорой стали клики и их формализованные (ВПК, отраслевые отделы ЦК, межведомственные комиссии и комитеты и т.п.) и неформализованные («бани», «охоты» и т.п.) структуры состязания, сговора и реализации соглашений.

Таким образом, в целом накануне перестройки многоблочное и хронополитически разнородное политическое образование (идеократия-деспотия-патриархия-полициеизм), скрепленное

медиатором в виде КПСС, вступило в полосу развития, характеризуемую *конфликтом детоталитаризации и ретотализации* в системном плане, некомпенсируемой или *слабокомпенсируемой децентрализацией* государственности и *либерализацией* стиля властвования («режима») геронтократического «Центра».

К началу 80-х гг. в советском обществе сформировался запрос на реформы. Здесь не место обсуждать, каковы были альтернативы, как они могли быть использованы. Признание Ю.В. Андропова, что мы не знаем общества, в котором живем, могло указывать, что подготовка к серьезному реформированию была возможна и даже началась. Фактические сдвиги наметились после того, как в марте 1985 г. генеральным секретарем КПСС стал Михаил Горбачев. Вновь, как и во времена Великих реформ, в публичный дискурс были внесены понятия перестройки и гласности. Соответствующие идеи были сформулированы и обнародованы на XXVII съезде КПСС в феврале 1986 г. Предполагалось, что основным инструментом реализации этих двух новых концептов будет закон о трудовых коллективах, который разрешал и даже обязывал избирать руководителей государственных предприятий. Это несколько наивно мыслилось как первый шаг к демократизации страны. Такое решение отвечало ленинской логике демократии Советов и популярным на Западе в то время идеям демократии участия, демократии на рабочем месте и т.п. При этом упускались из виду резонные возражения классиков демократической теории, что демократия имеет пределы применения и не работает в рамках предприятий.

Распространенные в то время лозунги «Больше демократии — больше социализма», «назад к Ленину» подразумевали встраивание демократической реформы в советскую традицию. Во время съезда Горбачев лично, так же как и остальные, говорил о свободном выявлении интересов и воли всех классов и социальных

групп, а также о саморегулировании и самоуправлении общества. Хотя планы по реализации данных положений были далеко идущими, они не содержали никакой конкретики относительно институционального дизайна: туманное понятие демократизации могло быть применено ко всему. Когда все же было разработано законодательное оформление демократизации, она была представлена как возвращение к исходным подлинным советским институтам. Хотя перестройка ознаменовала радикальные перемены в политическом облике страны, конституционные положения, принятые Верховным Советом в ноябре 1988 г., не ликвидировали традиционные структуры. Предполагалось, что граждане должны были прямым голосованием избирать народных депутатов, из которых бы состоял Совет народных депутатов и который в свою очередь избирал бы двухпалатный Верховный Совет. Одна треть депутатов избиралась не по территориальному признаку, а от общественных организаций, включая КПСС, комсомол и профсоюзы. После беспокойной кампании в марте 1989 г. прошли первые соревновательные выборы, в которых потерпели поражение более трех десятков высших партийных чиновников. Вероятно, эти выборы были наиболее успешными с точки зрения соревновательности и честности, благодаря искренним ожиданиям как властей, так и населения. Впоследствии растущее разочарование и авторитарный поворот как во властных кругах, так и среди населения снизили уровень соревновательности и честности. Тем не менее ценность демократических выборов в России до сих пор высока.

В общем и целом перестройка провозгласила беспрецедентное и революционное по глубине и масштабу освобождение. Однако это движение представляло собой все что угодно, только не революцию. Типичный анекдот того времени звучал так: Что мы пере-

страиваем? Застой. Это звучало очень правдиво, поскольку предшествующий тренд, а именно реактивная политика и ослабление режима, продолжались как ни в чем не бывало. Сам Горбачев был горд тем, что «процесс пошел». Перемены по-прежнему происходили спонтанно и оставались неотъемлемой чертой режима.

Перестройка в целом продолжила и интенсифицировала уже сложившиеся тенденции развития и в этом отношении напоминала эпоху «великих реформ». Различие состояло в том, что реформы Александра Освободителя были тщательно продуманными, постепенными, а главное, аккуратно дозируемыми и контролируемыми из самого средоточия самодержавной власти, тогда как перестройка акцентировала стихийность (упование на то, что «процесс пошел») и инициативу снизу. Это спровоцировало кризис, в ходе которого прежние коммунистические структуры с медиатором как «ядром» всей системы коммунистического самодержавия рухнули, а на их месте спонтанно стали воспроизводиться аналогичные им образования.

Полицейский блок «государевой службы», срастающийся с репрессивно-деспотической чрезвычайкой при помощи симулякра «исполнительной власти» (обманчивая подгонка под западный категориальный стандарт), берет на себя явно невыполнимые обязательства, претендует на полномочия, которые не только не в состоянии эффективно осуществлять, но даже с толком использовать. Отсюда постоянное провоцирование кризисов и обращение к принудительному насилию от указов «по борьбе с организованной преступностью» до расстрела Белого дома в Москве и чеченской войны.

Вотчинный блок через так называемые «региональные элиты» и «неокопоративные структуры» (такая же подгонка под «западный» стандарт типично автотонных, далеких от иноземных образцов

явлений) пытается определить, и не без успеха, динамику политического процесса. По инерции воспроизводится тенденция передела ресурсов и соперничества патримоний и их вождей (региональных и корпоративных центров власти, включая как официальные, так и теневые, нередко криминальные).

Идеократический блок пострадал более других. Вакуум, образованный уничтожением коммунистической идеократии, явно неудачно попытались заполнить идеократией «демократической», подкрепленной «цивилизационной» риторикой, за которой легко угадывались привычные схемы «научного коммунизма», рисующие автоматическое (неизбежное и материально детерминированное) достижение всеобщей благодати, но только в результате не классовой борьбы, а приватизации. Это прогрессирующее интеллектуальное упрощение школьного истмата до более чем примитивных схемок немедленного счастья в результате введения «рынка» было обречено на быстрый и бесславный крах. Что же касается религии, то шансы на восстановление православной идеократии выглядят призрачными. Попытки создать новую обязательную для всех национальную идею, откуда бы они ни исходили — из Кремля, от неодержавников, от КПРФ, от ЛДПР или от крайних «патриотов» — также бесперспективны.

Главная же проблема, однако, заключается в трудности, а скорее всего в невозможности, воспроизведения медиатора, чья простота в «нематериализованном» виде воспринимается (и справедливо) как полностью неадекватная современным условиям крайне услож-

нившихся взаимодействий. Материализация же медиатора безусловно проблематична. Во всяком случае явно нереальна и превышает субъективные и объективные возможности нового «Центра» заявленная в ельцинской Конституции претензия заполнить освободившееся после краха старого «Центра» (КПСС) пространство за счет того, что президент с его пресловутой вертикалью соединят остатки всех блоков, прежде всего полицейский («исполнительная власть») и деспотический (непосредственное руководство силовыми структурами), а также выступают в роли самодержца. Возникающие при этом структуры Администрации Президента удивительно напоминают аппарат ЦК, а пресловутая «семья» — его политбюро.

Таким образом, Россия вновь политически самоопределилась как ориентированное на модернизацию самодержавие, замаскированное на этот раз уже квазидемократическим риторическим антуражем. В третий раз на протяжении нашего столетия воспроизводится сходная конфигурация власти. Однако за всеми этими превращениями происходят крайне важные процессы накопления институционального разнообразия, а также усложнение политической самосознания и самоидентификации России. И пусть сегодня многим ее гражданам будущее и даже настоящее своей страны видится довольно туманным, проделанная и продолжающаяся созидательная работа по своему политическому самоутверждению очень полезна и способна принести свои плоды. Нам нужно только дать им созреть и научиться их собирать.

Список литературы

1. Ильин М.В. Jedem das seine. Кентавр перед сфинксом (германо-российские диалоги) / М.В. Ильин. М. : Издательство «Апрель-85», 1995. [Ильин М.В. Jedem das seine. Krntavr pered sfinksom (germane-rossiyskiye dialogi). M. Izadatelstvo «Aprel'-85», 1995.]
2. Ильин М.В. Слова и смыслы. Опыт описания ключевых политических понятий / М.В. Ильин. М. : РОССПЭН, 1997. [Ильин М.В. Slova I smisli. Opit opisaniya kluchevykh politicheskikh poniatii. M. : ROSSPEN, 1997.]
3. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. [Lenin V.I. Polnoie sobrabiie sochinenii.]

4. Медушевский А.Н. Демократия и авторитаризм: российский конституционализм в сравнительной перспективе / А.Н. Медушевский. М. : РОССПЭН, 1998. [Medushevskiy A.N. Demokratiya i avtoritarizm: rossiyskiy konstitutionalism v sravnitelnoi perspektive. M. : ROSSPEN, 1998.]
5. Рошин Е. История понятия «суверенитет» в России / Копосов Н., Кром М., Потапова Н. (ред.) Исторические понятия и политические идеи в России. СПб. : ЕУСПб, Алетейя, 2006. [Rotschin E. Istoriya poniatiya suvereniten v Rossii. / Kopusov N., Krom M., Potapova N. (eds.) Istoricheskiye poniatiya i politicheskiye ideyi v Rossii. SPb.: EUSPb, Aleteya, 2006.]
6. Рошин Е. Суверенитет: особенности формирования понятия в России. / Ильин М., Кудряшова И. Суверенитет. Трансформация понятий и практик. М. : МГИМО, 2008. [Rotschin E. Suverenitet: osobennosti formirovaniya poniatiya v Rossii. / Iluin M., Kudyashova I. Suverenitet. Transformatsiya poniatiy i praktik. M. : MGIMO, 2008.]
7. Саква Р. Конец эпохи революций: антиреволюционные революции 1989–1991 годов / Р. Саква // Полис. 1998. № 5. [Sakwa R. Konets epokhi revolutsiy:antirevolutsionniye revolutsiyi 1989–1991 godov // Polis. 1998. № 5.]
8. Цымбурский В.Л. Scripta minora / В.Л. Цымбурский. М. : Европа, 2010. [Tsimburskiy V.L. Scripta minora. M. : Evropa, 2010].
9. Riasanovsky Nicholas V. Russian Identities: A Historical Survey. New York : Oxford University Press. 2005.

БИЗНЕС-СООБЩЕСТВО КАК БАСЕЙН РЕКРУТИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ ПОСТСОВЕТСКОЙ ЛИТВЫ¹

В.А. Смирнов

Распад Советского Союза наряду со значительным «вымыванием» представителей номенклатуры из властных групп запустил процесс масштабной структурной перестройки правящих кругов, включающей в себя смену каналов и механизмов элитного рекрутирования. Если в первые годы провозглашения независимости на лидирующих позициях оказались «политики морали»² (выходцы из сферы культуры, науки, искусства), которые в случае балтийских республик были, по сути, народными трибунами, стоявшими у руля народных фронтов, то впоследствии от принятия ключевых политических решений они были отеснены — более востребованным бассейном рекрутирования политической элиты оказалось бизнес-сообщество.

Традиционным подходом к рассмотрению вопроса о роли бизнеса во властных структурах является модель трансформации «аппаратчиков» в миллионеры³, основывающаяся на классической концепции конвертации капиталов П. Бурдьё: «аппаратный» (политико-административный) вес в советский период конвертируется в финансовые ресурсы в условиях Нового времени. Данный тезис свое обоснование нашел, в частности, в работах венгерского ученого Э. Ханкисса⁴ и польской исследовательницы Я. Станишкис⁵.

Они отрицали наличие глубоких структурных изменений в составе правящих элит, рассматривая в качестве базисного тезис о «превращении власти»: члены коммунистической номенклату-

ры осмысленно пошли на смену режима, конвертировав свой политический капитал в ресурсы частной собственности. Ученые пришли к выводу, что значительной циркуляции элит в регионе Центральной и Восточной Европы не произошло. Структурные перестановки имели место лишь в рамках сообщества лиц, уже обладавших значительной властью на момент начала политических реформ.

Так, Э. Ханкисс полагал, что правящая элита оставалась практически не затронута кардинальной трансформацией общества. На вершине политической пирамиды менялись лишь принципы легитимации, что позволило членам номенклатуры конвертировать политическое влияние в экономические ресурсы и тем самым удержаться во власти. Э. Ханкисс использовал понятие «большой коалиции», чтобы описать слияние высшего звена политиков, управленцев и собственников, которые сумели сохранить за собой власть в изменившемся обществе.

Особая роль бизнеса в процессе принятия политических решений не принималась исследователями единодушно. Если Ч. Линдблом указывал именно на привилегированное положение бизнеса, от действий которого зависит прочность власти элитных групп⁶, то, например, Д. Вогель утверждал, что бизнес не может считаться уникально привилегированной группой, так как «в природе, масштабе или величине власти, которой он обладает, нет ничего такого, чего нельзя

было бы учесть в рамках искусственной политики групп интересов»⁷.

Однако в то же время бизнес не может быть назван просто «одной из» групп интересов. Набор возможностей, которыми он обладает в силу доступных финансовых и материальных ресурсов, выделяет бизнес из общего ряда лоббистских структур, позволяя усматривать здесь то, что Д. Тев именуется специфической формой контроля над политикой, которая сочетает в себе как признаки «правления предвиденных реакций», так и структурной детерминации. Д. Тев утверждает, что теория структурной власти (в отличие от основных выводов плюралистического подхода) показывает: бизнес занимает особое, «привилегированное положение» в политике с точки зрения степени и способов влияния. Вместе с тем необходимо учитывать предостережение плюралистов о возможности ошибочного, необоснованного приписывания субъекту потенциальной власти⁸.

При рассмотрении литовского случая предлагается использовать идею М. Юсима о «внутреннем круге власти»⁹, социальном клубе высшего уровня. В этом круге первые лица бизнеса (руководители крупнейших компаний) поддерживают регулярно и, как правило, не всегда публично контакты друг с другом и политическими лидерами (партийными руководителями, парламентариями, чиновниками высшего уровня и пр.). Говоря о роли бизнеса (представителях крупных корпораций) в публичной сфере, М. Юсим указывал на то, что для взаимодействия ими формируются, как правило, относительно сплоченные в рамках всей страны сети¹⁰. Одни члены такого «внутреннего круга» получают доступ к властным ресурсам, другие — к финансовым.

В литовском случае нельзя говорить о том, что властным группам периода верховенства Компартии противостояла монолитная, организованная контрэлита. Сами литовские исследо-

ватели указывают, что в этом отношении события в переломные 1989–1991 гг. в Литве не похожи на процессы в Венгрии или в Польше¹¹. «Саюдис» не был четко организованной политической силой, представляя из себя общественное объединение, которое вобрало в себя представителей различных социальных групп, многие из них имели отдаленное представление о государственном управлении, о политическом процессе.

Во главе первого посткоммунистического парламента Литвы оказались так называемые «политики морали». В период стремительных изменений, во время слома старой коммунистической системы управления именно философы, музыканты, актеры возносились на политический верх, в период *annus mirabilis* это было типично для многих государств. Спустя всего несколько лет такой же общей чертой стало и постепенное вытеснение «гуманитариев» из сферы практической политики: в одних случаях наблюдался их полный исход из высших эшелонов государственной власти, в других — перемещение на позиции (как правило, советников), которые позволяли «политиков морали» считать уже не прежними народными трибунами, а, скорее, политическими ремесленниками.

По данным литовской исследовательницы элит И. Матоните, в 1990–2008 гг. резко возросла доля депутатов, пришедших в политику из частного сектора (в советское время он формально не существовал). По итогам первых выборов 1990 г. каждый десятый депутат оказался представителем частного сектора (это еще не бизнесмены в современном понимании, а юристы из консалтинговых фирм, сотрудники частных предприятий в сфере производства, коммерции и оказания услуг). В 1996 г. (пик приватизации в Литве уже преодолен) представительство выходцев из экс-номенклатуры на руководящих должностях в экономике достигало 40%¹².

Таблица 1

Предыдущая занятость членов парламентской элиты до избрания в Сейм, %

Год	Учителя, преподаватели	Журналисты, писатели	Партийные бюрократы	Высокоранговые госслужащие	Свободные профессии	Юристы	Сельскохозяйственные работники, рыболовы	Неквалифицированные рабочие	Управленцы, предприниматели	Другое
1990	33,1	10,5	10,5	7,5	13,5	7,5	0,8	2,3	12,8	1,5
1992	36,9	8,5	9,9	6,4	9,9	2,8	0,7	0,5	18,4	1,4
1996	29,9	6,6	4,4	23,4	16,8	3,6	0	2,9	10,9	1,5
2000	17	4,3	6,4	18,4	7,1	1,4	0	1,4	43,3	0,7
2004	12,1	2,1	5	27	10,6	2,1	0	1,4	38,3	1,4
2008	12,8	2,8	6,4	30,5	1,4	3,5	0,7	2,1	27,0	0

Относительно мирный характер смены режимов на пространстве Центрально-Восточной Европы создал предпосылки для того, чтобы выходцы из властных кругов прежнего режима смогли без особых угроз для себя попытаться конвертировать политический капитал в экономические активы в новых условиях. Экс-номенклатура далеко не всегда реализовывала исключительно прозрачные схемы передачи государственных предприятий в частные руки, сформировав слой быстро обогащавшихся собственников-рантье¹³. Это является распространенным для посткоммунистических обществ, однако в случае Литвы количество сомнительных с точки зрения законности приватизационных сделок можно назвать не столь значительным.

И. Матоните, комментируя процесс формирования слоя «политических капиталистов» в Литве, выделяет еще отличительную особенность приватизации по сравнению с другими странами Балтии. Если в Латвии и Эстонии в силу специфической этнической композиции населения представители русских общин потеряли своих позиций в политической элите сумели в какой-то мере компенсировать путем конвертации политического капитала в экономический, возглавив

в ходе приватизации коммерческие предприятия, то в Литве таких изменений не произошло, так как «на позиции элиты был и оставался литовец»¹⁴.

Лишь после выборов 2000 г. присутствие предпринимателей в парламенте стало весомым — 39% (55 депутатов из 141). В 2004 г. их доля сократилась до 32%. По данным литовского исследователя, в отношении профессиональной занятости депутатов наблюдается свойственная большинству стран посткоммунистического пространства тенденция роста числа управленцев и предпринимателей среди парламентариев: 12,8% в 1990 г., 18,4% в 1992 г., 10,9% в 1996 г., затем рекордные 43,3% в 2000 г., и постепенный спад — 38,3% в 2004 г. и 27,8% в 2008 г. (табл. 1)¹⁵.

Высокая поляризация населения по экономическим основаниям, сопутствовавшая трансформации литовской социальной структуры, оказывала влияние как на характер политического процесса в целом в независимой Литве, так и на состав политической элиты: одним из основных критериев статусности становится уровень доходов.

Р. Алишаускене приводит данные динамики социальной дифференциации в 1988–1999 гг. (разница между средним доходом 10% неимущих граждан и 10%

обеспеченных): разрыв в доходах, составивший в 1988 г. 4,3 раза, уже в 1992 г. вырос до 11,5 раза, в 1995 г. — до 12,7, в 1999 г. составлял 10,4¹⁶. Именно в 1999 г. в Сейме Литвы были официально зарегистрированы первые 2 депутата-миллионера (состояние превышало 1 млн литов).

К 2004 г. количество тех, кто сумел конвертировать свой финансовый капитал в политический и попал в Сейм, выросло до 28 чел., к 2011 г. — до 37 чел. (т.е. каждый четвертый депутат Сейма оказался миллионером). Среди состоятельных парламентариев — представители основных партий: социал-демократы, консерваторы, «трудовики», либералы и прочие. В 2010–2011 гг. общее количество миллионеров в Литве, где средняя зарплата составляет около 2 тыс. литов, оценивалось на уровне 1 тыс. человек, из них свыше трети это представители именно публичного сектора¹⁷. На этом фоне возможности вертикальной мобильности литовских рабочих и крестьян крайне скромны. Своих наилучших результатов политической репрезентации они достигали в начальный период обретения Литвой независимости, когда каналы элитного рекрутирования были максимально открыты. Если в 1990 г. в Сейме насчитывалось 3,1% рабочих, крестьян и рыбаков, то в 2000 г. и 2004 г. — 1,4%, в 2008 г. — 2,8%.

Социальная структура парламентской элиты Литвы сильно отличается от социальной структуры страны. В частности, представленность некоторых социальных и профессиональных групп повышается, а других — понижается (например, среди парламентской элиты растет доля управленцев и предпринимателей и сокращается доля учителей и юристов, в то время как рабочие и крестьяне не имеют представительства в Сейме). На политической сцене появляется все больше управленцев и предпринимателей (эта тенденция может быть в будущем ограничена законодательством, так как предприниматели, а также вла-

дельцы и управляющие коммерческими структурами могут занимать место депутата только при отсутствии конфликта между частными и публичными интересами)¹⁸.

Анализируя профессиональный состав парламента Литовской Республики, можно отметить, что если в 1992 г. количество директоров предприятий среди депутатов едва превышало 18%, то в 2000 г. достигло своего пика — 43,3%, в дальнейшем постепенно снижаясь до 38,3% в 2004 г. и 27,8% в 2008 г. Аналогичную тенденцию фиксирует и эстонский исследователь В. Петтаи, который, проанализировав профессиональный состав кандидатов в депутаты Сейма Литвы в 1992, 1996 и 2000 гг., пришел к выводу, что если на начальном этапе становления независимости Литвы в политическую элиту могли попасть, скорее, «гуманитарии», то через десятилетие наибольший успех сопутствует директорам компаний и чиновникам¹⁹.

В этом смысле совершенно уместно справедливое замечание Ю. Левады о том, что изменения внутри групп элиты связаны и со сменой поколений, и со сменой стиля деятельности. Постепенно уходят, отодвигаются на второй план те люди, которым приходилось бороться с идеологической, бюрократической машиной советского времени, и при этом в период перемен выступать за демократические преобразования. На смену выдвигаются люди, не имевшие такой общественно-политической «школы», для которых их статусное и материальное возвышение связано с прагматическими обстоятельствами пореформенных лет²⁰.

Если же говорить о степени представленности бизнеса не только в Сейме, но в органах государственной власти Литвы в целом, то для предыдущих парламентских циклов установлена доля тех политических субъектов, которые до прихода в политическую структуру имели опыт работы в коммерческих структурах. Вполне логично, что до-

Таблица 2

Доля представителей бизнес-сообщества в политической элите Литовской Республики					
	1992–1996	1996–2000	2000–2004	2004–2008	2008–2012
Доля	2,7%	3,8%	11,5%	27,6%	32,4%
N	1	2	6	16	11

Источник: авторские расчеты²¹.

ля таких субъектов возрастает с каждым электоральным циклом, если принять во внимание, что в советский период, до провозглашения независимости подобный опыт приобрести было крайне затруднительно. К последнему из исследованных электоральных циклов (2008–2012 гг.) доля политических субъектов, обладающих бизнес-опытом, достигла трети от общего числа политических деятелей, что отражено в табл. 2.

Такой постепенный рост может быть объяснен не только тем, что возможность конвертации финансового капитала в капитал политический заинтересовала бизнес не сразу, но и структурным фактором. Накопление финансовых ресурсов, рост количества частных предприятий, а с ними и формирование групп состоятельных граждан, ищущих иное применение своим средствам, кроме как традиционное инвестирование, начался с середины 1990-х гг. — после реализации ваучерной приватизации, массового восстановления прав на землю и совершения крупных международных сделок, как, например, приобретение 65% акций Klaipeda Tobacco Company корпорацией Philip Morris в 1993 г.²² Быстрая ваучерная приватизация в конечном счете закончилась в довольно закрытых структурах — промышленных холдингах. В результате оформилось сильное влияние национального индустриального лобби на политику, что характерно в целом для трех стран Балтии²³. Если проводить разграничение по политическим структурам, то можно отметить, что опытом работы в коммерческих структурах во всех циклах обладают преимущественно представители либо правительства, либо

Сейма, причем доля их заметно варьируется в зависимости от цикла. Если в третьем и пятом цикле бывшие бизнесмены работали в основном в правительственных структурах, то в четвертом подавляющее их большинство заседало в Сейме.

Примером вхождения бизнеса во власть может служить опыт одного из богатейших людей Литвы, председателя Конфедерации промышленников Литвы и президента концерна Achema group Б. Лубиса, который в 1991–1992 гг. был вице-премьером, а в 1992–1993 гг. возглавлял правительство. Вплоть до своего ухода из жизни в октябре 2011 г. он обладал весьма высоким уровнем неформального влияния на политический процесс. Его концерн традиционно оказывался среди лидеров по финансовой поддержке политических партий.

В качестве другой иллюстрации того, каким влиянием способен пользоваться бизнесмен, являясь советником того или иного высшего должностного лица, можно назвать Ю. Казицкаса, одного из богатейших бизнесменов Литвы, большую часть своей жизни проведшего в США и имевшего статус советника премьер-министров Литвы К. Прунсене, Г. Вагнорюса, А. Шляжявичюса, председателя Сейма В. Ландсбергиса, президента А. Бразаускаса. Считается, что именно Ю. Казицкас выступил в начале 1990-х гг. организатором личных встреч руководства Литвы с Дж. Бушем-старшим, М. Тэтчер, Ф. Миттераном, Г. Кодем, с многочисленными представителями западных бизнес-кругов топ-уровня, а также оказался посредником при совершении крупнейших сделок в Литве (например, по продаже Mažeikių naf-

та) с участием зарубежных компаний (в частности, он создал компанию Omnitel, которую возглавлял другой выходец из литовской диаспоры в Северной Америке — В. Груодис²⁴).

Роль бизнеса в политике можно оценить, опираясь не только на количественное присутствие выходцев из предпринимательского сообщества, но и на то, в какой мере бизнес задействован в поддержке той или иной политической силы. Партийная система Литвы находится в процессе становления, в стране действует более 40 партий, многие из которых появлялись и исчезали, оказываясь лишь временными популистскими проектами. О том, что бизнес в этом процессе играет заметную роль, говорит факт запрета с декабря 2011 г. юридическим лицам финансировать партии. Компаниями, оказавшими наибольшую по итогам 2011 г. финансовую помощь политическим партиям Литвы²⁵, стали: Acheta group²⁶ (общая сумма перечислений — 414 тыс. литов), Arvi group²⁷ (общая сумма перечислений — 225 тыс. литов), MG Baltic²⁸ (общая сумма перечислений — 160 тыс. литов). Каждая из них инвестировала сразу в несколько различных партий.

Крупнейшие получатели финансовой помощи от Acheta group: «Порядок и справедливость», «Христианская партия», «Союз Отечества», «Союз либералов-центристов», «Литовская народная партия». Acheta выделила 117,4 тыс. литов в 2011 г., эти деньги получили «Порядок и справедливость» (42 тыс.), «Литовская народная партия» (30 тыс.), «Союз Отечества» (25 тыс.), Литовская социал-демократическая партия (20 тыс.). Концерном Acheta group также было выделено 115 тыс. литов, из которых 40 тыс. получило Литовское движение зеленых, 35 тыс. — «Порядок и справедливость», 30 тыс. — «Союз либералов и центра», 10 тыс. — Литовская социал-демократическая партия. Компания Arvi sugar (входит в Arvi group) пожертво-

вала 133 тыс. литов, перечислив 61 тыс. Движению либералов, Литовской народной партии (42 тыс.), «Союзу Отечества» (30 тыс.). Компания Rietavo veterinarijos sanitarija, принадлежащая группе Arvi, перечислила 42 тыс. Литовской народной партии, 40 тыс. — Движению либералов Литвы, 10 тыс. литов — «Союзу Отечества». Компания MG Baltic Media в 2011 г. распределила 160 тыс. литов между различными партиями: 40 тыс. были переданы «Союзу Отечества» и «Порядку и справедливости», 35 тыс. — Литовский социально-демократический союз, 25 тыс. — Движению литовских зеленых, 20 тыс. — Союзу либералов и центра. Основными спонсорами Партии труда В. Успаских выступали, судя по открытым данным, подконтрольные ему компании — предприятия, входящие в пищевой концерн Vikonda, а также компании, в которых он имел долю в качестве акционера (например, Edvertita). В политическом процессе участвует не только крупный бизнес Литвы, но и представителей малого и среднего бизнеса — например, у Социал-демократической партии Литвы, по данным на 2011 г., среди жертвователей значились около 40 юридических и физических лиц, которые перевели различные суммы от 200 до 40 тыс. литов.

К настоящему моменту можно отметить, что крупный бизнес, желающий реализовать свои интересы через политические рычаги, постепенно отказывается от личного присутствия во власти, предпочитая действовать через своих представителей (например, через депутатов Сейма либо советников высших должностных лиц). Используя различные лоббистские практики в рамках «внутреннего круга», бизнес имеет возможности влияния на политический процесс, оставаясь в то же время за кадром принятия ключевых решений и не неся за них политической ответственности. Несмотря на юридические ограничения, бизнес-сообщество в Литве продолжает играть заметную роль в политическом процессе.

Список литературы

1. Линдблом Ч. Политика и рынки. Политико-экономические системы мира / Ч. Линдблом. М. : Институт комплексных стратегических исследований, 2005. [Lindblom Ch. Politika i rynki. Politiko-ekonomicheskie sistemy mira. M. : Institut kompleksnyh strategicheskii issledovani, 2005.]
2. Тев Д.Б. Структурная власть бизнеса: некоторые проблемы концептуализации и исследования / Российские властные институты и элиты в трансформации : материалы восьмого Всероссийского семинара «Социологические проблемы институтов власти в условиях российской трансформации» / отв. ред. А.В. Дука. СПб. : Интерсоцис, 2011. [Tev D.B. Strukturnaya vlast' biznesa: nekotorye problemy konceptualizacii i issledovaniya / Rossiiskie vlastnye instituty i elity v transformacii: Materialy vos'mogo Vserossiiskogo seminaru «Sociologicheskie problemy institutov vlasti v usloviyah rossiiskoi transformacii» / Otv. red. Duka A.V. SPb.: Intersocis, 2011.]
3. Самонис В. Трансформация Литовской экономики: от Москвы к Вильнюсу и от плана к рынку. Варшава: Центр социально-экономических исследований, 1995. [Samonis V. Transformaciya Litovskoi ekonomiki: ot Moskvы k Vil'nyusu i ot plana k rynku. Varshava: Centr social'no-ekonomicheskikh issledovani, 1995.]
4. Матоните И. Парламентская элита в посткоммунистической Литве (1990–2012 гг.) / Политические элиты в старых и новых демократиях / под ред. О.В. Гаман-Голутвиной, А.П. Клемешева. Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2012. [Matonite I. Parlamentskaya elita v postkommunisticheskoi Litve (1990–2012 gg.) / Politicheskie elity v staryh i novyh demokratiyah / pod red. O.V. Gaman-Golutvinoi, A.P. Klemesheva. Kaliningrad: Izd-vo BFU im. I. Kanta, 2012.]
5. Левада Ю.А. Элитарные структуры в советской и постсоветской ситуации // Общественные науки и современность. 2007. № 6. [Levada Yu.A. Elitarnye struktury v sovetskoj i postsovetskoj situacii // Obshchestvennye nauki i sovremennost'. 2007. № 6.]
6. Шкаратан О.И. Социальная стратификация России и Восточной Европы: сравнительный анализ М. : Изд. дом ГУ ВШЭ, 2006. [Shkaratan O.I. Social'naya stratifikaciya Rossii i Vostochnoi Evropy: sravnitel'nyi analiz. M. : Izd. dom GU VShE, 2006.]
7. Agh A. The Politics of Central Europe. London, Thousand Oaks, New Delhi: Sage Publications, 1998.
8. Wasilewski J., Wnuk-Lipinski E. Poland: Winding road from the Communist to the post-Solidarity elite // Theory and Society. Vol. 24. 1995.
9. Hankiss E. East European Alternatives. Oxford: Clarendon Press, 1990. P. 319; Hankiss E. Reforms and the Conversion of Power // Upheaval against the Plan: Eastern Europe on the Eve of the Storm / Ed. by Weilemann P., Brunner G., Tokes R. Oxford: Berg, 1991.
10. Staniszki J. The Dynamics of the Breakthrough in Eastern Europe: The Polish Experience. Berkley: University of California Press, 1991.
11. Vogel D. Political Science and the Study of Corporate Power: A Dissent from the New Conventional Wisdom // British Journal of Political Science. 1987. Vol. 17. № 4.
12. Useem M. The Inner Circle: Large Corporations and the Rise of Business Political Activity in the U.S. and U.K. New York, Oxford University Press, 1984. 246 pp.
13. Matonyte I., Mink G. From Nomenklatura to Competitive Elites: Communist and Post-Communist elites // Berglund S., Duvold K. Baltic democracy at the crossroads an elite perspective. Kristiansand : H yskoleforl, 2003. P. 37–57.
14. Matonyte I. Parliamentary Elite in Post-Communist Lithuania (1990–2012) / Political elites in old and new democracies / O. Gaman-Golutvina, A. Klemeshev (eds.). Kaliningrad: IKBFU Publishing House, 2012.
15. Norgaard O. Studies of Communism in Transition. The Baltic States after Independence. Cheltenham, Edward Elgar, 1995.
16. Girnius S. Lithuanian Politics Seven Months after the Elections // RFE/RL Research Report, 1993. Vol. 2. № 27.
17. Alisaukiene R. Politines nuostatos ir rinkimai Lietuvoje // Politologija. 2000. № 2 (18).
18. Pettai V. The Consolidation of the Political Class in the Baltic States / Paper presented at the 4th General Conference of the European Consortium for Political Research September 7-9, 2007, Pisa, Italy. URL: <http://www.essex.ac.uk/ecpr/events/generalconference/pisa/papers/PP1103.pdf> (электронный ресурс: 25.12.2011 г.).
19. Terk E., Reid A. From state-owned enterprises to innovation-based entrepreneurship: a comparison of the Baltic states / Estonian Human Development Report. Baltic Way(s) of Human Development: Twenty Years On. 2010/2011. Eesti Koostöö Kogu. Tallinn: AS Printon Trükikoda 2011.

- ¹ Статья подготовлена в рамках гранта РГНФ 13-03-00415 «Формирование парламентской элиты стран Балтии после 1990 г.: ключевые факторы и акторы».
- ² Термин ввел венгерский ученый Атила Адь, см. подробнее: Agh A. *The Politics of Central Europe*. London, Thousand Oaks, New Delhi: Sage Publications, 1998.
- ³ Wasilewski J., Wnuk-Lipinski E. Poland: Winding road from the Communist to the post-Solidarity elite // *Theory and Society*. Vol. 24. 1995. P. 689.
- ⁴ Hankiss E. *East European Alternatives*. Oxford: Clarendon Press, 1990. P. 319; Hankiss E. *Reforms and the Conversion of Power // Upheaval against the Plan: Eastern Europe on the Eve of the Storm* / Ed. by Weilemann P., Brunner G., Tokes R. Oxford: Berg, 1991. P. 27–39.
- ⁵ Staniszki J. *The Dynamics of the Breakthrough in Eastern Europe: The Polish Experience*. Berkley: University of California Press, 1991. P. 303.
- ⁶ Линдблом Ч. Политика и рынки. Политико-экономические системы мира. М.: Институт комплексных стратегических исследований, 2005. С. 190–209.
- ⁷ Vogel D. *Political Science and the Study of Corporate Power: A Dissent from the New Conventional Wisdom* // *British Journal of Political Science*. 1987. Vol. 17. № 4. P. 408.
- ⁸ Тев Д.Б. Структурная власть бизнеса: некоторые проблемы концептуализации и исследования / Российские властные институты и элиты в трансформации : материалы восьмого Всероссийского семинара «Социологические проблемы институтов власти в условиях российской трансформации» / отв. ред. А.В. Дука. СПб. : Интерсоцис, 2011. С. 71.
- ⁹ См. подробнее: Useem M. *The Inner Circle: Large Corporations and the Rise of Business Political Activity in the U.S. and U.K.* New York, Oxford University Press, 1984. 246 pp.
- ¹⁰ Useem M. The Inner Group of the American Capitalist Class // *Social Problems*. 1978. Vol. 25, No. 3 (Feb., 1978). P. 238.
- ¹¹ Matonyte I., Mink G. From Nomenclatura to Competitive Elites: Communist and Post-Communist elites // Berglund S., Duvold K. *Baltic democracy at the crossroads an elite perspective*. Kristiansand : H yskoleforl, 2003. P. 37–57.
- ¹² Matonyte I. *Posovietinio elito labirintai (Labyrinths of the post soviet elites)*. Vilnius, Knygiai. 2001.
- ¹³ Norgaard O. *Studies of Communism in Transition. The Baltic States after Independence*. Cheltenham, Edward Elgar, 1995; Girnius S. *Lithuanian Politics Seven Months after the Elections* // RFE/RL Research Report, 1993. Vol. 2. № 27. P. 16–21; Самонис В. Трансформация Литовской экономики: от Москвы к Вильнюсу и от плана к рынку. Варшава: Центр социально-экономических исследований, 1995.
- ¹⁴ Matonyte I. *Posovietinio elito labirintai (Labyrinths of the post soviet elites)*. Vilnius: Knygiai, 2001. P. 178–179.
- ¹⁵ Matonyte I. *Parliamentary Elite in Post-Communist Lithuania (1990–2012) / Political elites in old and new democracies* / O. Gaman-Golutvina, A. Klemeshev (eds.). Kaliningrad: IKBFU Publishing House, 2012. P. 403.
- ¹⁶ Alisauskiene R. *Politines nuostatos ir rinkimai Lietuvoje* // *Politologija*. 2000. № 2 (18). P. 15.
- ¹⁷ По данным Valstybės žinios в 2010–2011 гг. Электронный ресурс. URL: www.valstybes-zinios.lt (дата обращения: 30.12.2011 г.). Необходимо добавить, что, по данным литовского издания IQ, Литва является лидером по числу миллионеров среди стран Балтии: в Литве по состоянию на 2011 г. проживали 29 миллионеров, 12 — в Эстонии, 9 — в Латвии. В первой тройке наиболее богатых жителей стран Балтии значились именно литовские бизнесмены — Н. Нумавичюс (группа Vilniaus prekyba, 1,8 млрд литов), Б. Лубис (концерн Achemos group, 1,35 млрд литов), Д. Моцкус (концерн MG Baltic, 1 млрд литов).
- ¹⁸ Матоните И. Парламентская элита в посткоммунистической Литве (1990–2012 гг.) / Политические элиты в старых и новых демократиях / под ред. О.В. Гаман-Голутвиной, А.П. Клемешева. Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2012. С. 167–168.
- ¹⁹ Pettai V. *The Consolidation of the Political Class in the Baltic States* / Paper presented at the 4th General Conference of the European Consortium for Political Research September 7-9, 2007, Pisa, Italy. URL: <http://www.essex.ac.uk/ecpr/events/generalconference/pisa/papers/PP1103.pdf> (Электронный ресурс: 25.12.2011 г.).
- ²⁰ Левада Ю.А. Элитарные структуры в советской и постсоветской ситуации // *Общественные науки и современность*. 2007. № 6. С. 14.
- ²¹ Эмпирической основой расчетов послужил массив биографических данных 234 представителей литовской политической элиты, сформированный автором по итогам анализа карьерных траекторий ключевых политических деятелей постсоветской Литвы. Массив данных формировался на основе введения критериев релевантности с целью выявления способных влиять на принятие ключевых политических решений представителей элитных групп. Объект анализа составили:

президент, премьер-министр, председатель Сейма Литвы и их заместители, советники, члены кабинета министров (удержавшиеся в должности не менее 1 года), лидеры релевантных политических партий, представители парламентского корпуса (депутаты, избравшиеся в Сейм не менее двух раз).

- ²² Шкаратан О.И. Социальная стратификация России и Восточной Европы: сравнительный анализ М. : Изд. дом ГУ ВШЭ, 2006. С. 351.
- ²³ Terk E., Reid A. From state-owned enterprises to innovation-based entrepreneurship: a comparison of the Baltic states / Estonian Human Development Report. Baltic Way(s) of Human Development: Twenty Years On. 2010/2011. Eesti Koost Kogu. Tallinn: AS Printon Tr kikoda 2011. P. 34.
- ²⁴ В 1998 г. компания Omnitel перешла под контроль консорциума из трех компаний: Motorola (США), Telia (Швеция) и Sonera (Финляндия). В том же году под контроль Telia и Sonera перешла другая литовская телекоммуникационная компания — Lietuvos Telekomas.
- ²⁵ Составлено по результатам анализа открытых источников: отчетов партий, данных ЦИК Литвы, СМИ.
- ²⁶ Один из крупнейших в Литве концернов химических удобрений. Концерну принадлежит более 50 предприятий различного профиля (в том числе СМИ) в Литве и за рубежом с годовым оборотом свыше 2 млрд долл.
- ²⁷ Группа компаний Arvi group объединяет более 20 предприятий сельского хозяйства и пищевой промышленности. В ряде регионов России действуют заводы по выпуску продукции из птицы. Группа компаний принадлежит В. Кучинькасу. Летом 2013 г. за слишком тесное взаимодействие с концерном Arvi осуждению со стороны президента Литвы Д. Грибаускайте за «конфликт интересов» подверглась министр экономики Б. Весайте, которой в итоге пришлось со скандалом покинуть этот пост.
- ²⁸ Концерн, занятый в оптовой и розничной торговле, логистике, производстве, девелоперских проектах и коммуникациях, принадлежит Д. Моцкусу, одному из богатейших бизнесменов стран Балтии. В концерн входят, в частности, СМИ: телеканалы LNK и Baltijos TV.

ПРАВОВАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ И ПРАКТИКА СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ КАМПАНИИ ПО ВЫБОРАМ ДЕПУТАТОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ ФЕДЕРАЛЬНОГО СОБРАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 4 ДЕКАБРЯ 2011 г. И ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 4 МАРТА 2012 г.

В.В. Горбатова

Избирательная кампания по выборам депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации шестого созыва отличалась активной работой экспертного сообщества, социологических организаций и средств массовой информации. На страницах российских и зарубежных научных и научно-публицистических изданий регулярно появлялись материалы, посвященные анализу хода избирательного процесса в целом, а также деятельности отдельных его субъектов (политических партий, структур гражданского общества, собственно экспертно-социологических организаций и средств массовой информации). Традиционно пристальное внимание экспертов привлекло изучение итогов голосования, сопоставление их с результатами предыдущего федерального электорального цикла, а также с оценками, полученными посредством построения электоральных прогнозов.

Одним из таких материалов стала статья доктора социологических наук, профессора Российского университета дружбы народов, старшего научного сотрудника факультета журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова Ларисы Николаевны Федотовой «Результаты выборов в Госдуму-2011: социологический анализ», опубликованная в журнале «Сравнительная политика» № 2 за 2012 г. В ней автор, в частности, исследует пробле-

му несовпадения результатов прогнозов социологических организаций с реальными итогами голосования на примере выборов депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации шестого созыва, состоявшихся 4 декабря 2011 г.

В теоретическом отношении указанная статья является весьма интересной, поскольку содержит в систематизированном виде большинство наиболее значимых теоретико-методологических подходов к анализу обозначенной проблемы. Среди них и так называемая «спираль умолчания» Э. Ноэль-Нойман (несовпадение декларативных намерений избирателя с его реальными предпочтениями), и дискуссия о величине предельной ошибки качественной выборки, и адекватный учет большого количества неопределившихся избирателей как самостоятельные методологические проблемы при формировании электоральных прогнозов. Автором также выделяются такие важные аспекты, определяющие сложность электорального прогнозирования, как временной фактор (предполагается, что чем ближе проведение опроса по времени подходит ко дню голосования, тем точнее будут выражать совокупное мнение избирателей его результаты, и, следовательно, более точным будет итоговый электоральный прогноз) и психологические особенно-

сти респондентов. Справедливо большое внимание автор уделяет и практике проведения применительно к электоральной проблематике интернет-опросов.

Вместе с тем обращает на себя внимание некоторая неточность, имеющаяся в статье при описании ограничений на обнародование электоральных прогнозов накануне дня голосования в Российской Федерации и за рубежом. В частности, автор отмечает, что «по решению ЦИК, начиная с 29.11.2011 г., центры (социологические центры. — *В.Г.*) уже не могли обнародовать свои прогнозы (и такие ограничения — это общемировая практика)»¹. Стоит особо обратить внимание на тот факт, что «мораторий» на опубликование результатов опросов общественного мнения и электоральных прогнозов является предметом регулирования федерального и регионального избирательного законодательства и не устанавливается постановлениями ЦИК России. В частности, п. 3 ст. 46 Федерального закона от 12.06.2002 г. № 67-ФЗ (ред. от 03.12.2012 г.) «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» запрещает публикацию (обнародование) результатов опросов общественного мнения, прогнозов результатов выборов и референдумов, иных исследований, связанных с проводимыми выборами и референдумами (в том числе в сети Интернет), в течение пяти дней до дня голосования, а также собственно в день голосования².

Кроме того, федеральный законодатель регламентирует и некоторые другие аспекты, связанные с проведением опросов общественного мнения по избирательной проблематике и публикацией полученных результатов. В частности, п. 2 ст. 46 вышеуказанного федерального закона предусматривает, что при публикации результатов опросов общественного мнения, связанных с выборами и референдумами, необходимо также указывать организацию, прово-

дившую опрос, время его проведения, число опрошенных (выборку), метод сбора информации, регион опроса, точную формулировку вопроса, величину возможной погрешности, а также данные о заказчиках исследования.

Одним из примеров наиболее подробной регламентации проведения электоральных опросов на региональном уровне выступает Закон Краснодарского края от 21 августа 2007 г. № 1315-КЗ «О выборах депутатов Законодательного Собрания Краснодарского края». В п. 4 ст. 37 «Опросы общественного мнения» указанного Закона региональные законодатели детально регламентируют порядок проведения опросов на выходе из избирательных участков (или экзит-полов), несмотря на отсутствие федерального регулирования в этой области.

В целом полнота и «академический» подход автора статьи к анализу теоретико-методологической проблематики, связанной с электоральным прогнозированием, оставляют положительное впечатление. Однако с практической точки зрения, для наиболее полного исследования опыта социологического сопровождения избирательной кампании по выборам депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации 4 декабря 2011 г., как представляется, не хватает определенных эмпирических данных. В своей работе при исследовании отечественного опыта электорального прогнозирования автор в основном ссылается на результаты социологических исследований таких крупных российских служб, как Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) и Аналитический центр Юрия Левады (Левада-центр). Региональный уровень опросов общественного мнения из анализа выпадает. Вместе с тем расширение охвата исследования позволяет обозначить ряд существенных проблем в электоральном прогнозировании, которые остались не замеченными автором, а именно: ограниченность

единственного метода при формировании качественного электорального прогноза, необходимость использования нескольких методов одновременно (например, массовый опрос населения и экспертные оценки); определенная зависимость электорального прогноза социологической организации от ее региональной принадлежности и прочее.

Традиционно подобные «расширенные» исследования работы отечественного экспертно-социологического сообщества по электоральному прогнозированию в преддверие федеральных избирательных кампаний проводит Российский центр обучения избирательным технологиям (РЦОИТ при ЦИК России). Прогнозные оценки итогов голосования поступают от российских экспертно-социологических служб и, в дальнейшем, рассматриваются на конкурсной основе. При проведении конкурса социологических прогнозов на выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации 4 декабря 2011 г. с целью привлечения к участию в нем социологических организаций разного уровня, прежде всего, тех, кто ведет исследования преимущественно в субъектах Российской Федерации, РЦОИТ при ЦИК России предоставил возможность подачи заявок в электронном виде. В общей сложности участие в конкурсе приняли 23 организации, при этом порядка половины из них представляли субъекты Российской Федерации. Заявки поступили из таких городов, как Астрахань, Брянск, Владивосток, Краснодар, Пермь, Санкт-Петербург, Саранск, Тюмень, Якутск и Ярославль (см. табл. 1).

Надо сказать, что в рамках конкурса социологических прогнозов на выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации 4 декабря 2011 г. региональные социологические организации активно конкурировали с крупнейшими общероссийскими службами. Некоторые из

них стали победителями в ряде номинаций («наиболее точный прогноз доли голосов, поданных за победителя выборов» и «наиболее точный прогноз электоральной поддержки политических партий в субъектах Российской Федерации»)³.

Дальнейшим расширением регионального участия был отмечен и конкурс социологических прогнозов на выборах Президента Российской Федерации 4 марта 2012 г. Заявки на участие в нем подали уже 33 конкурсанта, из которых 24 — представляли субъекты Российской Федерации (около 70% от всех конкурсных заявок). Еще 3 заявки, поступившие из регионов, не смогли быть приняты к рассмотрению из-за технических нарушений при подаче⁴.

Надо сказать, что при прогнозировании результатов президентских выборов в России 4 марта 2012 г. хорошо зарекомендовала себя отечественная научная школа. Именно представители региональных вузов сформировали наиболее точные прогнозные оценки и одержали уверенную победу в нескольких номинациях («наиболее точный прогноз явки избирателей», «наиболее точный прогноз доли голосов, поданных за избранного кандидата» и «наиболее точный ранговый прогноз»). Высокой точностью отличались и их прогнозы по ряду кандидатов, принимавших участие в президентских выборах, но не одержавших победу. В частности, электоральный результат М.Д. Прохорова при большом разбросе оценок наиболее достоверно спрогнозировал ФГБОУ ВПО «Тюменский государственный университет» (см. диагр. 1).

При этом крайне важно отметить, что среди методов прогнозирования, которыми пользовались представители региональных вузов, явно доминировала экспертная оценка. Это говорит о том, что кафедральные обсуждения по своей эффективности в прогнозировании результатов голосования на выборах Президента Российской Федерации 4 марта

Таблица 1

Перечень организаций — участников конкурса социологических прогнозов на выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации 4 декабря 2011 г.

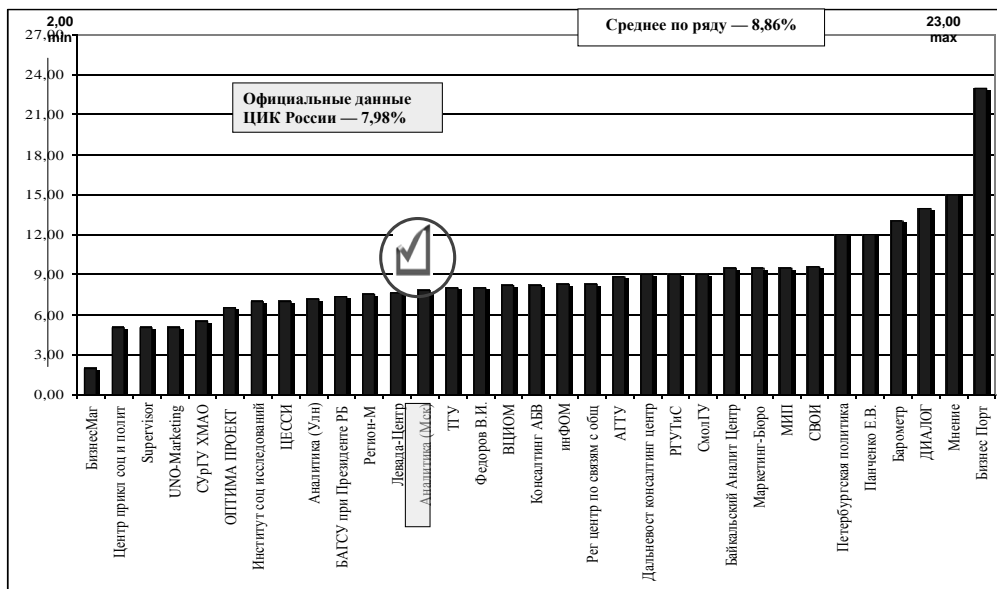
№ п/п	Наименование социологических организаций-участников Конкурса	Город
1	Аналитический центр Юрия Левады (Левада-центр)	Москва
2	Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИ-ОМ)	Москва
3	Институт социальных исследований	Москва
4	Институт сравнительных социальных исследований (ЦеССИ)	Москва
5	Исследовательская группа «Регион-М»	Саранск
6	Исследовательский центр «ДИСКУРС»	Москва
7	Консалтинг АБВ	Астрахань
8	Лин-Кор	Ярославль
9	Маркетинговые и инвестиционные проекты	Москва
10	Научно-технический центр «Перспектива»	Тюмень
11	Независимая исследовательская компания «Башкирова и партнеры»	Москва
12	Некоммерческий фонд «Исследования проблем демократии»	Москва
13	Социологическая служба «Барометр»	Москва
14	Социологическое агентство Supervisor	Пермь
15	Финтраст Консалтинг	Брянск
16	Фонд «Общественное мнение» (ФОМ)	Москва
17	Фонд «Петербургская политика»	Санкт-Петербург
18	Центр высоких гуманитарных технологий	Якутск
19	Центр исследований общественного мнения «Глас народа»	Москва
20	Центр исследований политической культуры России	Москва
21	Центр коммуникативных технологий ПРОПАГАНДА	Москва
22	Центр прикладной социологии и политологии	Краснодар
23	Центр социологических и маркетинговых исследований Владивостокского государственного университета экономики и сервиса	Владивосток

2012 г. были сопоставимы с дорогостоящими массовыми опросами населения.

В целом опыт проведения указанных конкурсов свидетельствует о том, что, несмотря на все объективные сложности электорального прогнозирования, отечественные социологические службы, представители научной школы, электоральные эксперты и аналитики демонстрируют профессионализм. Их прогнозные оценки в основном отража-

ют результаты, полученные по итогам голосования и обнародованные ЦИК России. Кроме того, точность формируемых оценок свидетельствует о высокой прогнозируемости российского избирательного процесса, а неизменно растущее количество конкурсантов (в том числе и регионального уровня) — о заинтересованности экспертно-социологических служб отечественной электоральной проблематикой.

Диаграмма 1. Прогнозные оценки и итоги голосования за кандидата Прохорова М.Д., %

Список литературы

1. Федотова Л.Н. Результаты выборов в Госдуму — 2011: социологический анализ / Л.Н. Федотова // Сравнительная политика. 2012. № 2. С. 113.
2. Итоги конкурса социологических прогнозов по выборам депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации [Электронный ресурс] / Российский центр обучения избирательным технологиям при ЦИК России [сайт]. [2011]. URL: <http://rcoit.ru/news/detail/16121/> (дата обращения: 04.02.2013 г.).
3. Конкурс социологических прогнозов на выборах Президента Российской Федерации 4 марта 2012 г. [Электронный ресурс] / Российский центр обучения избирательным технологиям при ЦИК России [сайт]. [2012]. URL: <http://rcoit.ru/news/detail/16142/> (дата обращения: 04.02.2013 г.).

¹ Федотова Л.Н. Результаты выборов в Госдуму — 2011: социологический анализ // Сравнительная политика. 2012. № 2. С. 113.

² Примечание: аналогичная норма содержится в п. 3 ст. 47 Федерального закона от 10.01.2003 г. № 19-ФЗ (ред. от 02.05.2012 г.) «О выборах Президента Российской Федерации» (с изм. и доп., вступающими в силу с 01.01.2013 г.) и в п. 3 ст. 53 Федерального закона от 18.05.2005 г. № 51-ФЗ (ред. от 02.05.2012 г.) «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» (с изм. и доп., вступающими в силу с 01.01.2013 г.).

³ Подробнее см.: Итоги конкурса социологических прогнозов по выборам депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации [Электронный ресурс] / Российский центр обучения избирательным технологиям при ЦИК России [сайт]. [2011]. URL: <http://rcoit.ru/news/detail/16121/> (дата обращения: 04.02.2013 г.).

⁴ Подробнее см.: Конкурс социологических прогнозов на выборах Президента Российской Федерации 4 марта 2012 г. [Электронный ресурс] / Российский центр обучения избирательным технологиям при ЦИК России [сайт]. [2012]. URL: <http://rcoit.ru/news/detail/16142/> (дата обращения: 04.02.2013 г.).

ИСЛАМ НА КАВКАЗЕ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА КОНФЛИКТНОСТЬ В РЕГИОНЕ И РОССИИ

А.А. Ярлыкапов

Данная статья имеет целью исследование форм, в которых сегодня бытует ислам на Кавказе, и связи их с современными конфликтами в регионе. Акцент на современность неслучаен. В течение последних 20 лет произошли значительные изменения, совершенно изменившие здесь картину религиозной жизни. Роль ислама все эти годы стремительно растет. Ислам проникает в самые разные сферы жизни кавказских народов. К сожалению, ислам на Кавказе стал темой, с одной стороны, сильно политизированной, а с другой стороны, гипертрофированное внимание уделялось феномену распространения экстремизма среди мусульман. Иными словами, современный ислам на Кавказе изучается однобоко. Между тем было бы очень интересно посмотреть, как на самом деле ислам связан с конфликтами, происходящими в регионе. Существуют ли на самом деле «конфликтные» и «мирные» формы ислама или это мифы? Является ли религиозная идеология первопричиной конфликта или она всего лишь обосновывает его, а причины кроются совсем в другом? Эти вопросы будут рассмотрены в статье на кавказском материале, собранном автором в ходе полевых исследований с 1998 г.

Современные тенденции развития ислама

Ислам на Кавказе имеет богатую и древнюю историю. Появление первых мусульман произошло еще в первый век существования ислама. Традиционно на Кавказ ислам проникал по двум направлениям. С юга, из Месопотамии и Ирана, шло проникновение суннизма шафиитского толка (мазхаба) и шиизма имамитского толка. С севера, из Средней Азии

через Золотую Орду, а затем из ее осколков сюда проникал суннизм ханафитского толка. Оба эти направления также оказывали на Кавказ суфийское влияние, и здесь распространились практики разных суфийских орденов — накшбандийя, кадирийя, шазилийя¹.

Современная карта распространения ислама на Кавказе сильно изменилась. Традиционно регион имел следующие районы распространения течений ислама:

Азербайджан — преимущественно шиитский регион с суннитским меньшинством на севере.

Дагестан, Чечня, Ингушетия — суннитский регион, преобладал шафиизм; сильное влияние суфизма.

Центральный и Северо-Западный Кавказ — суннизм ханафитского толка.

Абхазия и Аджария — суннизм ханафитского толка, номинальный и слабый.

Сильные изменения произошли в Азербайджане, где резко усилилось суннитское влияние. Это происходило в двух разных направлениях. Первое — проникновение суннизма с севера, из Дагестана и Чечни. Сунниты в Азербайджане исторически были дагестанского, лезгинского, на самом севере аварского и цахурского происхождения. В 1990-е гг. рост суннитов происходил также за счет дагестанцев и чеченцев, которых называли «ваххабитами». Однако в 2000-е гг. происходит резкое изменение этнического состава за счет суннизации азербайджанцев, составивших подавляющее большинство в суннитских мечетях Баку и других городов страны².

Еще один путь — рост в стране турецкого влияния и политика властей страны по ограничению иранского влияния,

в том числе через ограничение религиозных связей с Ираном. Это приводит к увеличению числа суннитов среди азербайджанцев, даже из тех семей, которые были традиционно шиитскими. Цифры — вещь лукавая, особенно там, где подсчетов вообще никаких не производилось. Однако оценки изменений, конечно, имеются. Традиционно в Азербайджане было такое соотношение: 85% шиитов и 15% суннитов³. Изменения на середину 2000-х гг. оцениваются в весьма широком диапазоне: согласно одним оценкам, число суннитов вернулось к значению советских времен в 30%, согласно другим, они уже якобы составляют половину мусульман страны.

На Северном Кавказе также произошли серьезные изменения. В первую очередь происходит рост контактов последователей двух суннитских толков — ханафитского и шафиитского. Этот процесс идет на фоне роста числа тех, кто выступает за уничтожение границ между разными толками ислама. Сегодня мусульмане всего мира постепенно вступают в эпоху «исламской глобализации», стремящейся стереть этнические и государственные границы между ними. В авангарде этого движения идет в первую очередь городская мусульманская молодежь.

Каковы общие черты «исламской глобализации»? В первую очередь — стремление выйти за пределы деления ислама на течения и толки. Идея единой исламской «нации», которая часто подкрепляется терминологически — во многих языках народов, исповедующих ислам, слово «милла» означает как исламскую общину, так и нацию. Делается вывод о второстепенности, подчиненности этнической принадлежности религиозной. Люди таких взглядов говорят: «В первую очередь мы мусульмане, а затем уже арабы, персы, чеченцы и т.д.». Каково в этой системе координат место гражданско-политической идентичности? Понятно, что не первое. Полное подчинение всей жизни в стране ислам-

ским ценностям — вот для них высшее благо, которого только они могут пожелать своей Родине, понимаемой в первую очередь как тот регион, где человек живет. При этом игнорируется многообразие, мозаичность реального ислама. Идет поиск универсального, «идеального» ислама, который бы объединил всю мусульманскую умму.

Отсюда неизбежно вытекает следующая черта — фундаментализация. Универсальный ислам, по мнению идеологов исламского «глобализма», существует — его лишь надо отделить от позднейших наслоений. Их версия ислама проста — достаточно основываться на Коране и Сунне; достижениями же исламской мысли, накопленными за 14 веков, часто предпочитают пренебрегать. Но даже если это наследие признается — само допущение того, что не нужно прикладывать особых усилий для получения основательного образования и постижения тонкостей толкования священных текстов, когда достаточно минимума знаний для самостоятельного их толкования — это весьма серьезный шаг навстречу молодежному радикализму.

Третья черта — переход на сетевую форму организации и активизма. Сетевой активизм помогает быстро распространять движение и продвигаться в самые разные, в том числе изначально неблагоприятные, сообщества⁴. Для суфийских (или, по местной терминологии, тарикатистских) сообществ, например, Дагестана с высоким уровнем традиционализма был чужд новый вид исламской активности, предлагавшийся молодежными лидерами. Однако попытки противостояния с использованием карательной мощи государства не достигли цели: молодежные сетевые структуры стали неотъемлемой частью мусульманского ландшафта Дагестана.

В развитии сетевых форм организации и деятельности помогает широкое использование современных технических достижений. Сегодня молодежное

мусульманское сообщество становится экстерриториальным: вовсе не обязательно посещать по пятницам одну и ту же мечеть, жить по соседству и знать друг друга в лицо. Единомышленники могут создавать реальные сетевые сообщества с помощью виртуальных технологий. В России молодые джамааты особенно активно пошли по этому пути после краха попытки создания легальной сильной молодежной общины в Нальчике⁵.

На пути к «глобальному исламу»

Все эти формы глобализационной деятельности неформальны, идут снизу, и в этом их несомненная сила. Объективно происходящие процессы настолько очевидны, что официальные мусульманские структуры пытаются их использовать в своих целях.

Особенно ярко это видно на примере Ирана. Известно, что Иран стремится стать центром притяжения для всего исламского мира, в котором подавляющее большинство составляют сунниты. Иранское руководство понимает, что любой акцент на шиитской идентичности способен изолировать их страну. Поэтому аятоллы стремятся найти некие объединительные начала и идеи. В стране в крупном исламоведческом центре в Куме развивают не только шиитский, но и суннитский, в том числе ханафитский фикх. В Куме же иранские ученые стремятся разработать общий суннитско-шиитский Тафсир, т.е. такое толкование Корана, которые удовлетворяло бы и объединяло представителей этих двух основных направлений ислама. Авторитетный иранский аятолла Тазхири возглавил созданную в Тегеране организацию по сближению между мазхабами, которая активно действует на общеисламском поле и созывает ежегодные конференции. Локомотив, движущая сила движения к «идеальному», «единому», «глобальному» исламу, — молодежь.

Не обошло стороной это движение и Россию. Распространившаяся среди рос-

сийской мусульманской молодежи, особенно в городах, версия ислама получила на Кавказе название «нового» ислама. Уже в самом названии имеется некое противопоставление «новый» — «старый» ислам. В этом противопоставлении кроется серьезная опасность. Мы не можем закрывать глаза на эту тенденцию и делать вид, что есть лишь небольшая кучка молодых экстремистов, не имеющих особого влияния среди мусульман.

Поиски универсального ислама, захватившие значительную часть исламской молодежи, усложняют задачу адаптации и интеграции мусульман в современное общество. Сегодня в России мы наблюдаем, с одной стороны, явное отчуждение мусульман, однако, с другой стороны, есть также и серьезные тренды внутри самих мусульман. Многие из них вызваны обострившимися поисками «истинного» ислама.

«Традиционный» и «нетрадиционный» ислам

Большое значение приобрели споры о «традиционном» и «нетрадиционном» исламе, поскольку «традиционный» ислам должен был стать «официальным», признанным, имеющим монопольное право на существование. Вопрос этот имеет также большое методологическое значение, поскольку российские исследователи подхватили эту риторику. Между тем этот подход абсолютно непродуктивен. Как я уже отметил, на Кавказе ислам представлен разными направлениями, течениями и школами. Сделать один из них единственно верным для всего региона невозможно, хотя такие попытки предпринимаются. «Официальный» ислам представляют так называемые духовные управления мусульман, которые функционируют в каждой республике.

В целом на Северном Кавказе духовные управления мусульман проигрывают представителям «неофициального» ислама в борьбе за привлечение но-

вых сторонников. Являясь наследниками прежней имперской системы управления исламом, духовные управления крайне консервативны и неуклюжи. Безоговорочная поддержка со стороны государства гарантирует им монопольное представление интересов мусульман на государственном уровне, что ведет к игнорированию оппозиционных сил. Духовные управления мусульман, будучи почти «официальными» организациями, часто оказываются крайне неуклюжими и редко реагируют на те вызовы, которые предъявляет современная жизнь⁶. Между тем параллельные мусульманские структуры часто оказываются гораздо более действенными и влиятельными. В середине 1990-х — первой половине 2000-х гг. серьезную конкуренцию Духовному управлению мусульман Кабардино-Балкарии составлял Кабардино-Балкарский исламский центр, который позже стал Кабардино-Балкарским институтом исламских исследований. Это был легальный орган молодежного Кабардино-Балкарского джамаата — централизованной иерархической организации молодых мусульман.

Обе эти организации долго боролись за право представлять мусульман республики. Духовное управление мусульман Кабардино-Балкарии считало представителей Кабардино-Балкарского джамаата ваххабитами и использовало как союзников силовые органы республики. Их репрессии часто приобретали открыто антиисламский характер. Например, в начале 2000-х гг. в республике все мечети были закрыты; они открывались представителями местной власти только на один час для пятничной молитвы. Молодых людей преследовали только за то, что они молились пять раз в день. Девушка в исламской одежде однозначно воспринималась как террористка. Многие молодые мусульмане были избиты в отделениях милиции⁷. Все это привело к резкой радикализации прежде умеренного руководства джамаата. В 2004 г.

на встрече с Шамилем Басаевым амиры джамаата Муса Мукожев и Анзор Астемиров решают присоединиться к вооруженной борьбе против российских властей.

Пока на Кавказе были сильны так называемые ваххабиты, они не допускали в регион представителей других исламистских движений. Например, активное идеологическое противодействие предпринималось в отношении последователей «Хизб ут-Тахрир». Все постсоветские годы тут не было зарегистрировано ни одной устойчивой ячейки этой партии. Однако ослабление ваххабитов в результате целенаправленных репрессий привело к тому, что ячейки «Хизб ут-Тахрир» с 2007–2008 гг. успешно действуют в Дагестане и, возможно, в других регионах Северного Кавказа.

Дагестан

Ситуацию в Дагестане следует рассмотреть отдельно. Это самая исламизированная республика Кавказа. Подавляющее большинство населения исповедует ислам, который является одной из основ идентичности дагестанцев. 3 млн дагестанцев имеют 2 тыс. мечетей. Здесь исламские студенты обучаются в 13 высших учебных заведениях.

Исламская мозаика Дагестана. Религиозное развитие Дагестана с самого начала 1990-х гг. было далеким от мирных сценариев. Мусульманское возрождение тут началось с конфликтного отделения от Духовного управления мусульман Северного Кавказа и продолжилось дальнейшим дроблением по этническому признаку. Время этнических муфтиятов прошло, однако единое теперь Духовное управление мусульман Дагестана не признается легитимным как минимум половиной мусульманских общин республики. Мотивы у них разные, основные претензии в узкой суфийской специфике республиканского муфтията, представленного мюридами одного шейха — Саида-афанди Чиркеевского, и в клановости.

Исламское поле Дагестана не ограничивается наличием двух толков суннитского ислама — шафийтского и ханафитского, шиизма и суфизма. Оно гораздо более мозаично, здесь представлены различные, в том числе радикальные, группы салафитского толка (так называемые «лесные», «ваххабиты», а также умеренная группа «Ахлю сунна»), разные школы и традиции суфизма, а также маргинальные и немногочисленные группы сторонников «Хизб ут-Тахрир», Фетхуллага Гюлена и своеобразная секта «крачковцев». Все это поле бурлит и непосредственно влияет на состояние дел в республике. В ситуации отсутствия единства ислам не может играть стабилизирующую роль, не может играть существенной роли в снятии напряженности и решении социальных вопросов. Напротив, часто религия становится выразителем протестных настроений, фактором дестабилизирующим.

Часто протест бывает связан с молодежью и проявляется в виде конфликта поколений, старшего и младшего. Молодежь не желает более следовать традициям предков, переосмысливает себя, свою роль и свое положение в обществе. Сегодня можно без преувеличения сказать, что налицо кризис идентичности исламской молодежи не только в Дагестане, но и в целом на Северном Кавказе.

Традиция и кризис идентичности. Сегодня в Дагестане сложилось весьма пестрое общество. С одной стороны, культурно дагестанцы резко выделяются, города республики все больше напоминают ближневосточный Каир, например, по поведению населения, организации дорожного движения. Однако это идет не через консервацию традиций и сохранение черт традиционного общества. Традиции в значительной мере сохраняются в сельской местности, однако и там молодежь все менее вовлечена в структуру традиционных взаимоотношений. Нарушился их механизм. Прежняя схема, когда традиции действовали в рамках всего

джамаата, объединяя сельскую общину, сломана. Происходит резкое ограничение сферы применения традиций рамками семьи, клана⁸. За их пределами молодой человек ощущает себя свободным! Это происходит с некоторой частью дагестанской молодежи, когда она выезжает за пределы своих джамаатов. Ограничения снимаются, и их поведение порой может вызывать конфликты с окружающими.

Молодежь в первую очередь переживает кризис идентичности. Эти кризисные явления фиксируют и социологи. Дагестанский социолог Заид Абдулагатов говорит о парадоксальной двойственности сознания молодежи: в ходе опросов больше половины молодых дагестанцев заявляют о принадлежности к восточной, основанной на исламе, культуре. *«На вопрос, какие законы выше, шариатские или светские, в большинстве своем отвечают, что шариатские, но сами они по ним не живут!»*⁹ Происходящие в целом в России перемены, антикавказская истерия еще больше толкают молодых дагестанцев к поиску себя в стороне от общероссийской общности, обостряя и без того серьезный кризис идентичности.

Разница поколений и религиозный радикализм. Проблема разницы поколений в Дагестане до предела обострена. Традиционное общество, регулировавшее межпоколенческую коммуникацию и передачу знаний, умений, навыков и устоев, все больше размывается под влиянием глобализационных процессов, идущих в мире в целом, а также «исламской глобализации», когда среди мусульман все шире распространяются представления о наличии универсального ислама, который должен быть свободен от различий в плане направления, толка и течения. Как и по всему миру, мусульманская молодежь в Дагестане все активнее вовлекается в процесс создания экстерриториальных общин, когда вовсе не обязательно принадлежать к общине тех, кто посещает одну и ту же мечеть. Интер-

нет открывает доступ к коллекциям фетв так называемых «электронных муфтиев», которые и становятся новыми кумирами исламской молодежи¹⁰. Не соответствующие контексту, не учитывающие локальные особенности, эти фетвы привлекают молодежь своей универсальностью. Официальные религиозные лидеры, цепляющиеся за старые традиции, все больше теряют авторитет в их глазах. Эти люди ассоциируются у молодежи с нынешним строем, а значит, с полной и безоговорочной поддержкой современного состояния дел.

Молодежь особенно остро реагирует на современные проблемы дагестанского общества. Молодые люди на своих плечах испытывают практически все его пороки, особенно чудовищную по масштабам коррупцию. Завершение обучения в школе и сдача экзаменов сопровождается взятками, которые затем сопровождают молодого человека в годы обучения в вузе: немалые деньги нужны при поступлении в вуз, а затем каждый зачет и экзамен также имеют свою цену. Окончание обучения и последующее поступление на работу также требуют денег.

Молодой человек, даже поступив на работу, понимает, что, во-первых, если кто-то даст взятку больше, чем он, его пребывание на этом месте может закончиться увольнением, а во-вторых, сынки богатых и влиятельных людей уже заняли все более-менее престижные ниши в республике. Ему, даже если он талантлив и потрясающе работоспособен, крайне трудно выбиться в люди¹¹.

Наиболее опасной тенденцией, скорее всего, следует признать все более закрепляющуюся «коррупционность сознания» дагестанской молодежи. Студенты дагестанских вузов на фокус-группе выражали крайнюю степень пессимизма по поводу перспектив борьбы с коррупцией. Свой личный вклад в это они тем более отрицали. Вот голоса будущей дагестанской элиты: *«Реальнее смиряться с коррупцией. Надо думать о своем*

будущем: когда нарушим закон, а это неизбежно, у нас должны быть возможности избежать наказания». «Когда нам удастся попасть во властные структуры, мы будем точно так же брать взятки. Невозможно отказаться от денег»¹².

Тотальная коррупция, отсутствие всяких перспектив для собственного развития и роста ведет к росту протестных настроений среди молодежи. Даже среди очень образованной молодежи распространены представления о том, что введение шариата является единственным способом решения проблем дагестанского общества (как один из вариантов решения сверху, путем введения определенной системы или тотальной смены системы, называется также и реформа сверху, из Москвы)¹³. Небольшая, но очень активная часть молодежи заканчивает в лесах, среди групп боевиков. Большая же часть молодежи предпочитает трудовую миграцию, поскольку Дагестан отличается не только высоким уровнем безработицы, что в условиях аграрной республики все-таки не столь опасно, сколько очень низким уровнем заработной платы.

В условиях переизбытка трудовых ресурсов Дагестан имеет отрицательный баланс трудовой миграции: ежегодно 10 тыс. человек¹⁴. Миграции постсоветских лет очень сильно отличаются от миграций советского времени. Постсоветские мигранты, сталкиваясь с недобрительным, а порой и враждебным к себе отношением, капсулируются на новом месте, создавая своеобразные дагестанские анклавные (как в городах, например, в Астрахани, так и в сельской местности, например, Ростовской области)¹⁵. Такая форма поведения, с одной стороны, вынуждена, а с другой стороны, способствует высокой степени сопротивления ассимиляционным процессам, а также в среднесрочной перспективе губительно сказывается на развитии российской политической нации, усиливая ее фрагментарность. Возникновение этнических

кварталов, мест компактного проживания дагестанцев и представителей других народов Северного Кавказа во внутри-российских городах, занятия ими особых трудовых ниш, ограничение общения со старожильческим населением препятствует их интеграции, усиливает чувство отчуждения, толкает к поискам новых ориентиров.

Именно поэтому миграция молодежи в поисках работы в крупные города России, а также в нефте- и газодобывающие регионы не снижает уровня напряжения, а даже усиливает его. Исламская идентичность, часто до этого на родине находившаяся в «спячке», на новом месте вдруг оказывается резко востребованной. Многие молодые люди в новой для себя среде, часто к ним если не враждебной, то недружелюбной, стараются найти для себя моральную опору. Этот феномен реисламизации в миграции, несомненно, требует к себе особого внимания и исследования. Пока лишь отметим, что эта реисламизация происходит не в рамках так называемого «традиционного», или «умеренного», ислама. Часто молодежь оказываются востребованы радикальные интерпретации ислама, которые не находят понимания на родине и ведут к конфликтам среди мусульманских общин Дагестана.

Протестный потенциал. Сложилось упрощенное представление о том, что в Дагестане протестную исламскую группу представляют только салафиты, «ваххабиты» и так называемые «лесные». Однако и среди «традиционных» и якобы поголовно лояльных суфиев находятся те, кто выражает протестные настроения. В частности, есть оппозиционные самому влиятельному шейху Саиду-афанди¹⁶ суфийские деятели, которые всячески ограничивают контакты с государством и существующим режимом. К ним относятся хасавюртовские аварцы, последователи шейха Таджуддина (линия паравульских шейхов), а также акушинские и левашинские алимы. Они обосновывают

свою позицию тем, что власть находится в руках неверных. Поскольку изменить положение дел сейчас они не могут, то запрещено подниматься против власти с оружием в руках, но можно минимизировать контакты с ней. *«Они минимизировали свои контакты с существующей властью. Это тоже своего рода форма протеста»¹⁷.*

Иначе говоря, салафиты не единственные, кто представляет протестную линию в исламе. Они действительно не любят это государство и хотят установить свою политическую систему. Однако в стане салафитов произошли серьезные изменения, и здесь они также проигрывают суфиям. Дело в том, что за прошедшие 20 лет салафиты потеряли своих интеллектуалов, которые имели политическую платформу, знали, чего они хотят и как этого добиться. Сегодня у них крупной фигуры уровня раннего салафитского лидера Ахмадкади Ахтаева¹⁸ нет. С одной стороны, это может восприниматься как позитив, успех силовых структур в борьбе с радикальной исламистской идеологией. Однако идеология не побеждена, салафитов и их экстремистское крыло — «ваххабитов» и «лесных» лишили интеллектуалов, но не идеологии. Это ведет к росту бессистемного насилия с их стороны, упрощению их борьбы до уровня террора против силовиков и представителей власти. Еще один неприятный факт, с которым пришлось столкнуться властям республики, — с той стороны практически не осталось тех, с кем можно всерьез говорить и договариваться.

Проблемы диалога. Последнее стало очевидно в связи с разворотом властей республики от однозначного «мочить» к попыткам содействия внутриисламского диалога в республике. Новый глава Дагестана Магомедсалам Магомедов при поддержке из Москвы в 2010 г. инициировал дискуссии между разными исламскими группами в республике, в ходе которых умеренная часть салафитов

под названием «Ахлю сунна» оформилась в некоторое подобие политической силы, представляющей интересы оппозиционных мусульман. Было дано указание прекратить силовые действия против мирных салафитов, в результате в республике открыто действуют салафитская мечеть в Шамхале, Губдене, Буйнакске, салафитские группы в Махачкале. Салафитские бизнесмены вышли из подполья и по крайней мере в Махачкале их офисы (в основном торговые, сферы услуг и недвижимости) действуют открыто, в чем автору в 2011 г. удалось удостовериться лично. В частности, их офисы появились в крупных торговых центрах города.

Хотя практически все эксперты весьма скептически оценивают результаты работы и перспективы созданной по инициативе Магомедсалама Магомедова Комиссии при главе Республики Дагестан по оказанию содействия в адаптации к мирной жизни лицам, решившим прекратить террористическую и экстремистскую деятельность на территории республики, сам факт ее учреждения очень красноречив и говорит о желании двигаться в направлении налаживания диалога с крайней оппозицией.

В то же время сами умеренные салафиты, приветствуя инициативы власти и осторожно участвуя в предлагаемых формах сотрудничества, готовы к полному сворачиванию диалога со стороны власти и официальных исламских деятелей. *«Мы открыты и вышли из подполья. Но мы в любой момент готовы вновь уйти, потому что мы не уверены в том, что новая политика всерьез и надолго»*¹⁹. Критика новой политики власти слышна также и со стороны светской части общества, представители которой встревожены тем, что власти все больше и больше демонстрируют свою религиозность, а глава республики открыто посещал Соборную мечеть по пятницам²⁰.

На словах представители официального Духовного управления мусульман Дагестана поддерживают начинания вла-

сти²¹. Однако, по мнению экспертов, они воспринимают новые шаги правительства как своего рода предательство, поскольку они настолько рьяно боролись против ваххабизма и салафитов, что найти точки соприкосновения с ними им будет практически невозможно²². Интриги в ситуацию добавила также резкая смена Москвой руководства республики, и до сих пор не ясно, какая будет позиция по вопросу диалога у нового руководителя Дагестана, старого аппаратчика Рамазана Абдулатипова.

Позиции «официального» суфизма. Суфии Дагестана, в отличие от суфиев Чечни и Ингушетии, являются последователями живых шейхов. Как уже отмечалось, самый популярный — Саид-афанди Чиркави (хоть он и погиб в результате теракта, община его последователей сохраняется при формально другом шейхе). Половина всех суфиев Дагестана — его последователи. Его последователи контролируют Духовное управление мусульман Дагестана. Его ученики контролируют многие муниципалитеты на территории Северного Дагестана. Много его последователей среди представителей республиканских органов власти. Значительная часть депутатов дагестанского парламента считается его учениками. При этом следует подчеркнуть, что не стоит воспринимать суфийскую общину Саида-афанди как своеобразную «коза ностру». Дело в том, что сама суфийская община не имеет столь далеких планов и стратегии по подчинению политической и экономической жизни республики своей воле. Процесс этот стихийен; тем не менее, если есть возможность действовать через своих людей во власти и на видных экономических позициях, суфии ею пользуются.

В частности, обладание мощными ресурсами позволяет дагестанским суфиям активно вмешиваться в общественно-политическую жизнь республики. Они проводят акции по запрету книг. В марте 2010 г. последователи Саида-афанди

устроили погромы в нескольких магазинах, в которых продавалась запрещенная Духовным управлением мусульман Дагестана литература. Среди суфиев Дагестана широко распространена исламская правоприменительная практика, многие мусульмане Дагестана сегодня де-факто живут по законам шариата. Активная деятельность суфиев, пользующихся поддержкой республиканских властей, неминуемо обострила проблему светско-религиозных отношений.

Светское/религиозное: проблемы взаимоотношений. Дагестанцы обладают весьма высокой степенью религиозности, что находит отражение в общественно-политической жизни республики. Религиозные деятели, чувствуя поддержку со стороны консервативно-религиозной части общества, все более активно включаются в полемику со светскими деятелями, а также пытаются вмешиваться в сферы, далекие от религии. В частности, религиозные деятели вмешиваются в научные дискуссии, принимая в них активное участие, пытаются вести мониторинг литературы и влиять на круг чтения дагестанцев через запрет определенных книг, о концертах представителей российской эстрады благодаря активному противодействию со стороны официальных исламских деятелей дагестанцы уже и забыли²³. Вслед за инициативами РПЦ мусульманские деятели Дагестана активно ставят вопрос необходимости введения уроков ислама в школах, справедливо указывая на то, что в принципе не они начали полемику по поводу преподавания религии в государственных школах. Действительно, активное продвижение РПЦ идеи преподавания Основ православной культуры весьма облегчает им задачу продвижения идеи преподавания ислама в школе.

Как водится, полемика не ограничивается только содержанием образовательных программ. Все чаще встает вопрос допустимости исламской одежды

в государственной школе, совместного обучения девочек и мальчиков и т.д. Чересчур принципиальные сторонники светскости становятся жертвами накала страстей, как директор школы в поселке Шамхал Патимат Магомедова, которую в сентябре 2010 г. расстреляли из-за ее непримиримой позиции по поводу ношения хиджаба в школе, а также уроков физкультуры для девочек²⁴. Станным образом в этой полемике принципиально по одну сторону баррикад оказываются непримиримые противники, суфии и салафиты. Суфийские деятели там, где у них есть возможность, вводят порядки, не всегда соответствующие декларируемому светскому характеру Дагестана.

Конечно, в тех случаях, когда действия религиозных деятелей выходят за те рамки, которые им очерчивает Конституция Республики Дагестан, провозглашающая ее светским государством, необходим отпор со стороны светской части общества. Однако в некоторых случаях, по мнению экспертов, критика в адрес религиозных деятелей является не совсем справедливой. В частности, часто поднимается вопрос об исламском образовании, которое якобы пытается заменить светское. Реально в Дагестане общин, которые отдают предпочтение системе исламского образования, исчезающе мало. Реально о такой угрозе можно было вести речь в 1990-х гг., однако сейчас очевидно, что эта тенденция так и не развилась. Престижность светского образования сегодня никем не ставится под сомнение. Кроме того, активно критикуемые исламские вузы Дагестана, по мнению экспертов и даже правительственных чиновников, играют очень важную социальную роль, занимая тех, кто не нашел денег для поступления в светские вузы. Эти молодые люди получают кров, еду, а также воспитываются в исламской морали суфийской направленности, запрещающей вооруженную борьбу и экстремизм²⁵.

*Политические концепции ислама
в региональном преломлении:
халифат желанный и реальный*

Последняя, но не менее важная тенденция — трансформация сепаратистского движения на Северном Кавказе. Этнический сепаратизм сегодня не существует как самостоятельная сила. Начавшись как борьба за отделение Чечни от России, сепаратизм сегодня превратился в движение за освобождение мусульман от власти «государства неверных». Политизация ислама — явление сложное и неоднозначное. Существует масса способов и возможностей вовлечения мусульман в политическую сферу. Рассмотрим воздействие концепции «исламского государства» на умы и практики кавказских мусульман.

Происходящие в современных исламских сообществах России процессы неизбежно приводят к их политизации. Трудно, наверное, найти другое религиозное движение, которое было бы столь политизировано, как современное исламское движение. Эта политизация происходит одновременно и в умах мусульман, и на практике. Наша цель — понять, как политизация мусульман связана с идеей халифата и связана ли она с ней вообще. Для этого мы будем говорить о представлениях и практиках российских мусульман, которые связаны с государственным строительством в рамках исламской доктрины.

Рассматриваемая тема присутствия идеи халифата в умах и практиках российских мусульман практически не затрагивалась напрямую, хотя о халифате сегодня не говорит разве что ленивый. Тема эта постоянно всплывает в официальных комментариях по поводу различных акций, проводимых экстремистами на Северном Кавказе, поскольку власти привычно говорят о боевиках как о людях, стремящихся установить здесь «халифат»²⁶.

Смутность представлений властей о целях и задачах, которые перед собой

ставят различные группы мусульман, как «традиционных», так и оппозиционных, основана на недостаточной разработанности этой темы. С одной стороны, эта проблема кажется очевидной — раз борются против российских властей, значит, хотят установления своей формы правления, а она по умолчанию видится только в форме «халифата». В то же время вызывает улыбку интерпретация этой проблемы — то утверждается, что боевики выступают за «всемирный халифат», то говорится об их планах построить «халифат» только на Северном Кавказе.

В какой-то мере такая неграмотность имеет корни в научной неразработанности проблемы. Существует огромная библиография работ о политизации российских мусульман, о религиозно-политическом экстремизме среди них, однако мы не сможем назвать ни одной работы, рассматривающей серьезно их политическую доктрину, которая в любом случае должна коррелировать с идеей халифата. Мы не увидим внятной разработки этой интересной темы ни в работах маститых российских и зарубежных исследователей ислама в России, таких как А.В. Малашенко, А.А. Игнатенко, Д.А. Нечитайло, И.П. Добаев, Э.Ф. Кисриев, К.М. Ханбабаев, А. Кньш, Г. Емельянова и др.²⁷ Очень подробная работа известного американского исламоведа Александра Кньша, посвященная рассмотрению эмирата Кавказ, провозглашенного в 2007 г., практически не касается вопроса о взглядах идеологов и практиков этого бандитского образования на государственное строительство в плане соотношения их с представлениями о халифате. Подавляющее большинство специалистов и экспертов сконцентрировались на исследовании процесса радикализации мусульман России, понимая так и политизацию, что, конечно же, является заблуждением. Между тем процессы настоящей политизации, а не политизации/радикализации, весьма интересны.

Тесно в связи с политизацией и представлениями мусульман о государственном строительстве и построении «исламского государства» рассматривается процесс увеличения сторонников введения шариата в России. На Северном Кавказе идея введения шариата особенно популярна в Дагестане, где она открыто высказывается самыми широкими слоями, особенно среди молодежи. Достаточно пройтись по форумам, где высказывается дагестанская молодежь. Здесь много критики в адрес правящих кругов и представителей дагестанского официального религиозного руководства. Действительно, многое в этой критике справедливо, и те, кто живут в Дагестане, не могут не видеть потрясающего контраста между показной религиозностью и объявлениями о том, что Дагестан является страной исламской учености, с одной стороны, и разрухи в умах и действиях людей. В результате дагестанское общество погрязло в коррупции, криминале и воровстве, особенно казнокрадстве, которое в дотационной республике поставлено на широкую ногу. Протест верующей молодежи, не находящей себе достойного места в этой вакханалии, не всегда принимает крайние формы, когда люди берут оружие в руки и идут в лес. Значительная часть молодежи рефлексировать, пытается понять истоки такого положения дел и найти пути выхода из этого состояния. Автору довелось участвовать во многих конференциях в Махачкале, столице Дагестана, на которых будущая научная элита республики однозначно приходила к выводу о том, что самым лучшим решением будет введение шариата. Молодые аспиранты открыто, не боясь присутствующих авторитетных ученых, говорили о том, что они являются сторонниками шариатского правления. Это серьезный факт, который наталкивает на мысль о том, что в головах интеллектуальной элиты Дагестана уже началось строительство «исламского государства».

Конечно, многое в головах молодых людей еще находится в незрелом виде, однако мы должны отдавать себе отчет, что направляет поиски выхода из кризиса в сторону шариатского правления. В первую очередь это, конечно, разочарование во власти, которая дискредитировала принципы и ценности западной демократии. Дагестан сегодня представляет собой территорию, где кухни являются местом обсуждения политических реалий, как это прежде было в Советском Союзе. Каждый молодой дагестанец практически каждый вечер слышит на кухнях про покупку должностей, размеры взяток, связи и кланы, поддержка которых необходима для успешного продвижения во власть. Каждый молодой дагестанец знает о том, что поступить в вуз в республике стоит совершенно конкретных денег на взятки, а дальнейшая учеба также имеет свои расценки на формально бесплатном «бюджетном» месте. Но и получив образование, он не может вырваться из этого порочного круга, ибо для того, чтобы устроиться работать, надо заплатить деньги. Даже частный бизнес в республике поделен — есть бизнес «аварский», «даргинский», «кумыкский» и т.д., где, естественно, отдается предпочтение представителям соответствующих этнических групп.

Введение шариата, которое невозможно без смены политической надстройки и власти, по мнению молодежи, должно снять все эти проблемы. Вообще создание положительного образа шариата как панацеи от всех бед общества — тоже интересный феномен. Молодежь не задумывается на тему отсутствия положительного исторического опыта полноценного введения шариата, а также противоречия многих шариатских норм и современных реалий. Для них шариат — это идеальный Закон, который сам по себе наделен способностью решения всех проблем. Такое идеализированное восприятие религиозного закона характерно для верующих, но в данном случае ве-

ра тесно соприкасается с практической жизнью.

Между тем молодежь начинает введение шариата с самих себя. Значительная часть мусульманской салафитской молодежи Дагестана находит себя в собственном бизнесе, который обычно связан с торговлей и торговыми операциями. Это, по их мнению, с одной стороны, соответствует сунне пророка Мухаммада, который всегда с одобрением отзывался о торговле, а с другой стороны, не ставит их в зависимость от коррупционной системы, господствующей в дагестанском обществе.

Создание такого рода экономически независимых групп — джамаатов, весьма любопытный пример того, как практически создается этими людьми своеобразное «комфортное» окружение, пространство, дающее им возможность практиковать нормы, которые им кажутся шариатскими или реально являются шариатскими. Личной жизнью, богобоязненностью, ведением бизнеса, как они говорят, «дозволенными» (*халаль*) методами эти люди стремятся всячески противопоставить себя современному порядку, господствующим в Дагестане. Так они явочным порядком постепенно устанавливают шариат в том понимании, которое у них есть.

В понимании шариата мусульманская молодежь, конечно, не ограничивается только сферой личного статуса или бизнеса. Для нее введение шариата является панацеей от всех бед общества именно потому, что они считают шариат универсальной правовой системой, применимой во всех без исключения сферах жизни.

От коррупции спасет, по их мнению, применение уголовных норм, в частности, отрубание конечностей за воровство. Управление должно осуществляться на основе исламского принципа «шуры» (совещательности), которая не имеет ничего общего с западной либеральной демократией. Обществом управ-

ляет один человек, избранный волей большинства общины верующих, власть которого ограничена советом, состоящим из локальных лидеров (амиров), носящей название «Шура» (Совет). Справедливость управления определяется опорой на шариат и контролем со стороны общества через Шуру.

В Дагестане есть также и другой опыт установления шариатских норм. Явочным порядком шариат устанавливается и в многочисленных суфийских общинах Дагестана. Однако в суфийских общинах Дагестана политический вопрос видится немного под иным уклоном.

Дело в том, что суфийские общины, в отличие от салафитских, не создают «капсульных» сообществ внутри дагестанского общества. Их джамааты также сильны и экономически независимы, как и салафитские. Однако, в отличие от салафитов, суфии не дистанцируются от остального общества. Они «вплетаются» в него через мюридов — учеников шейхов, которых не заставляют уходить с занимаемых ими мест. Напротив, шейхи усиливают свое влияние в самых разных сферах дагестанского общества через своих мюридов. А это и крупные бизнесмены, и политики разного уровня, и ученые, и представители СМИ.

Инкорпорация в «коррупцированное дагестанское общество» часто ставится салафитами в вину суфиям. Таким образом, в случае с суфиями мы видим совершенно иной подход к созданию исламского государства — через активную исламизацию социального организма путем внедрения в него.

Тем не менее идея введения шариата обычно не связана непосредственно с идеей установления халифата. Идея установления исламского государства сегодня открыто провозглашена двумя противоположными группировками в регионе — исламскими радикалами-«ваххабитами» и последователями «Хизб ут-Тахрир».

Радикальное крыло ваххабитов провозгласило в 2007 г. Кавказский эмират,

который должен стать в будущем частью халифата. Деятели Кавказского эмирата несмотря на то, что контролируют очень небольшие территории, проводят реальную политику по выстраиванию государственного аппарата, начиная с органов власти и заканчивая выстраиванием налоговой системы.

Группировки «Хизб ут-Тахрир» ведут свою деятельность в традиционной для этой партии манере, причем они подвергаются нападкам как со стороны российских силовых органов, так и со стороны ваххабитов. Любопытно проследить взаимоотношения «Хизб ут-Тахрир» с другими исламскими группами на Северном Кавказе. Долгое время им не удавалось закрепиться в регионе и только с 2008 г. стали поступать сведения о более-менее устойчивых их группах в Дагестане, в частности, в Хасавюртовском районе. Интересно, что сведения об активности тахрировцев были получены именно от салафитов, которые выражали свое недовольство ею.

Человеку со стороны может показаться: что же им делить, ведь и те и другие желают одной цели: установления шариатского правления и объединения всех мусульман в рамках государства, осуществляющего управление по исламским законам. Вот и люди, близкие к суфийским кругам в Дагестане, недоумевали: почему ваххабиты (салафиты) люто ненавидят тахрировцев?

Никто не обращал особого внимания на то, что в течение всех этих лет салафиты на Северном Кавказе держали монополию на своем поле и не допускали сюда эмиссаров «Хизб ут-Тахрир». Противодействие велось по всем фронтам: тахрировцев не пускали физически, но при этом велось также и серьезное идеологическое противодействие. В это противодействие входила как антихизбовская пропаганда в ходе проповедей, так и издание специальных разоблачительных брошюр и листовок, в частности, специальной брошюры о партии, ее идеологии и ее «заблуждениях».

Появление «Хизб ут-Тахрир» на Северном Кавказе сегодня закономерно, поскольку главные его противники ослаблены взаимной враждой, а государство и его силовые органы неспособны четко их отслеживать. Попытки проникновения в этот стратегически важный регион тахрировцами предпринимались и ранее. Об этом свидетельствует беспрецедентная антитахрировская пропаганда, которую салафиты развернули среди кавказских мусульман в 1990-е — начале 2000-х гг. Наиболее эта деятельность изучена на примере Кабардино-Балкарского джамаата, один из идеологов которого, Анзор Астемиров (известный до своей гибели также как амир Сейфулла), вместе с Расулом Кудаяевым активно перводили антитахрировскую литературу с арабского языка, а также готовили антитахрировские листовки, статьи и брошюры²⁸. Многие из этих материалов доступны по сей день в Интернете.

Кабардино-Балкарский джамаат действовал в двух направлениях: с одной стороны, проводились учеба и семинары для членов джамаата, чтобы оградить их от идеологического влияния этой партии. С другой стороны, в республике активно распространялись антитахрировские листовки и брошюры с тем, чтобы не допустить проникновения этой идеологии в среду мусульман, не входящих в джамаат. Пользуясь своей разветвленной сетью, джамаат также физически противостоял проникновению функционеров «Хизб ут-Тахрир», не допуская никакой активности с их стороны.

Главное противоречие между «Хизб ут-Тахрир» и салафитами состояло в том, что две эти силы по-разному понимали методы достижения одной и той же конечной цели, подобно меньшевикам и большевикам в начале XX в. Если Партия исламского освобождения предполагает установить исламское государство (они его видят именно в форме халифата) мирным путем, через переворот в сознании мусульман, то салафиты занима-

ют более радикальные позиции, говоря о необходимости разрушения государства «неверных» и установления на его руинах исламского государства.

Причем в понимании салафитов это государство не обязательно сразу должно стать халифатом. Для радикальных салафитов очевидно, что сейчас джихад на Северном Кавказе должен вестись только вооруженным путем. Отрицание обязательности вооруженного джихада воспринимается не просто как ошибка или предательство, а как отход от ислама. В силу ограниченности возможностей сегодня они применяют в основном террористические методы борьбы. Главная мишень — силовые структуры государства; при этом ведется подрывная деятельность также и против тех, кто, как они выражаются, поддерживает «кафирское» государство.

Для функционеров «Хизб ут-Тахрир» такие методы борьбы неприемлемы. Они являются сторонниками постепенного проникновения в социальную структуру общества и его изменения изнутри. Переворот должен произойти в людях, и тогда он произойдет и в обществе. Соответственно члены партии должны проникнуть во все сферы общественно-политической жизни, в том числе и в такие ключевые, как власть. Этот методологический разрыв между тахрировцами и салафитами очень принципиален.

В упомянутой брошюре идеологи Кабардино-Балкарского джамаата Кудаяв и Астемиров подчеркивают, что «Хизбут-Тахрир» является исламской политической партией, призывающей к восстановлению исламского государства в форме халифата, и считающей, что изменить и повлиять на общество возможно только идеологической атакой, за которой последует идеологический, а затем и политический переворот». Они приходят к такому выводу: «Идеология и методы этой партии противоречат основам вероучения и методам «Ахлю-с-сунна уа-ль-джама'а»²⁹ (т.е. суннитов. — А.Я.).

Интересно, что, критикуя в брошюре организационную структуру партии, салафиты отмечали: «Области и регионы, в которых работает партия, они называют «уиляятами» (подвластная территория)³⁰. Однако, провозгласив в 2007 г. Кавказский эмират («Имарат Кавказ»), они назвали области и регионы, в которых «работают», также «вилаятами». Здесь, несомненно, сработало подсознательное стремление к глобальному исламскому «халифату», частицу которого здесь и сейчас они пытаются установить.

Третья серьезная на Северном Кавказе сила — суфии — также предполагают установить здесь исламские порядки. Как мы уже отметили, методы их подобны методам «Хизб ут-Тахрир»: суфии постепенно проникают в тело государства и общества, расставляя мюридов (учеников) шейхов на важных направлениях в политике и экономике. Однако появление такого сильного конкурента, как «Хизб ут-Тахрир», их явно не обрадует, поскольку идеология этой партии далека от суфийской. Сегодня суфии еще не осознали глубину опасности, исходящей от Партии исламского освобождения, и не предпринимают активного противодействия, но в будущем такая реакция практически неизбежна. Ведь «Хизб ут-Тахрир» предлагает региону, уставшему от идущей уже много лет вялотекущей гражданской войны, мирную альтернативу через просвещение и политическую деятельность.

Кроме того, они предлагают дагестанцам, привыкшим к методам суфиев, понятный им путь, однако призывают не инкорпорироваться в погрязшее в пороках общество, а начинать его исправлять через изменение сознания верующих мусульман. Получается некий срединный путь — критика, характерная салафитам, сохраняется, но при этом предлагается идти более цивилизованным путем, без взрывов, изоляции и насилия.

Тем не менее ячейки «Хизб ут-Тахрир» так и не стали массовыми на

Северном Кавказе вообще и в Дагестане в частности. Гораздо более успешным оказался проект «Кавказского эмирата». Среди мусульман Северного Кавказа в XIX — начале XX в. было распространено движение за имамат, который бы ограничивался местными географическими рамками. Следует отметить, что движение это обосновывало возможность существования локальных имамов при том, что большинство суннитов того времени признавало имамат османских султанов, принявших на себя звание халифов. Имамы Дагестана и Чечни пытались держать эти исламские территории в рамках «Дар уль-Ислам», «Обители ислама», пусть даже и не подчиненной непосредственно власти османского халифа.

Вообще с того момента, как исламский мир политически раздробился, жил одновременно при нескольких халифах, а затем и вовсе потерял олицетворявшего их единство халифа, мусульмане придумали множество самых разных форм политического устройства общества. Формально все властители, правившие после распада Арабского халифата, признавали суверенитет халифа. Особым рвением в превращении этого суверенитета в реальность они не отличались, но и в титулах бывали скромны. В подавляющем большинстве это бывали амиры (или амир аль-муминин, «повелитель правоверных»), которые правили эмиратами. Эмират в политическом сознании мусульман — это кирпичик, из которых сложен исламский мир, а в далеком будущем он сложится в единый халифат, который объединит исламскую умму.

Иными словами, государственные образования, населенные и управляемые мусульманами на основании шариата, формально могут считаться воплощенными на локальной территории «халифатами». Вспомним в этой связи имамов Чечни и Дагестана и воплотившийся затем в реальность и успешно противостоявший российской экспансии на Кавказе имамат Шамиля (1829–1859).

Неудивительно, что Северный Кавказ, обладающий огромным опытом строительства локального «халифата», вновь обратился к этой идее уже в начале XXI в. Идея построения исламского государства в 1990–2000-х гг. здесь так же, как и два века назад, оказалась тесно связана с идеей джихада. В частности, один из идеологов экстремистского крыла салафитов, Ясин Расулов, написал примечательную книгу «Джихад на Северном Кавказе: сторонники и противники»³¹, которая посвящена им обоснованию того, что суфии не имели никакого отношения к джихаду на Северном Кавказе, а салафизм вовсе не является чуждым для этого региона явлением³².

Новый кавказский джихад, начавшийся с борьбы за независимость Чечни, что понималось как чеченская независимость, стал постепенно переосмысливаться участниками сражений. Часть влиятельных ветеранов чеченских войн под влиянием исламских проповедников стала переосмысливать значение, цели и задачи своей борьбы. Наиболее примечательна в этом плане деятельность чеченского полевого командира Шамиля Басаева. Он в правительстве «Чеченской Республики Ичкерия» инициировал и осуществлял проект по выводу джихада за пределы Чечни и широкому привлечению других северокавказских народов к этой борьбе. В частности, он курировал ногайское направление, целенаправленно работая по наиболее бесправной их группе, проживающей на востоке Ставропольского края. Для их привлечения он устроил в Чечне так называемый «Ногайский округ», выделил ногайцам квоту для избрания в парламент Ичкерии. Этот опыт оказался очень успешным: благодарные ногайцы, в основном молодежь, создали весьма боеспособные группы, прославившиеся в боевых столкновениях.

Басаев стремился укрепить свой успех, работая сразу по нескольким направлениям, одним из важных среди

которых было Кабардино-Балкарское. К середине 2000-х гг. там сложился очень крепкий и сплоченный Кабардино-Балкарский джамаат. В этом направлении он работал точечно и также весьма эффективно. Басаеву удалось вступить в контакт с верхушкой джамаата, постепенно вовлекая их в орбиту сотрудничества. Переломным стал 2004 г., когда уставшие от попыток наладить легальную деятельность и тем самым оградить республики и мусульман от потрясений руководители решают присоединиться к вооруженному джихаду в Чечне. Анзор Астемиров в 2004 г. участвует в дерзком нападении на офис Госнарконтроля, добыв оружие для тех, кто был готов воевать.

Однако лидеры Кабардино-Балкарского джамаата понимали, что представляют весьма серьезную силу, и, скорее всего, не хотели присоединяться на правах «младших братьев». В результате их воздействия в руководстве Ичкерии зреет понимание того, что борьба за независимость одной только Чечни стала анахронизмом. Долгая переписка между Анзором Астемировым и чеченским лидером Доку Умаровым заканчивается тем, что последний принимает необходимость отказаться от идеи независимости чеченцев и бороться за независимость всего Кавказа, но под исламскими лозунгами.

Анзор Астемиров приводил простые и убедительные доводы, которые он черпал в Коране и сунне. Для Астемирова национализм является самой страшной бедой Кавказа. Он считает, что все народы региона должны быть объединены как мусульмане. А это возможно лишь в общем исламском государстве, которое будет управляться мусульманами и жить по шариату, исламскому закону.

Провозглашение Кавказского эмирата, или имарата Кавказ, состоялось в 2007 г. Официальный релиз заявления амира Доку Умарова был опубликован 25 рамадана 1428 г. (7 октября 2007 г.). Си-

дя под черным знаменем джихада, путаясь и сбиваясь, он говорит о том, что, отказавшись от борьбы за независимость Чечни, он объявляет о создании Кавказского эмирата, с указанием конкретных вилайатов нового государственного образования. Любопытно, что эмират видится им как ступень по пути к объединению мусульман. «Мы — неотъемлемая часть мусульманской уммы», — заявил Умаров.

Дальнейшие шаги по оформлению эмирата были достаточно серьезными. Окружение Умарова, в которое теперь попадает и Астемиров, формирует органы управления, среди которых одним из эффективно действующих становится шариатский суд (его возглавил Астемиров). Наиболее известным его решением стал приговор Закаеву, так и не приведенный в действие, но составленный по всем правилам шариата.

Эмират также занимается своими финансовыми делами. Его деятели облагают налогом бизнесменов, называя это не рэкетом, а закятот. Высчитывают имущество попавших в свое поле зрения бизнесменов и в письменной форме извещают, что они обязаны заплатить определенную сумму в виде закята (ставка этого исламского налога составляет 2,5% от средств владельца). Отказ со стороны бизнесменов чреват серьезными последствиями для их родственников, в отношении которых «налоговики» грозятся применить самые разные меры. Интересно, что эти бизнесмены могут работать на Кавказе, в Тюмени, в Москве; они оказываются вынуждены платить этот закят.

Всему этому дается исламское обоснование. Эмиратчики используют лазейки в исламском праве, которые позволяют им паразитировать на мусульманском религиозном налоге. Дело в том, что среди конкретных статей расхода, на которые могут тратиться средства закята, в Коране назван такой достаточно расплывчатый пункт, как «на пути Аллаха». Этот пункт по-разному трактуется мусульманскими богословами, но

наиболее распространенная интерпретация состоит в том, что данное положение означает вкладывание средств в проповедь ислама через финансирование мусульманских школ, издание книг и т.д. По словам же боевиков, они содержат в структурах «эмирата» шариатский суд, другие органы. Кроме того, поскольку, как они говорят, идет война, то значительная часть средств закята идет на войну³³.

Для понимания сути эмирата как определенного пункта на долгом пути к халифату, весьма показательной является развернувшаяся в Интернете дискуссия о государственном языке эмирата. Были споры о самых разных языках, в частности, о русском (который, кстати, де-факто и является «государственным» в эмирате, поскольку именно на нем был провозглашен сам эмират и выпускаются многочисленные заявления полевых командиров). Много было мнений относительно арабского и османского (турецкого). Те, кто выдвигал последний, говорили о том, что османский язык был языком последнего халифата, что очень примечательно. Пока эти дискуссии проходят в виртуальном пространстве виртуального эмирата, однако исламское поле Северного Кавказа все более и более принимает осязаемые очертания.

Список литературы

1. Алиев А.К., Арухов З.С., Ханбабаев К.М. Религиозно-политический экстремизм и этноконфессиональная толерантность на Северном Кавказе / А.К. Алиев, З.С. Арухов, К.М. Ханбабаев. М.: Наука, 2007. С. 112. [Aliev A.K., Arukhov Z.S., Khanbabaev K.M. Religiozno-politicheskij ekstremizm i etnokonfessional'naya tolerantnost' na Severnom Kavkaze. Moscow: Nauka, 2007. P. 112]
2. Юнусов А. Ислам в Азербайджане. Баку: Заман, 2004. С. 268. [Yunusov A. Islam v Azerbajidzhane. Baku: Zaman, 2004]
3. Хамдохова Ж. Кабардино-Балкария: «спящую красавицу» разбудили? // Северный Кавказ: взгляд изнутри. Вызовы и проблемы социально-политического развития. М.: Институт востоковедения РАН, 2012. С. 62. [Khamdokhova Zh. Kabardino-Balkaria: "spyaschuyu krasavitsu" razbudili? // Severnyj Kavkaz: vzglyad iznutri. Vyzovy i problem sotsial'no-politicheskogo razvitiya. Moscow: Institut vostokovedeniya RAN, 2012. P. 62]
4. Ярлыкапов А.А. Новое исламское движение на Северном Кавказе: взгляд этнографа // Расы и народы: современные этнические и расовые проблемы. Вып. 31. М.: Наука, 2006. С. 205–229 [Yarlykapova A.A. Novoe islamskoe dvizhenie na Severnom Kavkaze: vzglyad etnografa // Rasy i narodyu: sovremennyye etnicheskie i rasovyue problemyu. Vyup. 31. Moscow: Nauka, 2006. P. 205–229]; Shterin M., Yarlykapov A. Reconsidering Radicalisation and Terrorism: the New Muslims Movement in

Итоги

Таким образом, исламское поле Кавказа не представляет собой упрощенной черно-белой картины «официального» и «неофициального», «традиционного» и «нетрадиционного» ислама, к которой мы привыкли. Оно все больше напоминает пеструю мозаику разных направлений, толков, течений, интерпретаций, наконец. Ислам занимает все большее место в общественно-политической жизни республик Северного Кавказа, активно заполняя идеологический вакуум. Проблемные территории региона полны активных и тлеющих конфликтов, в которые ислам волей или неволей оказывается вовлечен. Самое главное — пора привыкать к этой вовлеченности ислама во многие конфликты, отдавая себе отчет, что часто ислам служит лишь знаменем, прикрывающим истинные причины конфликтов.

Перспективы политического ислама на Северном Кавказе вообще и в Дагестане в частности весьма туманны. Даже те, кто поддерживает идею введения шариата и построения Кавказского эмирата, как правило, совершенно не имеют представления о халифате. Поэтому официальная контрпропаганда, которая утверждает, что боевики на Северном Кавказе якобы воюют за установление здесь власти «всемирного» халифата, абсолютно не соответствует действительности.

- Kabardino-Balkaria and its Path to Violence. // Religion, State and Society. 2011. Vol. 39, Nos. 2/3. P. 303–325.
5. Gräf B., Skovgaard-Petersen J. (eds.). Global Mufti. The Phenomenon of Yusuf al-Qaradawi. Hurst & Company, London, 2009.
 6. Карпов Ю.Ю., Капустина Е.Л. Горцы после гор. Миграционные процессы в Дагестане в XX — начале XXI века: их социальные и этнокультурные последствия и перспективы. СПб. : Петербургское Востоковедение, 2011. С. 163–211; 348–408. [Karpov Yu. Yu., Kapustina E. L. Gortsy posle gor. Migratsionnyye protsessy v Dagestane v XX — nachale XXI veka: ikh sotsial'nie i etnokulturnyye posledstviya i perspektivy. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie, 2011. P. 163–211; 348–408]
 7. Артиста Бориса Моисеева не пустили в Махачкалу: обзор СМИ Дагестана. ИА Regnum. URL: <http://www.regnum.ru/allnews/256041.html/> (дата обращения: 5 ноября 2011 г.) [Artista Borisа Moiseeva ne pustili v Makhachkalu: obzor SMI Dagestana. IA Regnum. URL: <http://www.regnum.ru/allnews/256041.html/> (data obraschenia: November 5, 2011)]
 8. Ионов О. Директор школы в Махачкале стала жертвой наемных киллеров... Кавказский узел. URL: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/174704/> (дата обращения: 24 сентября 2010 г.) [Ionov O. Direktor shkoly v Makhachkale stala zhertvoj naemnykh killerov.. Kavkazskij uzел. URL: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/174704/>, data obraschenia September 24, 2010 г.]
 9. Малашенко А.В. Исламская альтернатива и исламистский проект. М., 2006. [Malashenko A.V. Islamskaya alternatica i islamistskij proekt. Moscow: 2006]; Игнатенко А.А. Ислам и политика. М. : ИРП, 2004. [Ignatenko A.A. Islam i politika. Moscow: IRP, 2004]; Нечитайло Д.А. Международный исламизм на Северном Кавказе. М., 2006. [Nechitaylo D.A. Mezhdunarodnyj Islamism na Severnom Kavkaze. Moscow: 2006]; Добаев И.П. Исламский радикализм: генезис, эволюция, практика. Ростов-на-Дону, 2003. [Dobaev I.P. Islamskij radikalizm: genesis, evolutsia, praktika. Rostov-na-Donu, 2003]; Knysh A. The Caucasus Emirate: Between Reality and Virtuality. Keyman Program in Turkish Studies. Working Paper Series. Working Paper No. 09-001. June 2009.
 10. «Хизб ут-Тахрир аль-Ислямий» (Партия Исламского освобождения) / пер. и подгот.: Кудяев Расул и Астемиров Анзор. Б.м., б.г. [Khizb ut-Takhrir al' Islyamij (Partiya Islamskogo osvobodzhdenia. translated and prepared by Kudayev Rasuland Astemirov Anzor)]
 11. Расулов Я. Джихад на Северном Кавказе: сторонники и противники. Б.м., б.г. 78 с. [Rasulov Ya. Jihad na Severnom Kavkaze: storonniki i protivniki.]
 12. Беккин Р. Исламская экономика — правда и вымыслы. Информационно-аналитический центр (дата публикации: 16.02.2010 г.). URL: <http://www.ia-centr.ru/expert/7226/> [Bekkin R. Islamskaya ekonomika — pravda i vymysly. Informatsionno-analiticheskij tsentr (data publikatsii: 16.02.2010). URL: <http://www.ia-centr.ru/expert/7226/>]
 13. Religion. Administrative Department of the President of the Republic of Azerbaijan. Presidential Library. URL: http://files.preslib.az/projects/remz/pdf_en/atr_din.pdf. P. 2.
 14. Kurbanov Ruslan. The information jihad of “Shariat” jamaat. Objectives, methods and achievements. In: Russia and Islam. State, society and radicalism. Ed. by Roland Dannreuther and Luke March. Routledge, 2010. P. 156.
 15. Galina Yemelianova. Divergent trends of Islamic radicalization in Muslim Russia // Russia and Islam. State, society and radicalism. Ed. by Roland Dannreuther and Luke March. Routledge, London and New York, 2010. P. 133–134.

¹ Алиев А.К., Арухов З.С., Ханбабаев К.М. Религиозно-политический экстремизм и этноконфессиональная толерантность на Северном Кавказе. М. : Наука, 2007. С. 112.

² Об этом процессе см., в частности: Юнусов А. Ислам в Азербайджане. Баку : Заман, 2004. С. 268.

³ Religion. Administrative Department of the President of the Republic of Azerbaijan. Presidential Library. URL: http://files.preslib.az/projects/remz/pdf_en/atr_din.pdf. P. 2.

⁴ О том, как в Дагестане происходил переход к сетевой форме активизма, см., в частности, на примере местного джихадистского джамаата «Шариат»: Kurbanov Ruslan. The information jihad of “Shariat” jamaat. Objectives, methods and achievements. In: Russia and Islam. State, society and radicalism / Ed. by Roland Dannreuther and Luke March. Routledge, 2010. P. 156.

⁵ Такая форма активизма способствует еще большему вовлечению молодежных джамаатов в орбиту «исламской глобализации». Среди молодых мусульман распространяются фетвы и суждения «электронных» муфтиев, которые концентрируют свою проповедь в глобальной сети, целенаправленно работая с аудиторией, имеющей доступ в Интернет. Часто эти проповеди и фетвы снабжаются английским переводом или даже изначально пишутся по-английски, что на данном

- этапе развития сети Интернет (различные службы перевода, в частности, «Гугл-переводчик») не является препятствием для русскоязычных мусульман.
- ⁶ Хамдочова Ж. Кабардино-Балкария: «спящую красавицу» разбудили? // Северный Кавказ: взгляд изнутри. Вызовы и проблемы социально-политического развития. М.: Институт востоковедения РАН, 2012. С. 62.
 - ⁷ Более подробно о том, как развивалась ситуация в Кабардино-Балкарии, см.: Ярлыкапов А.А. Новое исламское движение на Северном Кавказе: взгляд этнографа // Расы и народы: современные этнические и расовые проблемы. Вып. 31. М.: Наука, 2006. С. 205–229; Shterin M., Yarlykapov A. Reconsidering Radicalisation and Terrorism: the New Muslims Movement in Kabardino-Balkaria and its Path to Violence // Religion, State and Society. 2011. Vol. 39, Nos. 2/3. P. 303–325.
 - ⁸ Интервью с Махачем Мусаевым, зав. отделом востоковедения Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН (15 сентября 2011 г.).
 - ⁹ Интервью с Заидом Магомедовичем Абдулагатовым, зав. отделом социологии Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН (14 сентября 2011 г.).
 - ¹⁰ О том, как складывается феномен «муфтиев без границ», см. сборник статей, посвященных «всемирному» муфтию Юсуфу аль-Карадави: Gräf B., Skovgaard-Petersen J. (eds.). Global Mufti. The Phenomenon of Yusuf al-Qaradawi. Hurst & Company, London, 2009.
 - ¹¹ Интервью с Ш. Шихалиевым, зав. отделом восточных рукописей Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН (14 сентября 2011 г.); фокус-группа со студентами вузов г. Махачкалы (20 сентября 2011 г.).
 - ¹² Фокус-группа со студентами вузов г. Махачкалы (20 сентября 2011 г.).
 - ¹³ Там же.
 - ¹⁴ Интервью с Абасом Шапиевичем Ахмедуевым, главным научным сотрудником Института социально-экономических исследований ДНЦ РАН (16 сентября 2011 г.).
 - ¹⁵ Об этом подробнее см.: Карпов Ю.Ю., Капустина Е.Л. Горцы после гор. Миграционные процессы в Дагестане в XX — начале XXI века: их социальные и этнокультурные последствия и перспективы. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2011. С. 163–211; 348–408.
 - ¹⁶ Саид-афанди Чиркеевский (1937–2012) — суфийский шейх накшбандийского, кадирийского и шазилийского тарикатов, погибший от террористического акта в августе 2012 г. По оценкам, его последователями являются около 50% суфиев республики. Мюриды покойного Саида-афанди также контролируют Духовное управление мусульман Дагестана.
 - ¹⁷ Интервью с Ш. Шихалиевым, зав. отделом восточных рукописей Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН (14 сентября 2011 г.).
 - ¹⁸ Ахмадкади Ахтаев (1942–1998) — один из лидеров Исламской партии возрождения, был избран председателем Совета улемов и амиром партии в 1990 г. на первом съезде мусульман СССР в Астрахани. Ахтаев был известен как лидер умеренного крыла салафитского движения в Дагестане, выступал против такфира (обвинения в неверии), участвовал в общественно-политической жизни (в 1992 г. был избран в Верховный Совет Дагестана).
 - ¹⁹ Интервью с представителем салафитской общины города Махачкалы (аноним) (23 сентября 2011 г.).
 - ²⁰ Интервью с Заидом Магомедовичем Абдулагатовым, зав. отделом социологии Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН (14 сентября 2011 г.).
 - ²¹ Интервью с Рамазаном Шахбановичем Рамазановым, зам. муфтия Республики Дагестан по молодежным вопросам (21 сентября 2011 г.).
 - ²² Интервью с Ш. Шихалиевым, зав. отделом восточных рукописей Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН (14 сентября 2011 г.).
 - ²³ В 2000-е гг. были сорваны гастроли ряда российских эстрадных исполнителей, в частности, Бориса Моисеева. См., напр.: Артиста Бориса Моисеева не пустили в Махачкалу: обзор СМИ Дагестана. ИА Regnum. URL: <http://www.regnum.ru/allnews/256041.html/> (дата обращения: 5 ноября 2011 г.).
 - ²⁴ Ионов О. Директор школы в Махачкале стала жертвой наемных киллеров... Кавказский узел. URL: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/174704/> (дата обращения: 24 сентября 2010 г.).
 - ²⁵ Интервью с Муртазали Гаджиявовичем Якубовым, главным специалистом отдела взаимодействия с религиозными образовательными учреждениями и гуманитарного сотрудничества Управления по государственно-конфессиональным отношениям Министерства по национальной политике, делам религий и внешним связям Республики Дагестан (23 сентября 2011 г.).
 - ²⁶ Впрочем, вслед за властями такие штампы расходятся и по научным публикациям. Из последних см., напр.: Galina Yemelianova. Divergent trends of Islamic radicalization in Muslim Russia // Russia and

Islam. State, society and radicalism. Ed. by Roland Dannreuther and Luke March. Routledge, London and New York, 2010. P. 133–134.

- ²⁷ См., напр., их работы: Малашенко А.В. Исламская альтернатива и исламистский проект. М., 2006; Игнатенко А.А. Ислам и политика. М. : ИРП, 2004; Нечитайло Д.А. Международный исламизм на Северном Кавказе. М., 2006; Добаев И.П. Исламский радикализм: генезис, эволюция, практика. Ростов-на-Дону, 2003; Knysh A. The Caucasus Emirate: Between Reality and Virtuality. Keyman Program in Turkish Studies. Working Paper Series. Working Paper No. 09-001. June 2009.
- ²⁸ См., в частности, брошюру, которая распространялась среди членов Кабардино-Балкарского джамаата, а затем была также вывешена в Интернете: «Хизб ут-Тахрир» аль-Ислямий (Партия Исламского освобождения). Перевели и подготовили: Кудаев Расул и Астемиров Анзор. Б.м., б.г.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Расулов Я. Джихад на Северном Кавказе: сторонники и противники. Б.м., б.г. 78 с.
- ³² Там же. С. 67–68.
- ³³ Беккин Р. Исламская экономика — правда и вымыслы. Информационно-аналитический центр (дата публикации: 16.02.2010 г.). URL: <http://www.ia-centr.ru/expert/7226/>

НАШИ ПАРТНЕРЫ: INDIA CHRONICLE. A MONTHLY E-NEWSLETTER

Issue N° 065
JUN.2013

INDIAChronicle

A MONTHLY E-NEWSLETTER FROM THE EMBASSY OF INDIA IN MOSCOW

LOG ON TO OUR OFFICIAL WEBSITE @ www.indianembassy.ru

HIGHLIGHTS

Speech by H.E. Mr. Aja Malhotra, Ambassador of India, Commissioning Ceremony of INS Trikand at Kaliningrad

Page 2 >>

FEATURE

SEZs: Creating Infrastructure, Changing Landscape

Page 11 >>

INTERVIEW

Dr Paghunath Mashelkar, Global Techno-Leader

Page 12 >>

ANAND SHARMA CALLS FOR DEEPER ECONOMIC TIES WITH RUSSIA AT SPIEF

PIB, New Delhi, 22 June

Shri Anand Sharma, Minister of Commerce and Industry of India and His Mr Aja Malhotra, Ambassador of India at SPIEF 2013

Sheri Anand Sharma, Minister of Commerce and Industry, led an official delegation from 19 to 22 June, to the St Petersburg International Economic Forum (SPIEF) 2013 at the invitation of Mr Andrei Belousov, Minister of Economic Development of the Russian Federation.

The fourth India-Russia Business Dialogue was organised in the framework of SPIEF 2013, which was co-chaired by Mr Sharma and Mr Denis Manturov, Minister of Industry & Trade of the Russian Federation. The Business Dialogue was attended by many prominent Indian as well as Russian companies. Both the Ministers expressed satisfaction in the progress of bilateral trade and economic relations. Presentation on the Delhi Mumbai Industrial Corridor was made, highlighting the opportunities available for Russian companies in the infrastructure sector. Mr Sharma also mentioned that there is significant potential for co-operation in other areas such as aviation, power generation, energy, information technology, bio and nano

technologies, fertilizer, pharmaceuticals and chemicals, etc.

On the sidelines of SPIEF 2013, the Minister had useful meetings with Mr Viktor Khristenko, Chairman, Eurasian Economic Commission, and discussed the issue of a Comprehensive Economic Co-operation Agreement (CECA) between India and the Customs Union of Belarus, Kazakhstan and the Russian Federation. There was also a panel discussion on 'BRICS Partnership – The Potential and Limitations in Global Stewardship'

GOVERNMENT APPOINTS COUNCIL OF EXPERTS FOR FINANCIAL SECTOR

Moscow, 15 May

The Finance Ministry has constituted a standing council of experts to assess the international competitiveness of the Indian financial sector.

The council will be headed by the Secretary, Department of Economic Affairs. It will examine various monetary and non-monetary transaction costs or burden of doing business in the Indian market, and make recommendations for enhancing its competitiveness.

It will have the Chief Economic Adviser as alternate chairman and member. The council will also have Pritivi Haldia (Chairman, Prime Database), Madhav Dhar (Board Member, CII Group), Nachiket Mor (Chairman, CARE India), Sharmistha Banerji (ex-CEO, Boco and Company), Jhansuji Azis (JP Morgan), Ravi Narain (former MD & present Vice-Chairman, NSE), Vikram Gandhi (CEO, VSG Capital Advisors), Susan Thomas (Assistant Professor, IGIDR), Shubhashis Gangopadhyay (Director, India Development Foundation) and V Ravi Anshuman (IIM, Bangalore) as the members.

The council will look at issues relating to transacting business through Indian capital markets, including brokerage fee, applicable tax rates, documentation requirements etc, as against other competing destinations, and make recommendations aimed at achieving competitiveness.

The council has been asked to examine related policy or operating frameworks and the performance of various segments of the Indian capital market. It will make recommendations for improving their competitiveness and efficiency, meeting client

Continued on Page 2 >>

Pritivi Haldia, Chairman, Prime Database

COMPARATIVE POLITICS • 3 (13) / 2013

ЖУРНАЛУ «СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА» — ТРИ ГОДА

Главный редактор — А.Д. Воскресенский, д.полит.н., д. философии (Манчестерский ун-т), профессор

Alexei D. Voskressenski, Professor, Dr. Pol. Sc., PhD (University of Manchester), PhD (Institute of Far Eastern Studies)

ВОСКРЕСЕНСКИЙ АЛЕКСЕЙ ДМИТРИЕВИЧ — окончил Институт стран Азии и Африки при МГУ им. М.В. Ломоносова и Научно-лингвистический центр Сингапурского государственного университета. Работал в Институте стран Азии и Африки при МГУ им. М.В. Ломоносова, в системе Академии наук — с 1983 г. (Институт востоковедения, Институт Дальнего Востока РАН, а также по проектам РАН и РФНФ). С 1999 г. в МГИМО — заведующий и профессор кафедры востоковедения МГИМО — Университета МИД России, с января 2008 г. — декан факультета политологии МГИМО (У) МИД России, профессор кафедры востоковедения факультета международных отношений МГИМО.

Является сопредседателем учебно-методического совета по зарубежному регионоведению учебно-методического объединения вузов России по международным отношениям, членом Европейской ассоциации китаеведения, Всероссийского общества китаеведов, Российской ассоциации международных отношений и др., а также ряда диссертационных советов (МГИМО (У) МИД России, Институт США и Канады РАН). Председатель диссертационного совета МГИМО — Университета по политическим наукам. С 2010 г. — главный редактор журнала «Сравнительная политика». Лауреат премий Фонда содействия отечественной науки (2004), Российской ассоциации политической науки (2008) и национальной премии «Общественная мысль» (2011).

А.Д. Воскресенским опубликовано более 330 наименований авторских научно-исследовательских работ разных жанров, из которых 12 являются монографическими исследованиями, выдержавшими несколько изданий, как в России, так и за рубежом, а 20 — учебниками и учебно-методическими комплексами. Работы А.Д. Воскресенского издавались в России, США, КНР, Франции, Великобритании, Нидерландах, Бельгии, Японии, Республике Корея, Тайване и распространялись в 30 странах мира.

Заместитель главного редактора — О.В. Гаман-Голутвина, д.полит.н., проф.

Ответственный секретарь — Е.В. Колдунова, к.полит.н., доц.

Выпускающий редактор — И.Ю. Окунев, к.полит.н.

Обращение главного редактора

В России сегодня издается десяток журналов в области политологии, существует довольно много, около сотни, факультетов во всех ведущих университетах. Политологическая проблематика активно обсуждается и в России, и в мире; идет оживленная, глубокая и профессиональная дискуссия об общих и специфических закономерностях политического развития мира и их конкретных воплощениях в стратегиях странового, регионального и мирового развития. В рамках политологических исследований задача сравнения политического в разных культурных, политических, цивилизационных, этнических, конфессиональных средах важна и интересна, но русскоязычного научного журнала в области сравнительной политики до появления нашего журнала не было. Путь исследований с использованием сравнительных методов не сильно накатан и достаточно сложен. Непротоптанность пути делает исследование в этой области чрезвычайно увлекательным процессом, а постановка и решение проблем в сравнительной мировой и региональной перспективе — важным для российского интеллектуального сообщества. Дело в том, что задачи, стоящие перед модернизирующейся Россией, не уникальны. Другие страны обращались к ним раньше, правда, по-своему и в другой последовательности, т.е. пути решения этих не уникальных по отдельности проблем являются уникальными в совокупности для каждой страны из-за ее специфики. Какие страны и культуры в этом смысле все же являются уникальными? Корректна ли такая постановка вопроса? Что из опыта других стран может и должна использовать Россия? Как этот опыт применить, чтобы он работал во благо, а не во вред? С чем, в конечном счете, целесообразно сравнивать российский опыт и какие сравнения будут релевантными, научно корректными и могут практически использоваться, а не только служить украшениями теоретической науки?

Развитые страны Запада прошли путь модернизации и трансформации от традиционного к индустриальному обществу и завершили переход к постиндустриальному. Опыт стран Запада важен с точки зрения оценки конечного этапа пути, но конкретный путь его прохождения Западом другим странам, судя по всему, повторить не удастся из-за отличий в экономической и политической структурах. Не решен пока и вопрос о дальнейшем направлении мирового развития после прохождения этапа построения развитого демократического постиндустриального общества Западом, так как не ясно, как будут «подтягиваться» другие и как этот процесс повлияет на дальнейший вектор развития человечества. Некоторые некогда довольно отсталые страны, особенно страны Востока, который в целом вступил на путь осовременивания позже, чем Запад, все же сумели его догнать, наметив цель, но достигая ее другим путем, более коротким и лучше соответствующим национальной специфике. Некоторые же страны только начинают движение в этом направлении или же никак не могут даже подступиться к нему. Следовательно, существуют разные (успешные, проблемные или неуспешные) пути модернизации социально-экономической и социально-политической системы, которые приводят или не приводят к удачному завершению процесса осовременивания. Те страны, которые сумели найти свой путь, не равнозначный западному, то есть не равнозначный вестернизации, но и не отторгающий ее и учитывающий самый современный концептуальный опыт модернизации, сохранили свою культурно-цивилизационную специфику и самобытность, обогатив опыт мирового развития. Именно среди этой группы мы видим страны, которым удалось догнать Запад и даже в некоторых случаях скорректировать путь мирового развития. Как правило, это крупные страны, либо представляющие доста-

точно плотно спаянную цивилизационную группу.

Одновременно были и есть страны, которые объявили, что они пошли по пути копирования западного пути развития. Такое решение было связано с одновременным присоединением к западным финансовым структурам, военным союзам, блокам и сопровождалось в большинстве случаев массивной финансовой поддержкой и структурными реформами западного типа. Некоторые из таких стран также достигли существенных успехов в модернизации своих обществ. Но этот путь был открыт не для всех государств в силу как объективных, так и субъективных причин.

Не менее важен вопрос, касающийся самих наиболее развитых и продвинутых в области экономического и политического устройства стран: достигли ли они пика политико-экономического развития и все подтянутся к ним, и тогда... а что, собственно, будет тогда? Возможно ли всем странам мира достигнуть одинакового уровня политико-экономического развития, т.е. возможна ли очень высокая степень гомогенизации мирового пространства и на какой основе она будет происходить? Куда, собственно, двигаются наиболее развитые страны? Постиндустриальное общество в расколоте мире — это конечный пункт развития человечества? Какие пути преодоления этой расколотости мира возможны? Как не утратить целостность осмысления мира и его развития? Как подступиться методологически к проблеме дифференциации мирового пространства и что в конечном счете из этой дифференциации следует в ближайшее время? Особенно для России. Особенно в связи с ее обособленным местом в мировой системе отношений в последние сто лет. Особенно в связи с тем, что эту обособленность не удалось полностью преодолеть, а попытки заставить весь мир приспособиться к се-

бе не увенчались успехом и закончились кризисом в конце XX в., который так и не удастся полностью преодолеть.

Опыт модернизации разных типов чрезвычайно важен для России, которая, осознав в целом необходимость рационального и научного решения социально-политических проблем, отражением чего служит дискуссия о суверенной демократии, оптимальном экономическом и политическом устройстве нашего общества (спор об изменении конституции, третьем сроке для президента, продлении президентского срока и изменении партийной, а возможно, и политической системы), пока идет скорее путем интуитивного поиска, чем научного конструирования модели развития, ориентированной на осовременивание и одновременно плодотворно и рационально использующей как свой собственный культурно-исторический опыт, так и наработки других стран. Ясно также, что эта проблематика пока слабо дискутируется на страницах политологических журналов, так как требует глубоких научных политологических знаний предмета и глубокой научной дискуссии.

Сравнительный анализ политической реальности других стран может помочь обойти много ловушек на пути модернизации. Некоторые, к примеру, КНДР, изменив Конституцию, фактически осуществили «конституционный переворот», усилили военно-авторитарные методы правления и авторитарности страны, но не смогли в силу этого решить экономические проблемы. Другие (к примеру, Сингапур, Республика Корея, Китайская Республика на Тайване, Китайская Народная Республика) использовали модель просвещенного авторитаризма для укрепления конституционного либерализма, осовременивания и экономического прорыва. Наиболее успешные из них не только добились очень высоких экономических стандартов жизни, но и осуществили построение развитых плюралистических демократий, т.е. обеспе-

чили как материальное, так и духовное улучшение жизни своего населения.

Даже так называемый институт премничества, неконституционный и традиционалистский по своей сути, конкретными странами был использован по-разному: в Испании такой путь открыл дорогу к политической и экономической либерализации и построению полноценной демократии, в Северной Корее укрепил личную авторитарную власть, а в Китае обеспечил «политическую паузу» при переходе власти после смерти Мао Цзэдуна к Хуа Гофэну (знаменитое приписываемое Мао Цзэдуну высказывание: «Когда дело в твоих руках, я спокоен») и, в конечном счете, расчистил путь для возвращения на политический олимп Дэн Сяопина, который «открыл» страну (кайфан), начал ее интенсивно модернизировать, но при этом сохранил монополию КПК в политической жизни. На Тайване переход политической власти от Чан Кайши к его сыну Цзян Цзинго был осуществлен традиционно (фактически монархическим путем «от отца сыну»), но передавалась власть по-современному, в рамках Конституции Китайской Республики 1947 г. Пост премьер-министра Цзян Цзинго получил в 1972 г. за два года до смерти Чан Кайши, в год смерти президента Цзян Цзинго был избран председателем правящей партии Гоминьдан (ГМД), а пост президента страны получил только через два года после смерти Чан Кайши. Такой тип передачи власти обеспечил плавный отход от ультраправой модели и впоследствии открыл путь к построению на острове полноценной демократии с национальной спецификой, синтезирующий восточную специфику с западными политическими ценностями. Отдельный разговор и об эволюции экономически развитых плюралистических демократий, в которых (США, Великобритания, Франция, Испания и др.) политическая власть международным терроризмом была принуждена пересмо-

треть проблему полной открытости и политического плюрализма, введя определенные ограничения, но при этом все же не привела к полному пересмотру политических основ демократических режимов правления.

Для всех стран политический вектор модернизации связан с поиском адекватных путей социально-экономического и политического развития, сохранением культурной самобытности, самоидентификацией и одновременно с экономической стагнацией или же осуществлением модели догоняющего развития либо ускоренной модернизации, т.е. вектор и скорость модернизации связаны, в конечном счете, с адекватностью политической системы, конкретного политического режима, политических институтов для решения этой задачи, а также с адекватностью и качеством сравнительного анализа процессов, происходящих в мире. Конкретным историческим развитием, цивилизационными особенностями, спецификой политической культуры определяется специфика политических систем. Без изучения специфики политических процессов, политических систем и политической культуры невозможно составить адекватное представление о характере и сущности конкретной политической жизни стран. Понимание специфики политической культуры создает благоприятные условия для практического установления взаимовыгодных отношений с разными государствами, имеет оно и немаловажное значение для понимания путей исторической трансформации политических институтов самой России, т.е. эта проблематика имеет и теоретический, и вполне прикладной характер.

Адекватная адаптация мирового опыта и обогащение его отечественными исследовательскими разработками непосредственным образом связаны с методологическими дебатами в современной политологии, и прежде всего с обсуждением вопроса о соот-

ношении общих и специфических закономерностей при анализе конкретной международно-политической и политической реальности. То есть фактически речь идет о том, в какой степени на закономерности функционирования мировой социально-экономической и социально-политической системы влияют исторические, демографические, национальные, религиозные, экологические, политико-правовые, природно-ресурсные особенности, место и роль в международном разделении труда и системе (подсистемах) международных отношений. Эта проблематика — центральная для нашего журнала. Таким образом, не забывая об анализе общих закономерностей, мы пытаемся подступиться к выявлению региональной и страновой специфики, вычленив определенные модели базисной идеологии в отношении разных типов политических систем и политических процессов с точки зрения разной методологической перспективы.

Нам очевидно, что существует связь между глобальными, общими проблемами и новыми тенденциями, связанными с трансформационными региональными процессами (изменением силы, экономической мощи, конфессиональными конфликтами и проецированием цивилизационного и конфессионального влияния), которые влияют, а в некоторых случаях и переформируют глобальный уровень отношений и глобальные, общие закономерности эволюции политической проблематики. Повышение степени изменчивости макрорегионального (а следовательно, и мирового) политико-географического пространства привело к тому, что оно меняется в мире в целом (образование «Большой Европы», НАФТА, региональная интеграция в странах Латинской Америки, появление БРИКС и G-20, Транстихоокеанского пространства и Евроатлантического пространства безопасности).

Геополитическое изменение регионального пространства связано с транс-

формацией глобального лидерства и вызванных этим процессом региональных трансформаций и иницируется прежде всего глобальными игроками¹. Сравнительный анализ в этой сфере чрезвычайно важен, так как в современном мире пространство может стать проводником наднациональной идентичности и интеграционной политики или же дезинтеграционной (автаркической), национальной (националистической) политики и антиглобалистских решений, т.е. отграниченная ипостась мирового пространства — регион — может возникать как особая пространственно-временная конструкция, укрепляющая, ослабляющая или переформирующая мировой порядок, а варианты обоснования регионального пространства (в том числе геополитические/политические, геоэкономические/экономические и этноконфессиональные) — содержаться в концепциях суверенитета, безопасности, усилении или ослаблении этнического начала, проповедовании или низвержении религиозной/конфессиональной исключительности. При этом особая деликатность сегодняшнего момента состоит в том, что нынешнее противостояние различных цивилизационных мировосприятий и моделей политико-экономического устройства «может против воли его участников приобрести форму антагонизма между демократией и религией, демократией и местной традицией, демократией и естественным стремлением огромной части незападных ареалов мира жить согласно привычному укладу, продуманно и плавно изменяя его, но не позволяя ему полностью разрушиться»². Взаимодействие регионов Азии, Америки и Европы поддерживает наличие глобального уровня, однако этот же процесс указывает на утрату отдельными субъектами мировой политики возможности формулирования идеологизированной версии общих закономерностей. Поэтому мировое, региональное и фрагментиро-

ванное пространство можно рассматривать как зону согласованных измерений и зону разногласий. Это предопределило политический интерес, в том числе и нашего журнала, как к территориям, так и к пространственным связям, концептуализированным в различных проектах локальности, национального суверенитета, наднациональности, а в случае ЕС и постнациональности, сравнительный анализ которых представляет как научный, так и практический интерес.

В мире в целом, безусловно, возросла взаимозависимость государств и регионов, повысилась степень необходимости понимания общих закономерностей, адаптированных к конкретным условиям. В соответствии с этим новым качеством мировой процесс становится более субъектным, мировое пространство хотя и становится «плоским» (термин Томаса Фридмана) из-за процесса глобализации, но при этом остается дробным, а иногда и фрагментированным, т.е. пока не становится гомогенным, хотя общая степень его глобальности и повышается. Соответственно повышается и значимость сравнительных исследований и сравнительного анализа степени дифференцированности мирового пространства при общем росте его гомогенизации. Значимость анализа различий и сравнений — в осознании новой степени мироцелостности, от которого всего один шаг к дальнейшему укреплению мироцелостности, а значит и к повышению безопасности.

Сформулированные принципы определяют методологические позиции, которые лежат в основе отбора материалов для публикации в нашем журнале, теоретических и практических построений, выводов прикладного характера. В этой связи при отборе материалов редколлегия в каждом конкретном случае определяет следующие вопросы:

- каково соотношение системного анализа политических процессов с

компаративистским при исследовании общественно-политических явлений;

- как автор определяет сравнительный метод вообще, а также в широком и узком смысле в частности; как используются методологически корректные типы сравнений и соответственно какова абберация выводов при методологически неправильной постановке вопроса, как эта абберация может быть связана с проблематикой корректного компаративного политического анализа;

- в чем смысл «пространственного» изложения материала в связи с региональной спецификой и каким образом пространственно (т.е. «спатильно», используя политологический термин) корректно анализировать материал;

- как в этой связи определять соотношение общих и специфических (региональных / страновых) закономерностей в рамках системно-сравнительного подхода и какова может быть связь соотношения общего и специфического в проблематике политического, соответственно каково влияние этого соотношения на результаты и скорость модернизационных процессов;

- как конкретно формулировать специфику конкретных обществ и явлений;

- каким образом углубить понимание механизмов функционирования политических систем разных типов и какова степень практической применимости при методологической корректности подобного понимания;

- как проведено системное сравнение различных политических систем, расположенных в различных пространственных («спатильных») системах координат, несхожих в реальной жизни, особенно политических систем разных типов (западных и незападных), не подвергая себя опасности или соблазну предвзятости в отношении политической системы какого-либо одного типа?

При определении этих вопросов парадоксальной по содержанию и одно-

временно банальной по форме является мысль о том, что от того пути, который выберет Россия, в значительной степени зависит вектор политического развития нашего мира. Ответ на вопрос, будет ли мир основан на диалоге разных цивилизаций и религий в едином потоке движения к гармоничному плюралистическому многомерному и одновременно целостному будущему либо возобладает тенденция к одномерной унификации в рамках одноплоскостного биполярного развития авторитарного типа, и должен дать в конечном счете сравнительный ана-

лиз политического в нашем журнале. Мы стремимся к тому, чтобы журнал «Сравнительная политика» стал площадкой для научной дискуссии по всем этим обозначенным вопросам. Редколлегия надеется, что публикуемые в журнале материалы и статьи помогут и научному сообществу, и политикам ответить на вопросы, встающие перед современной Россией, в сравнительной перспективе и выработать ответы, адекватные формирующимся национальным интересам нашей страны.

А.Д. Воскресенский

- ¹ Подробнее аргументацию см. в кн.: Воскресенский А.Д. «Большая Восточная Азия»: мировая политика и энергетическая безопасность. М.: Ленланд, 2006. Раздел «Структурный анализ проблем мировой политики в контексте дискуссии о глобальном лидерстве». С. 10–23.
- ² Торкунов А.В. Российская модель демократии и современное глобальное управление // Международные процессы. 2006. Т. 4. № 1. С. 21.

ПЕРЕЧЕНЬ ПУБЛИКАЦИЙ В ЖУРНАЛЕ

10 лет магистерской программе «Политика и экономика регионов мира» // Сравнительная политика. 2012. № 3 (9). С. 191–193.

VI Всероссийский конгресс политологов, 12–13 ноября 2012 г., МГИМО (У) МИД России // Сравнительная политика. 2013. № 1 (1). С. 103–107.

Аватков В.А., Доманов А.О. Военно-политические отношения в треугольнике США — Турция — Франция: 2009–2012 гг. / В.А. Аватков, А.О. Доманов // Сравнительная политика. 2013. № 1 (1). С. 64–72.

Акматалиева А.М. «Цветные революции» и парламентаризм в контексте процессов демократизации на постсоветском пространстве / А.М. Акматалиева // Сравнительная политика. 2013. № 1 (1). С. 36–39.

Акматалиева А.М. НАТО и государства Центральноазиатского региона: перспективы сотрудничества / А.М. Акматалиева // Сравнительная политика. 2012. № 4(10). С. 32–35.

Алаев Л.Б. Две новейшие концепции истории Востока и мира (О.Е. Непомнин versus Л.С. Васильев) / Л.Б. Алаев // Сравнительная политика. 2012. № 1 (7). С. 67–82.

Алексеева Т.А. «Неолиберальное государство» в контексте глобализации / Т.А. Алексеева // Сравнительная политика. 2011. № 2 (4). С. 44–56.

Алпатов В.М. Лингвистический и политологический анализ: сравнительные аспекты / В.М. Алпатов // Сравнительная политика. 2012. № 1 (7). С. 47–68.

Аптеева О.В. Сравнительный анализ идей чучхе и сонгун в конструировании идеологии военного социализма в КНДР / О.В. Аптеева // Сравнительная политика. 2010. № 1. С. 225–230.

Байков А.А. Формы интеграционных взаимодействий в Восточной Азии: опыт проверки Европейским Союзом / А.А. Байков // Сравнительная политика. 2010. № 1. С. 166–187.

Барина Д.С. Асимметрия виртуального политического пространства. Результаты сравнительного анализа данных 225 национальных доменов Интернета / Д.С. Барина // Сравнительная политика. 2011. № 4 (6). С. 13–18.

Бармин В.А. Политика выбора: взаимоотношения Советского Союза и Синьцзяна после самороспуска Восточно-Туркестанской республики (1946–1947 гг.) / В.А. Бармин // Сравнительная политика. 2011. № 4 (6). С. 89–97.

Белокреницкий В.Я. Становление и роль гражданского общества в Пакистане (сравнительный анализ дефиниций, тенденций и перспектив) / В.Я. Белокреницкий // Сравнительная политика. 2013. № 1 (1). С. 23–35.

Бозоки А. Популизм как дискурс венгерских элит / А. Бозоки // Сравнительная политика. 2012. № 3 (9). С. 162–184.

Большаков А.Г. Россия в поиске оптимальной модели постсоветской интеграции: станет ли 2012 г. переломным? / А.Г. Большаков // Сравнительная политика. 2012. № 3 (9). С. 85–98.

Веретевская А.В. Проблемы европейского мультикультурализма / А.В. Веретевская // Сравнительная политика. 2011. № 3 (5). С. 114–123.

Виноградов А.В. Китайская модернизация в сравнительной перспективе / А.В. Виноградов // Сравнительная политика. 2010. № 1. С. 104–120.

Виноградова А.А. Межпарламентские институты: критерии, классификации, сравнительный анализ / А.А. Виноградова // Сравнительная политика. 2011. № 4 (6). С. 3–12.

Волахав Л. Самоидентификация белорусов в контексте цивилизационного пограничья / Л. Волахав // Сравнительная политика. 2013. № 1 (11). С. 4–22.

Воскресенский А.Д. Концепции регионализации, региональных подсистем, региональных комплексов и региональных трансформаций в современных международных отношениях / А.Д. Воскресенский // Сравнительная политика. 2012. № 2(8). С. 30–58.

Воскресенский А.Д. Мировой финансово-экономический кризис и его влияние на развитие отношений в треугольнике Китай — США — Россия / А.Д. Воскресенский // Сравнительная политика. 2011. № 1 (3). С. 70–88.

Воскресенский А.Д. Общие закономерности, региональная специфика и концепция незападной демократии / А.Д. Воскресенский // Сравнительная политика. 2011. № 1 (3). С. 44–69.

Воскресенский А.Д. Слово главного редактора / А.Д. Воскресенский // Сравнительная политика. 2010. № 1. С. 3–12.

Воскресенский А.Д. Социальные порядки и политический анализ региональных процессов / А.Д. Воскресенский // Сравнительная политика. 2012. № 1 (7). С. 96–109.

Восток в эпицентре мировых экологических, демографических и энергетических проблем // Сравнительная политика. 2010. № 2. С. 64–71.

Восток и проблемы глобальной и региональной безопасности // Сравнительная политика. 2010. № 2. С. 50–56.

Гаман-Голутвина О.В. Проблемы повышения эффективности государственного управления в Российской Федерации / О.В. Гаман-Голутвина // Сравнительная политика. 2011. № 3 (5). С. 50–64.

Громыко Ал.А. Изменяющаяся геометрия полицентричности / Ал.А. Громыко // Сравнительная политика. 2012. № 2 (8). С. 59–72.

Демидов П.А. Государство и корпорация в создании и накоплении социального капитала / П.А. Демидов // Сравнительная политика. 2011. № 2 (4). С. 14–19.

Дискин И.Е. Российская модернизация и новая глобальная диспозиция / И.Е. Дискин // Сравнительная политика. 2012. № 2 (8). С. 105–111.

Ермолин И.В. Влияние «внешних пертурбаций» на процесс формирования, структурирования и адаптации коалиций акторов датской и шведской политических подсистем координации вопросов ЕС / И.В. Ермолин // Сравнительная политика. 2011. № 1 (3). С. 19–32.

Жигжитов С.В. К вопросу о государственной состоятельности: основные подходы к концептуализации / С.В. Жигжитов // Сравнительная политика. 2011. № 3 (5). С. 6–10.

Журавлев Д.А. Сравнительный анализ коммуникативных стратегий террористов / Д.А. Журавлев // Сравнительная политика. 2011. № 1 (3). С. 89–98.

Журнал «Дипломатия» Министерства иностранных дел Болгарии // Сравнительная политика. 2013. № 1 (11). С. 112–113.

Зародов И.А. Сравнительный анализ внешнеполитических подходов: китайское участие в миротворческих операциях ООН (1981–2012 гг.) / И.А. Зародов // Сравнительная политика. 2013. № 1 (1). С. 98–102.

Заседание Государственного Совета РФ по вопросам развития политической системы. Стенограмма // Сравнительная политика. 2010. № 1. С. 13–49.

Зиглер Ч. Сравнительный анализ восприятий суверенитета в США, Китае и России / Ч. Зиглер // Сравнительная политика. 2012. № 1 (7). С. 3–22.

Зонова Т.В. «Светские религии» и дипломатическая концепция баланса сил / Т.В. Зонова // Сравнительная политика. 2011. № 4 (6). С. 45–49.

Зонова Т.В. Христианские мыслители Запада о «холодной войне», тоталитаризме, коммунизме и пр.: сравнительный анализ концепций Райнхольда Нибура и Джорджо Ла Пира / Т.В. Зонова // Сравнительная политика. 2012. № 4 (10). С. 4–11.

Ивасита А. Пограничный вопрос в Евразии. Сравнительный анализ центральноазиатского, российско-китайского и российско-японского опыта / А. Ивасита // Сравнительная политика. 2010. № 1. С. 130–143.

Игнатова А.М. Государственная политика в области инноваций / А.М. Игнатова // Сравнительная политика. 2011. № 3 (5). С. 65–75.

Ильин М.В. Альтернативные формы суверенной государственности / М.В. Ильин // Сравнительная политика. 2011. № 3 (5). С. 11–19.

Ильин М.В. Пределы государственной состоятельности стран мира / М.В. Ильин // Сравнительная политика. 2011. № 3 (5). С. 37–45.

Ильина Н.Б. Особенности развития Российского государства: проблемы и тенденции / Н.Б. Ильина // Сравнительная политика. 2011. № 2 (4). С. 66–76.

Интервью главного редактора журнала «Сравнительная политика» А.Д. Воскресенского с директором Института демократии и сотрудничества (Нью-Йорк) А.М. Миграяном // Сравнительная политика. 2012. № 1 (7). С. 27–32.

Интервью с деканом факультета политологии МГИМО (У) МИД России А.Д. Воскресенским о магистерской программе «Политическая экспертиза» // Сравнительная политика. 2012. № 2 (8). С. 64–72.

Кабат-Рудницка Д. Европейский союз в свете сравнительной политики / Д. Кабат-Рудницка // Сравнительная политика. 2012. № 1 (7). С. 133–139.

Като М. Российская многосторонняя дипломатия в системе Азиатско-Тихоокеанской региональной интеграции / М. Като // Сравнительная политика. 2010. № 1. С. 187–208.

Колдунова Е.В. Сфера информационных технологий в странах Восточной Азии как фактор экономического развития и модернизации: сравнительный анализ государственных стратегий / Е.В. Колдунова // Сравнительная политика. 2012. № 1 (7). С. 133–139.

Козлова И.А. Феномен современной российской бюрократии / И.А. Козлова // Сравнительная политика. 2011. № 2 (4). С. 77–89.

Косолапов Н.К. Государство как корпорация и корпорация как государство: продукт глобализации или новая феноменология? / Н.К. Косолапов // Сравнительная политика. 2011. № 2 (4). С. 19–37.

Котта М. Политические элиты и становление политической системы на примере ЕС / М. Котта // Сравнительная политика. 2012. № 3 (9). С. 24–45.

Котта М. Сложная составная модель гражданства? Европейское гражданство в глазах национальных элит / М. Котта // Сравнительная политика. 2010. № 1. С. 209–224.

Кременюк В.А. «Чем дальше в лес...»: нарастание неравномерности в треугольнике США — Китай — Россия / В.А. Кременюк // Сравнительная политика. 2012. № 4 (10). С. 36–46.

Крылов И.С. Сравнительный анализ основных механизмов регулирования глобальных экономических процессов / И.С. Крылов // Сравнительная политика. 2012. № 3 (9). С. 66–84.

Кудряшова И.В. Государственная состоятельность как критерий легитимации новых государств / И.В. Кудряшова // Сравнительная политика. 2011. № 3 (5). С. 20–36.

Лалетин Ю.П. Трансафганский газопровод как фактор интеграции Афганистана в Большую Восточную Азию: сравнительный анализ аргументов pro et contra / Ю.П. Лалетин // Сравнительная политика. 2010. № 1. С. 144–165.

Лебедева М.М. Современные государства в политической системе мира / М.М. Лебедева // Сравнительная политика. 2011. № 4 (6). С. 19–26.

Ледяев В.Г. Сравнительные исследования власти в городских сообществах разных стран: проект Делберта Миллера / В.Г. Ледяев // Сравнительная политика. 2010. № 1. С. 73–90.

Ли Син. Усиление роли G-20: трансформация мирового порядка и внешняя политика Китая / Син Ли // Сравнительная политика. 2012. № 1 (7). С. 23–26.

Лукин А.В. О некоторых проблемах сравнительных исследований политических систем КНР и СССР / А.В. Лукин // Сравнительная политика. 2011. № 1 (3). С. 3–18.

Лунев С.И. Индия как один из новых центров глобального влияния / С.И. Лунев // Сравнительная политика. 2012. № 2 (8). С. 90–104.

Лунев С.И. Политическая мысль и модернизация на Востоке / С.И. Лунев // Сравнительная политика. 2012. № 1 (7). С. 83–95.

Магистерская программа «Политическая экспертиза» // Сравнительная политика. 2012. № 3 (9). С. 185–187.

Магистерская программа «Politics and Economics in Eurasia» МГИМО (У) МИД России // Сравнительная политика. 2012. № 1 (7). С. 155–156.

Магистерская программа по зарубежному регионоведению МГИМО (У) МИД России // Сравнительная политика. 2012. № 1 (7). С. 156–165.

Магистерская программа «Международная политика и транснациональный бизнес» МГИМО (У) МИД России // Сравнительная политика. 2012. № 1 (7). С. 165–166.

Макаренко Б.И. Неокорпоративизм в современной России / Б.И. Макаренко // Сравнительная политика. 2011. № 2 (4). С. 90–96.

Макаренко Б.И. Российская модернизация: целеполагание в сфере политики / Б.И. Макаренко // Сравнительная политика. 2010. № 1. С. 91–103.

Мальцев А.Е. Особенности положения Центральной Азии в мировой политике / А.Е. Мальцев // Сравнительная политика. 2012. № 4 (10). С. 17–31.

Маузуто К. Сравнительный анализ типологии управления мусульманами в неарабских перифериях: Турция, Россия, Индия, Китай / К. Маузуто // Сравнительная политика. 2012. № 4 (10). С. 58–71.

Межцивилизационные конфликты, сепаратизм, терроризм и этноконфессиональные конфликты // Сравнительная политика. 2010. № 2. С. 57–63.

Мелешкина Е.Ю. Государственная состоятельность постсоветских территориальных полities / Е.Ю. Мелешкина // Сравнительная политика. 2012. № 1 (7). С. 118–132.

Мясников В.С. Япония: попытки продолжения холодной войны против России. Читая книгу А.А. Кошкина «Россия и Япония: узлы противоречий» / В.С. Мясников // Сравнительная политика. 2013. № 1 (1). С. 40–63.

Никифоров Н.В. Количественные параметры и сравнительный анализ тенденций высшего образования Латвии, Литвы и Эстонии / Н.В. Никифоров // Сравнительная политика. 2011. № 1 (3). С. 99–123.

Новикова Д.О. Государство, легитимное насилие и деятельность частных военно-охранных компаний в современном мире / Д.О. Новикова // Сравнительная политика. 2011. № 3 (5). С. 76–85.

Новые измерения отношений Север — Юг: Восток в современной мировой системе // Сравнительная политика. 2010. № 2. С. 44–49.

Общественная дипломатия. Программа курса повышения квалификации на базе факультета политологии МГИМО (У) МИД России // Сравнительная политика. 2012. № 4 (10). С. 74–79.

Пантин В.И. Государства, корпорации и проблемы политического развития в современном мире / В.И. Пантин // Сравнительная политика. 2011. № 2 (4). С. 38–43.

Пономарева Е.Г. Государства, корпорации и неолиберализм / Е.Г. Пономарева // Сравнительная политика. 2011. № 2 (4). С. 62–65.

Пономарева Е.Г. Параметры государственной состоятельности: Босния и Герцеговина / Е.Г. Пономарева // Сравнительная политика. 2011. № 3 (5). С. 86–95.

Портяков В.Я. Видение многополярности в России и Китае и международные вызовы / В.Я. Портяков // Сравнительная политика. 2013. № 1 (1). С. 4–29.

Предмет и метод политической компаративистики в мировом комплексном регионоведении и сравнительной политологии // Сравнительная политика. 2010. № 2. С. 6–7.

Проблема пространственной (спатальной) подачи материала в рамках мирового комплексного регионоведения и политической компаративистики // Сравнительная политика. 2010. № 2. С. 7–8.

Продолжение обсуждения книги «Восток и политика» (начало — в № 1, 2012) // Сравнительная политика. 2012. № 3 (9). С. 194–199.

Процесс экономической интеграции в Восточной Азии // Сравнительная политика. 2010. № 2. С. 79–86.

Пшеворски А. Демократия в российском зеркале. Предисловие к книге / А. Пшеворски // Сравнительная политика. 2012. № 1 (7). С. 33–46.

Рабочая программа курса «Восток в мировой политике» // Сравнительная политика. 2010. № 2. С. 87–106.

Реликтовый феномен конфликтогенного комплекса международных связей в регионе Восточной Азии // Сравнительная политика. 2010. № 2. С. 72–78.

Розенвалдс Ю. Проблема (де)герметизации политической элиты Латвии и Эстонии: перспективы русскоязычного меньшинства / Ю. Розенвалдс // Сравнительная политика. 2012. № 3 (9). С. 149–161.

Роль стран Востока в международных отношениях периода холодной войны // Сравнительная политика. 2010. № 2. С. 31–36.

Росенко С.И. Сравнительный анализ социальной дифференциации в современном мире на примере США и России / С.И. Росенко // Сравнительная политика. 2012. № 2 (8). С. 142–147.

Рост значения стран Востока в системе международных отношений после окончания холодной войны // Сравнительная политика. 2010. № 2. С. 37–43.

Рост международно-политического значения Азии и Африки на завершающих этапах колониальной эпохи // Сравнительная политика. 2010. № 2. С. 24–30.

Русакова Т.Ю. Сравнительный анализ социальной политики У. Чавеса (2007–2011) / Т.Ю. Русакова // Сравнительная политика. 2012. № 2 (8). С. 130–141.

Руус Ю. Элиты этнических меньшинств в посткоммунистических странах: случай Эстонии / Ю. Руус // Сравнительная политика. 2012. № 3 (9). С. 99–125.

Савкович Е.В. Новые направления взаимодействия КНР и стран Центральной Азии в конце первого десятилетия 2000-х гг. / Е.В. Савкович // Сравнительная политика. 2011. № 4 (6). С. 75–88.

Савкович Е.В., Данков А.Г. Развитие транспорта в Китае и Центральной Азии в контексте формирования трансевразийских транспортных коридоров / Е.В. Савкович, А.Г. Данков // Сравнительная политика. 2011. № 4 (6). С. 98–108.

Сергеев В.М. Проблема состоятельности государства / В.М. Сергеев // Сравнительная политика. 2011. № 3 (5). С. 46–49.

Соловей В.Д. «Цветные революции» и Россия / В.Д. Соловей // Сравнительная политика. 2011. № 1 (3). С. 33–43.

Соловей В.Д. Мифы о России vs реальность / В.Д. Соловей // Сравнительная политика. 2012. № 1 (7). С. 110–117.

Соловьев Э.Г. Бизнес и власть в России: от конфликта к консенсусу? / Э.Г. Соловьев // Сравнительная политика. 2011. № 2 (4). С. 97–103.

Специфика социально-политических процессов на Западе и Востоке в мировом комплексном регионоведении и сравнительной политологии // Сравнительная политика. 2010. № 2. С. 9–17.

Становление востоковедения как научной дисциплины в России и за рубежом: эволюция методологических подходов // Сравнительная политика. 2010. № 2. С. 3–5.

Страны традиционного Востока в международных отношениях в колониальную эпоху // Сравнительная политика. 2010. № 2. С. 18–23.

Судаков С.С. Политика США в строительстве национальных государств // Сравнительная политика. 2011. № 3 (5). С. 96–113.

Сушенцов А.А. Международные последствия распада СССР: исследовательский угол зрения / А.А. Сушенцов // Сравнительная политика. 2012. № 4 (10). С. 12–16.

Тимофеев И.Н. Формализованные методы исследования в политологии и сравнительной политике: перспективы политологической школы МГИМО / И.Н. Тимофеев // Сравнительная политика. 2010. № 1. С. 121–129.

Триведи Р. Нетрадиционные угрозы безопасности в Центральной Азии с точки зрения сравнительной региональной перспективы / Р. Триведи // Сравнительная политика. 2011. № 4(6). С. 109–123.

Троицкий Е.Ф. Политика США в Центральной Азии: сравнительный анализ подходов второй администрации Дж. Буша (2005–2009 гг.) и Б. Обамы (2009–2010 гг.) / Е.Ф. Троицкий // Сравнительная политика. 2011. № 4 (6). С. 65–74.

Трофимова И.Н. Децентрализация государственного управления и особенности центр-локальных отношений в европейских странах / И.Н. Трофимова // Сравнительная политика. 2011. № 4 (6). С. 35–44.

Факультет политологии МГИМО (У) МИД России // Сравнительная политика. 2012. № 1 (7). С. 152–155.

Федотова Л.Н. Результаты выборов в Госдуму — 2011: социологический анализ / Л.Н. Федотова // Сравнительная политика. 2012. № 2 (8). С. 112–129.

Фельдман Д.М. Государство в сети международно-политического взаимодействия / Д.М. Фельдман // Сравнительная политика. 2011. № 4 (6). С. 27–34.

Фэнъюнь Ху. Политическая модель и геополитическая слабость Тайваня: отношения между сторонами Тайваньского пролива, китайско-российские отношения и ШОС / Ху Фэнъюнь // Сравнительная политика. 2012. № 4 (10). С. 47–57.

Хатояма К. Сравнительный анализ токийского и московского опыта по улучшению ситуации с дорожными пробками в Москве: взгляд из Москвы и Токио / К. Хатояма // Сравнительная политика. 2011. № 1 (3). С. 124–143.

Хенкин С.М. Корпорации: противоречивая политическая роль / С.М. Хенкин // Сравнительная политика. 2011. № 2 (4). С. 57–61.

Хенкин С.М. Национальное государство и самоидентификация европейцев / С.М. Хенкин // Сравнительная политика. 2011. № 3 (5). С. 3–5.

Хигли Дж. Революционные элиты / Дж. Хигли // Сравнительная политика. 2012. № 2 (8). С. 4–29.

Хигли Дж. Элиты, массовые группы и пределы политики: методология и практика сравнительного анализа / Дж. Хигли // Сравнительная политика. 2010. № 1. С. 50–72.

Хоффман-Ланге У. Ценностные ориентации и поддержка демократии среди элитных и массовых групп в новых и старых демократиях / У. Хоффман-Ланге // Сравнительная политика. 2012. № 3 (9). С. 4–23.

Чанышев А.А. Проект «замкнутого торгового государства» И. Г. Фихте и противоречия современной эпохи» / А.А. Чанышев // Сравнительная политика. 2011. № 2 (4). С. 3–13.

Юбилей: десять номеров и три года жизни журнала «Сравнительная политика» // Сравнительная политика. 2012. № 4 (10). С. 86–105.

Юн С.М. Сравнительный анализ политики Германии, Великобритании и Франции в Центральной Азии / С.М. Юн // Сравнительная политика. 2011. № 4 (6). С. 50–64.

Якунин В.И. Политическая динамика ЕС и российско-американский ракурс / В.И. Якунин // Сравнительная политика. 2012. № 2 (8). С. 73–89.

Якунин В.И. Политическая и экономическая конкурентоспособность Европы и России: возможности синергии / В.И. Якунин // Сравнительная политика. 2013. № 1 (1). С. 73–85.

10th Anniversary of Master's Programme "Politics and Economy of World Regions" (MGIMO–University) // Comparative Politics. 2012. № 3 (9). P. 191–193.

Akmatalieva Aynura. Color Revolutions and Parliamentarism in the Context of Democratization on Post–Soviet Space. // Comparative Politics. 2013. № 1 (11). P. 36–39.

Akmataliyeva Aynura. NATO and Central Asian States: The Prospects of Cooperation // Comparative Politics. 2012. № 4 (10). P. 32–35.

Alaev Leonid. Two Newest Concepts of Oriental and World History (O.E. Nepomnin versus L.S. Vasiliev) // Comparative Politics. 2012. № 1 (7). P. 67–82

Alexeyeva Tatyana. «Neoliberal State» in the Globalization Context // Comparative Politics. 2011. № 2 (4). P. 44–56.

Alpatov Vladimir. Linguistic and Political Analysis: Comparative Aspects // Comparative Politics. 2012. № 1 (7). P. 47–66

Aptejeva Oxana. The Construction of Military Socialism Ideology in DPRK: A Comparative Analysis of "Juche" and "Songun" Ideas // Comparative Politics. 2010. № 1. P. 225–230.

Archaic Conflict International Interactions in East Asia // Comparative Politics. 2010. № 2. P. 72–78.

Asia and Africa and the Issues of Global and Regional Security // Comparative Politics. 2010. № 2. P. 50–56.

Asia and Africa in International Relations of the “Cold War” Period // Comparative Politics. 2010. № 2. P. 31–36.

Asia and Africa in the Centre of World Environmental, Demographic and Energy Problems // Comparative Politics. 2010. № 2. P. 64–71.

Asian and African Studies in Russia and Abroad: An Evolution of Methodological Approaches // Comparative Politics. 2010. № 2. P. 3–5.

Avatkov V.A., Domanov A.O. War and political relations in triangle US–Turkey–France: 2009–2012 // Comparative Politics. 2013. № 1 (11). P. 64–72.

Barinova Daria. The Asymmetry of Virtual Political Space. The Comparative Analysis of 225 National Internet Domains // Comparative Politics. 2011. № 4 (6). P. 13–18.

Barmin Valery. The Policy of Choice: the USSR and Xinjiang after East Turkestan Republic’s Self-Dissolution (1946–1947) // Comparative Politics. 2011. № 4 (6). P. 89–97.

Baykov Andrey. The Forms of Integration in East Asia: A Test by the European Union Experience // Comparative Politics. 2010. № 1. P. 166–187.

Belokrenitskiy V.Ya. The Rise of Civil Society in Pakistan and its Role (Definitions, Tendencies, Perspectives) // Comparative Politics. 2013. № 1 (11). P. 23–35.

Bolshakov A.G. Russia in a Search of Optimal Strategy for Post–Soviet Integration: Will the Year 2012 be a Turning Point? // Comparative Politics. 2012. № 3 (9). P. 66–84.

Bozóki András. Populism as a Discourse of Hungarian Elites // Comparative Politics. 2012. № 3 (9). P. 162–184.

Chanyshev Alexander. The “Closed Commercial State” Project by J.G. Fichte and the Contradictions of the “Contemporary Epoch” // Comparative Politics. 2011. № 2 (4). P. 3–13.

Cotta Maurizio. A Complex Composite Model of Citizenship? National Elites Views on European Citizenship // Comparative Politics. 2010. № 1. P. 209–224.

Cotta Maurizio. Political Elites and a Polity in the Making: The Case of EU // Comparative Politics. 2012. № 3 (9). P. 24–45.

Demidov Pavel. The State and Corporation in Creating and Building Up Social Capital // Comparative Politics. 2011. № 2 (4). P. 14–19.

Diskin Iosif. Russian Modernisation and New Global Disposition // Comparative Politics. 2012. № 2 (8). P. 105–111.

Economic Integration in East Asia // Comparative Politics. 2010. № 2. P. 79–86.

Fedotova Larisa. Results of 2011 State Duma Elections: Sociological Analysis // Comparative Politics. 2012. № 2 (8). P. 112–129.

Feldman Dmitry. The State in the Network of International Political Interaction // Comparative Politics. 2011. № 4 (6). P. 27–34.

Feng-Yung Hu. Taiwan Political Pattern and Geopolitical Weakness: Implications for Taiwan to see the Interaction between the Cross–Strait–Relations and Sino–Russian Relations under the Theme of Shanghai Cooperation Organization (SCO) // Comparative Politics. 2012. № 4 (10). P. 47–57.

Gaman-Golutvina Oxana. The Problems of Increasing the Effectiveness of Public Administration in Russia // Comparative Politics. 2011. № 3 (5). P. 50–64.

Gromyko Alexey. Changing Geometry of Global Polycentricity // Comparative Politics. 2012. № 2 (8). P. 59–63.

Growing Importance of Asia and Africa in International Relations after the “Cold War” // Comparative Politics. 2010. № 2. P. 37–43.

Growing International Political Weight of Asia and Africa during the Final Stages of the Colonial Period // Comparative Politics. 2010. № 2. P. 24–30.

Hatoyama Kiichiro. The Comparative Analysis of Tokyo and Moscow Experience in Addressing the Traffic Jams Issue: A View From Moscow and Tokyo // Comparative Politics. 2011. № 1 (3). P. 124–143.

Higley John. Elites, Mass Groups and the Limits of Politics: Methodology and Practice of Comparative Analysis // Comparative Politics. 2010. № 1. P. 50–72.

Higley John. Revolutionary Elites // Comparative Politics. 2012. № 2 (8). P. 4–29.

Hoffmann-Lange Ursula. Value Orientations and Support for Democracy Among Elites and Mass Publics in Old and New Democracies // Comparative Politics. 2012. № 3 (9). P. 4–23.

Ignatova Anastasia. Public Policy in the Sphere of Innovations // Comparative Politics. 2011. № 3 (5). P. 65–75.

Ilyin Mikhail. Alternative Forms of Sovereign Statehood // Comparative Politics. 2011. № 3 (5). P. 11–19.

Ilyin Mikhail. The Limits of Stateness // Comparative Politics. 2011. № 3 (5). P. 37–45.

Ilyina Natalia. The Features of Russian State Developments: Problems and Trends // Comparative Politics. 2011. № 2 (4). P. 66–76.

Inter-Civilization Conflicts, Separatism, Terrorism, Ethnic and Confessional Conflicts // Comparative Politics. 2010. № 2. P. 57–63.

Interview of the Editor-in-Chief (“Comparative Politics” Journal) Professor Alexei D. Voskressenski with Andranik Migranyan, Director of the Institute for Democracy and Cooperation (N.Y., USA) // Comparative Politics. 2012. № 1 (7). P. 27–32.

Interview with Alexei D. Voskressenski, Dean, School of Political Affairs (MGIMO–University) on Master’s Programme “Political Expertise” // Comparative Politics. 2012. № 3 (9). P. 180–190.

Iwashita Akihiro. The Border Issue in Eurasia. Comparative Analysis of Central Asian, Russian–Chinese and Russian–Japanese Experience // Comparative Politics. 2010. № 1. P. 130–143.

Kabat-Rudnicka Danuta. The European Union in the Light of Comparative Politics // Comparative Politics. 2012. № 2 (8). P. 64–72.

Kato Mihoko. Russian Multilateral Diplomacy in the Asia–Pacific Regional Integration // Comparative Politics. 2010. № 1. P. 188–208.

Khenkin Sergey. Corporations: A Contradictory Political Role // Comparative Politics. 2011. № 2 (4). P. 57–61.

Khenkin Sergey. Nation State and European Self–Identification // Comparative Politics. 2011. № 3(5). P. 3–5.

Koldunova Ekaterina. IT in Asia as a Driving Force of Economic Development and Modernization: Comparative Analysis of State Strategies // Comparative Politics. 2012. № 1 (7). P. 133–139

Kosolapov Nikolay. State Acting as Corporation and Corporation Acting as State: A Result of Globalization or a New Phenomenology? // *Comparative Politics*. 2011. № 2 (4). P. 19–37.

Kozlova Irina. The Phenomenon of Contemporary Russian Bureaucracy // *Comparative Politics*. 2011. № 2 (4). P. 77–89.

Kremeniuk Viktor. “The Deeper into the Wood...”: Relations in the Triangle USA–China–Russia Are Getting Increasingly Uneven // *Comparative Politics*. 2012. № 4 (10). P. 36–46.

Krylov I.S. Comparative Analysis of Key Global Economic Governance Mechanisms // *Comparative Politics*. 2012. № 3 (9). P. 46–65.

Kydryashova Irina. Stateness as a Criterion of New States’ Legitimization // *Comparative Politics*. 2011. № 3 (5). P. 20–36.

Laletin Yuriy. The Trans–Afghanistan Gas Pipeline as a Factor of Afghanistan’s Integration into Greater Eastern Asia: Comparative Analysis of Arguments Pro et Contra // *Comparative Politics*. 2010. № 1. P. 144–165.

Lebedeva Marina. Contemporary States in the International Political System // *Comparative Politics*. 2011. № 4 (6). P. 19–26.

Ledyayev Valery. Comparative Analysis of Power in the Urban Communities of Different States: Delbert Miller’s Project // *Comparative Politics*. 2010. № 1. P. 73–90.

Lukin Alexander. The PRC and the USSR Political Systems: Some Aspects of Comparative Analysis // *Comparative Politics*. 2011. № 1 (3). P. 3–18.

Lunev Sergey. India as a New Center of Global Influence // *Comparative Politics*. 2012. № 2 (8). P. 90–104.

Lunev Sergey. Political Thought and Modernization of the East // *Comparative Politics*. 2012. № 1 (7). P. 83–95.

Makarenko Boris. Neo-Corporatism in Contemporary Russia // *Comparative Politics*. 2011. № 2 (4). P. 90–96.

Makarenko Boris. Russian Modernization: The Goal Set in the Political Sphere // *Comparative Politics*. 2010. № 1. P. 91–103.

Malzev Anton. Russian and Western Academics on China’s Policy in Central Asia // *Comparative Politics*. 2012. № 4 (10). P. 17–31.

Master’s Programme “Political Expertise” (MGIMO–University) // *Comparative Politics*. 2012. № 3 (9). P. 185–187.

Matsuzato Kimitaka. Governing Muslims in Non–Arabic Peripheries: Comparative Analysis of Turkey, Russia, India, and China // *Comparative Politics*. 2012. № 4 (10). P. 58–71.

Meleshkina Elena. Stateness of Post–Soviet Territorial Polities // *Comparative Politics*. 2012. № 1 (7). P. 118–132.

MGIMO–University Master’s Degree in International Relations “International Politics and Transnational Business” // *Comparative Politics*. 2012. № 1 (7). P. 165–166.

MGIMO–University Master’s Degree in Political Science “Politics and Economics in Eurasia” // *Comparative Politics*. 2012. № 1 (7). P. 155.

MGIMO–University Master’s Degree in Regional Studies “Politics and Economics of World Regions” // *Comparative Politics*. 2012. № 1 (7). P. 156–164.

MGIMO—University. School of Political Affairs and World Politics // Comparative Politics. 2012. № 1 (7). P. 152–155.

Miasnikov V.S. Japan: Attempts of Continued Cold War against Russia. Reading bok of Koshkin A.A. “Russia and Japan: Knots of Contradiction” // Comparative Politics. 2013. № 1 (11). P. 40–63.

New Dimensions of North–South Relations: Asia and Africa in the Contemporary International System // Comparative Politics. 2010. № 2. P. 44–49.

Nikiforovs Nikita. Quantitative Characteristics and Comparative Analysis of Higher Education Development Trends in Latvia, Lithuania and Estonia // Comparative Politics. 2011. № 1 (3). P. 99–123.

Novikova Diana. The State, Legitimate Violence and Private Military Protective Organizations in the Contemporary World // Comparative Politics. 2011. № 3 (5). P. 76–85.

Pantin Vladimir. States, Corporations and Political Development in the Modern World // Comparative Politics. 2011. № 2 (4). P. 38–43.

Ponomareva Elena. States, Corporations and Neoliberalism // Comparative Politics. 2011. № 2 (4). P. 62–65.

Ponomareva Elena. The Features of Stateness: Bosnia and Herzegovina // Comparative Politics. 2011. № 3 (5). P. 86–95.

Portyanov V.Ya. Multipolarity Vision in Russia and China and International Challeanges // Comparative Politics. 2013. № 1 (11). P. 86–97.

Przeworski Adam. Really existing democracies: democracy in a Russian Mirror. A Preface // Comparative Politics. 2012. № 1 (7). P. 33–46

Rosenko Svetlana. Comparative Analysis of Social Differentiation in the Modern World: Cases of the U.S. and Russia// Comparative Politics. 2012. № 2 (8). P. 142–147.

Rosenvalds Juris. Latvian and Estonian Political Elite’s “(De)germentization”: The Prospects of Russian-speaking Minority// Comparative Politics. 2012. № 3 (9). P. 149–161.

RPSA Congress, November 22–24, 2012, MGIMO—University // Comparative Politics. 2013. № 1 (11). P. 103–107.

Rusakova Tatyana. Comparative Analysis of Hugo Ch ves’s Social Policy (2007–2011) // Comparative Politics. 2012. № 2 (8). P. 130–141.

Russian Federation State Council Meeting on Developing Russia’s Political System. Transcript // Comparative Politics. 2010. № 1. P. 13–49.

Ruus Juri. Ethnic Minority Elites in Post–Communist Countires: The Case of Estonia// Comparative Politics. 2012. № 3 (9). P. 99–125.

Savkovich Evgeny, Dankov Artem. Developing Transport in China and Central Asia and Trans-Eurasian Transport Corridors // Comparative Politics. 2011. № 4 (6). P. 98–108.

Savkovich Evgeny. New Directions in the PRC–Central Asia Relations During the Past Decade // Comparative Politics. 2011. № 4 (6). P. 75–88.

Sergeyev Victor. The Problem of Stateness // Comparative Politics. 2011. № 3 (5). P. 45–49.

Spatial Organization of Research in World Regional Studies and Comparative Politics // Comparative Politics. 2010. № 2. P. 7–8.

Socio-Political Process in the West and in the East: World Regional Studies and Comparative Political Studies Perspectives // *Comparative Politics*. 2010. № 2. P. 9–17.

Solovey Valery. “Colour Revolutions” and Russia // *Comparative Politics*. 2011. № 1 (3). P. 33–43.

Solovey Valery. Russia in Myths and In Reality // *Comparative Politics*. 2012. № 1 (7). P. 110–117

Solovyev Eduard. Business and Political Power in Russia: From Conflict to Consensus? // *Comparative Politics*. 2011. № 2 (4). P. 97–103.

Sudakov Sergey. The US Nation Building Policy // *Comparative Politics*. 2011. № 3 (5). P. 96–113.

Sushentsov Andrey. International Implications of the USSR Breakup: An Academic Perspective // *Comparative Politics*. 2012. № 4 (10). P. 12–16.

Syllabus “Asia and Africa in World Affairs” // *Comparative Politics*. 2010. № 2. P. 86–106.

The Anniversary of “Comparative Politics”: First Ten Issues and Three Years of Life of a Journal // *Comparative Politics*. 2012. № 4(10). P. 86–105.

The Object and Method of Comparative Political Research in World Regional Studies and Comparative Politics // *Comparative Politics*. 2010. № 2. P. 6–7.

The States of Traditional East in International Relations during the Colonization // *Comparative Politics*. 2010. № 2. P. 18–23.

Timofeyev Ivan. Formal Research Methods in Political Science and Comparative Politics: The Prospects of MGIMO–University Political Science School // *Comparative Politics*. 2010. № 1. P. 121–129.

Trivedi Ramakant. Non-Traditional Security Threats in Central Asia: A Comparative Regional Perspective // *Comparative Politics*. 2011. № 4 (6). P. 109–123.

Trofimova Irina. Decentralization of Public Administration and the Features of Center–Periphery Relations in the European States // *Comparative Politics*. 2011. № 4 (6). P. 35–44.

Troitskiy Evgeny. The US Policy in Central Asia: Comparative Analysis of the Second George W. Bush’s Administration (2005–2009) and Barak Obama’s Administration (2009–2010) // *Comparative Politics*. 2011. № 4 (6). P. 65–74.

Veretevskaya Anna. The Problems of European Multiculturalism // *Comparative Politics*. 2011. № 3 (5). P. 114–121.

Vinogradov Andrey. Chinese Modernization in Comparative Perspective // *Comparative Politics*. 2010. № 1. P. 104–120.

Vinogradova Anastasia. Inter-Parliamentary Institutions: Criteria, Classification and Comparative Analysis // *Comparative Politics*. 2011. № 4 (6). P. 3–12.

Volakhava Liudmila. Belarusians’ Self-Identification in the Context of Civilizational Borderland // *Comparative Politics*. 2013. № 1 (11). P. 4–22.

Voskressenski Alexei D. General Patterns, Regional Features and the Concept of Non–Western Democracy // *Comparative Politics*. 2011. № 1 (3). P. 44–69.

Voskressenski Alexei D. Concepts of Regionalization, Regional Subsystems, Regional Complexes and Regional Transformations in Contemporary IR // *Comparative Politics*. 2012. № 2 (8). P. 30–58.

Voskressenski Alexei D. Editor–in–Chief’s Note // *Comparative Politics*. 2010. № 1. P. 3–12.

Voskressenski Alexei D. Social Orders and Political Analysis of Regional Processes // Comparative Politics. 2012. № 1 (7). P. 96–109

Voskressenski Alexei D. The World Financial and Economic Crisis and its Impact on China–US–Russia Triangle // Comparative Politics. 2011. № 1 (3). P. 70–88.

King Li. Strengthening the Role of G20: The Transformation of the World Order and the Foreign Policy of China // Comparative Politics. 2012. № 1 (7). P. 23–26

Yakunin Vladimir. EU Political Dynamics and the Russian–American Perspective // Comparative Politics. 2012. № 2 (8). P. 73–89.

Yakunin Vladimir. Political and Economic Competitiveness of Europe and Russia: Opportunities for Synergy // Comparative Politics. 2013. № 1 (11). P. 73–85.

Yermolin Ilya. Shaping, Structuring and Adapting the Actor Coalitions in Danish and Swedish Political Subsystems Responsible for the Policy Coordination with the EU: The Impact of External Factors // Comparative Politics. 2011. № 1 (3). P. 19–32.

Yun Sergey. The Comparative Analysis of German, UK and French Policy in Central Asia // Comparative Politics. 2011. № 4 (6). P. 50–64.

Zadornov I.A. Comparative Analysis of Foreign Policy Approaches: Chinese Participation in the UN Peacekeeping Operations (1981 – 2012 гг.) // Comparative Politics. 2013. № 1 (11). P. 98–102.

Zhigzhitov Sergey. On Statehood and Stateness: Main Conceptual Approaches // Comparative Politics. 2011. № 2 (5). P. 6–10.

Zhuravliev Denis. The Comparative Analysis of Terrorists' Communicative Strategies // Comparative Politics. 2011. № 1 (3). P. 89–98.

Ziegler Charles. Contrasting U.S., Chinese and Russian Perceptions of Sovereignty // Comparative Politics. 2012. № 1 (7). P. 3–22.

Zonova Tatyana. «Secular Religions» and the Balance-of-Power Diplomatic Concept // Comparative Politics. 2011. № 4 (6). P. 45–49.

Zonova Tatyana. Christian Philosophers of the West about the “Cold War”, Totalitarianism and Communism: Comparative Analysis of Reinhold Niebuhr's and Giorgio La Pira's Concepts // Comparative Politics. 2012. № 4 (10). P. 4–11.

РЕЦЕНЗИИ

Учебник под ред. Н.А. Васильевой, М.Л. Лагутиной «Философия мировой политики». М. : РГ-Пресс, 2013.

Новый учебник ученых Санкт-Петербургского государственного университета не мог не привлечь внимания новизной и актуальностью раскрываемых в нем проблем. Российская политическая наука переживает сложный и ответственный период глубокого и системного переосмысления методологических основ изучения современных мирополитических процессов. В этой связи, как справедливо отмечают авторы учебника во «Введении», «философия является мировоззренческой наукой, методологической основой для всех социально-гуманитарных дисциплин» и «позволяет выйти на широкие универсальные обобщения, раскрыть закономерности мирополитического бытия» (с. 3). Фактически можно говорить о возрождении ценностного и нормативного знания в политической науке, что является закономерной реакцией на вызовы объективной реальности — глобализацию и глобальные проблемы современности, решение которых оказалось невозможным в рамках научных методологий, основанных на принципах объективности, истинности, эмпиризма, верификации и фальсификации, строгости, обоснованности, всеобщности.

При чтении рецензируемой книги приходит понимание, что цель, поставленная авторами при написании данного учебника, вполне оправданна тем, что без знания и понимания принципов философской методологии в приложении к политическим реалиям современного глобального социума невозможно расширить мировоззренческие рамки представлений о характере современных мирополитических процессов. Подсое-

динение дискурса философии к мировой политике не является искусственной натяжкой. Они соседствуют уже в трудах античных философов, а также в работах мыслителей Средневековья и Нового времени, что и показано во второй главе учебника: «Становление и развитие политико-философских идей: от Античности до Современности». В условиях же современного глобального мира философия востребована как никогда — прежде всего, как наука о человеческом существовании. Новая картина мира явно нуждается в адекватной ей политико-философской рефлексии. В результате усложнения объекта и предмета исследований мировой политики требуется их философское осмысление и разработка особой ветви философского знания.

Несомненным достоинством рецензируемого издания является тот факт, что данный учебник стал первым учебником в России по философии мировой политики, в котором представлена позиция ученых петербургской школы мирополитических исследований.

Учебник разделен на две части и семь глав в соответствии с логикой изложения материала. Уже «Оглавление» и «Введение» свидетельствуют об инновационном подходе к изложению достаточно сложного и неоднозначного материала. Следует также отметить, что эти разделы (а также раздел «Заключение») переведены на английский язык, что дает возможность познакомиться с концепцией учебника не только русскоговорящим студентам, но и иностранным.

Структура книги и уровень содержания каждого раздела направлены на исследование различных теоретико-методологических построений, обосновывающих философское осмысление современных мирополитических процессов. Логика изложения материала

построена таким образом, что дает возможность читателю получить последовательные ответы на вопросы о том, «что такое философия мировой политики?», «зачем она нужна?», «какие предпосылки к ее формированию можно найти в истории политической мысли?», «какие проблемы помогает осмысливать и решать философия мировой политики?», «какие подходы и пути решения глобальных проблем может предложить философия мировой политики?».

Часть I состоит из четырех глав. Книга начинается главой 1 «Философия мировой политики как наука», в котором содержатся принципиальные сведения о познавательном инструментарии новой научной дисциплины и ее методологическом потенциале. Следующая, глава 2 знакомит нас с историей развития политико-философских идей от Античности до современности. Особо хотелось бы обратить внимание на параграф 2.9, посвященный политическим и правовым идеям России XI–XX вв., материал, представленный здесь, очень интересен и даже оригинален, но, к сожалению, краток, поскольку очевидно, что осветить политико-философские разработки русских мыслителей за такой длительный период на 20 страницах текста чрезвычайно трудно. Далее авторы предприняли попытку выявления пространственно-временных координат современных мирополитических процессов. В главе 3 анализируются такие важные философские категории, как «время» и «пространство». Глава 4 посвящена философскому осмыслению феномена «мультиакторности», в рамках которого авторы определяют круг и специфику участников современных мирополитических процессов. Таким образом, первый раздел учебника посвящен изложению содержания новой инновационной дисциплины — философия мировой политики.

Часть II учебника определяет те сферы мировой политики, где обнаружива-

ется настоятельная необходимость философской методологии исследования. В главе 5 с философской точки зрения осмысливаются глобальные проблемы современности и подходы мирового сообщества к решению этих проблем. Далее авторы подробно рассматривают феномен глобального управления и, наконец, модели цивилизационных перспектив человечества. Следует отметить, что в ряде случаев авторы вводят новые термины, такие, например, как «конвент человечества» и раскрывают их сущность.

В целом учебник написан интересно, убедительно и грамотно. Авторский текст наполняют идеи и оценки личностного характера. Учебник «Философия мировой политики» представляет собой фактически первое в российской практике высшей школы учебное издание по данной дисциплине. В учебнике используется междисциплинарный подход, означающий изложение различных точек зрения по одному и тому же вопросу. Несомненным достоинством учебника является то, что теоретический материал подтверждается историческими и реальными примерами. Каждая глава завершается контрольными вопросами и заданиями, глоссарием, списком литературы по теме главы, а также списком электронных ресурсов. Кроме того, в конце всего учебника можно найти весьма полезную информацию о международных базах данных по философии мировой политики. Это позволяет лучше усвоить и закрепить в памяти рассмотренный материал.

Конечно, хотелось бы видеть в учебнике анализ взглядов более широкого круга современных западных авторов, таких как У. Бек, Э. Гидденс, Н. Хомски, М. Кастельс и ряда других. Надеемся, что в следующем издании больший акцент будет сделан именно на анализ взглядов философов XXI в. Однако это, скорее, пожелание, а не недостаток данного учебника, поскольку в целом он дает хорошее представление о круге вопросов,

которые авторы включают в сферу исследования философии мировой политики. «Философию мировой политики» под ред. Васильевой Н.А. и Лагутиной М.Л. можно считать одним из лучших учебников по данной дисциплине на сегодняш-

ний день. Можно уверенно утверждать, что данный учебник отвечает на запрос современников в интеграции научных знаний и приобщения к ним человека.

Г.И. Грибанова

АННОТАЦИИ СТАТЕЙ

А.Д. Воскресенский. Инновации и мировая политика

Alexei D. Voskressenski. Innovation and World Politics

Аннотация: В настоящее время в России образование и наука становятся ключевыми сферами в инновационном преобразовании экономической, правовой, политической и духовной сфер. Формула успеха в формировании национальной политики в области науки и образования заключается в умелом сочетании общих закономерностей и своей собственной специфики в ходе модернизации традиционных методов получения знания, его воспроизводства и развития в образовательном и исследовательском процессе. Технологические и социальные инновации неразрывно связаны, социальные инновации определяют пути и способы формулирования научной, технологической и инновационной политики государства. Автор заключает, что необходимо вырабатывать конкурентные механизмы поддержки социальных инноваций, которые создают основу инноваций технологических и их диффузии, уменьшающей дифференциацию в мире. Диффузия социальных и технологических инноваций — задача зрелой внешней политики государств.

Abstract: Education and science become the key realms of innovational reforms in the economic, legal and political arenas. The key to success in formulating national policy in the sphere of education and science lies in the professional combination of the general laws and the country's own specificity in the modernization of the traditional knowledge gaining methods, its reproduction and development in the educational and research processes. Technological and social innovations are connected, social innovations determine the ways of formulating the policies

in the technological, innovational and scientific policy areas. The article concludes that there is a need for developing competitive mechanisms of support for social innovations, which give way to technological innovation and their diffusion, which leads to the decrease of differentiation. The diffusion of social and technological innovations becomes the task of the ripe foreign policy.

Ключевые слова: инновации, образование, наука, политика.

Key words: innovation, education, science, policy.

Т.А. Шаклеина. Новые тенденции в формировании подсистем в XXI в.

Tatiana A. Shakleina. New Trends in Subsystem formation in the 21st Century

Аннотация: Одним из мегатрендов XXI столетия становится формирование нового мирового порядка. В этой связи представляется возможным выделить несколько составляющих его тенденций, заслуживающих особого внимания, в том числе:

— на глобальном уровне: формирование новой международной системы, с учетом вовлечения в этот процесс более широкой, чем ранее, группы ведущих мировых держав, которые радикально различаются по своим характеристикам;

— на макрорегиональном уровне: появление новых подсистем вокруг стран-лидеров;

— на региональном уровне: перераспределение влияния между региональными державами внутри крупных подсистем, таких как трансатлантическая и, возможно, транстихоокеанская подсистемы.

Настоящая статья содержит анализ современных тенденций, и, прежде всего, применительно к подсистеме «Ма-

лой Евразии», которая включает бывшие постсоветские республики (кроме стран Прибалтики).

Abstract: One of megatrends of the 21st century is establishment of the new world order. Within this megatrend we can distinguish some trends that require special attention. Among them are the following:

at the global level: formation of a new international system among a bigger new group of leading world powers (great powers) that are dramatically different in their characteristics;

at the macroregional level: formation of new subsystems with core-countries;

at the regional level: redistribution of influence between regional powers within big subsystems like transatlantic or possible transpacific subsystems. In the following paper we shall analyze some trends that take place, paying special attention to a Eurasian subsystem “Small Eurasia” that includes most of the former Soviet republics (excluding the Baltic States).

Ключевые слова: мировой порядок, подсистема международных отношений, мегатренд.

Key words: world order, international subsystem, megatrend.

Т.Л. Шаумян. Индия, ШОС, БРИКС в современной геополитике

Tatiana L. Shaumyan. India, SCO and BRICS in Modern Geopolitics

Аннотация: Мировая система в первое десятилетие третьего тысячелетия характеризуется формированием новых интеграционных объединений, ростом региональных организаций, подъемом их активности и повышением их адаптивности к процессу глобализации. Заинтересованность в участии в таких региональных формированиях проявляют государства различных категорий и масштабов, с различным природным, экономическим, человеческим и военным потенциалом, относящиеся к раз-

ряду развитых и развивающихся стран, великие державы, соседние, сопредельные или расположенные на разных континентах (Индия — Бразилия — Южная Африка, или БРИКС — Бразилия, Россия, Индия, Китай и Южная Африка). Одно государство может присоединиться к нескольким региональным и субрегиональным или неинституционализированным группам. Индия входит в такие объединения, как ШОС, СААРК, БИМСТЕК и БРИКС. Участие в региональных и глобальных организациях не влияет на независимую внешнюю политику Индии. Индия в качестве мировой экономической державы уверенно занимает отдельное место в глобальной политике и определяет свою внешнюю политику и отношения с другими мировыми державами, развитыми и развивающимися странами на основе своих национальных интересов.

Abstract: The first decade of the third millennium has witnessed the formation of newly forged associations, a substantial growth of regional organizations, an upsurge in their activity and also their increasing adaptability to globalization processes. A keen interest to participate in such regional alliances has been displayed by nations representing diverse structural systems, differing sizes of economy and various natural, economic, human and military potentials. Among these are both developed and developing states, great powers, neighboring states as well as those located on separate continents (India-Brazil-South Africa, Brazil-Russia-India-China-plus South Africa). The same state may decide to join one or several regional and sub-regional organizations as well as non-institutionalized groups. India has participated in such organizations and associations as SCO, SAARC, RIC, BIMSTEC and BRICS. Indian participation in the activities of regional and global organizations does not damage its independent foreign policy; its growing assertiveness as a world economic power occupies a special place in global politics. India determines

its foreign policy and its relations with other world powers, with developed and developing countries alike, based on its national interests.

Ключевые слова: глобализация, современная геополитика, региональные организации, БРИКС, Индия, Китай, Россия, экономическое развитие, внешняя политика, национальные интересы, экономический и финансовый кризис, международное право, торговые и экономические отношения, энергетическая безопасность.

Key words: globalization, modern geopolitics, regional organizations, BRICS, India, China, Russia, economic development, foreign policy, national interests, economic and financial crisis, international law, trade and economic relations, energy security.

К. Зегберс. Конец политики?!

Klaus Segbers. The End of Politics?!

Аннотация: В статье дается обзор причин структурного кризиса национальной политики, которая понимается как подсистема постмодернистского общества. Они включают сложные вызовы, ускорение, проблемы представительной демократии и попытки определить политику через нерелевантные аспекты. Автор заключает, что политика находится в режиме выживания и дискуссия о «конце политики» является неизбежной.

Abstract: The article summarizes the causes of structural inadequacy of national politics treating it as one of subsystems of post-modern society. These include complex challenges to national politics, acceleration, problems of representative democracy and attempts to define politics by irrelevant aspects. The author concludes that politics is now in the survival mode and the debate on “the end of politics” is unavoidable.

Ключевые слова: постмодернизм, политика, структурные проблемы политики.

Key words: post-modernism, politics, structural problems.

А.А. Борщ. Политическая борьба в современном мире

Alexandr A. Borshch. Political Struggle in Modern World

Аннотация: В статье рассмотрены понятие политической борьбы и ее цель, направления и формы политической борьбы, которые представлены парламентским, революционным, партизанским (национально-освободительным) движением. Автор разделяет борьбу за изменение господствующего социально-экономического строя и конкуренцию между политическими группировками в рамках существующей формации. Он анализирует как примеры легальной политической конкуренции, так и действия, выходящие за рамки правового поля государства. Он также отмечает, что получившие распространение представления об исчезновении революционной борьбы игнорируют сохраняющиеся социальные противоречия, которые еще больше обостряются в условиях глобализации.

Abstract: The article deals with the notion of political struggle and its purpose, direction, and forms, which are pursued through parliamentary channels, revolutionary means or guerrilla (national liberation) movements. The author separates fight for breaking the dominating social and economic system and competition between political groupings within the existing formation. He analyses both examples of lawful political competition and actions going beyond legal field. He also mentions that widely discussed hypothesis of disappearance of revolutions ignores remaining social tensions, which even grow due to the development of globalization.

Ключевые слова: политическая борьба, направления политической борьбы, формы политической борьбы, субъекты политической борьбы.

Key words: political struggle, the direction of the political struggle, forms of political struggle, the subjects of the political struggle.

Б.И. Макаренко. Гражданское общество как ресурс развития России**Boris I. Makarenko. Civil Society as a Resource for Development of Russia**

Аннотация: Статья написана по материалам итогового доклада исследования о состоянии гражданского общества в России, осуществленного Центром политических технологий по заказу Комитета гражданских инициатив в июне — июле 2013 г. В ней проводится сравнение между западной моделью развития гражданского общества и пониманием этого феномена в других культурных контекстах. Автор анализирует эволюцию российского гражданского общества и диагностирует современное его состояние. Он обращает внимание на то, что некоммерческие организации и гражданский активизм развиваются в условиях низкого доверия российского населения друг к другу и к государству. Аналогичным образом власть также не испытывает доверия к обществу и общественным начинаниям, что ярко проявилось в законодательстве об «иностранных агентах». Сохраняющиеся неблагоприятные условия не позволяют рассчитывать на стремительный прогресс в развитии гражданского общества в ближайшие годы. Источниковой основой исследования стали данные социологических опросов, глубинных интервью и групповых дискуссий.

Abstract: The article is based on research on civil society in Russia conducted for the Committee of Civil Initiatives by the Centre of Political Technologies in June–July 2013. It compares the Western model of civil society with its understanding in non-Western nations. The author analyses historical evolution of the Russian society and provides assessment of its current standing. He concludes that non-governmental organisations and civil activities in Russia develop under conditions of low mutual trust among the population and between society and state. The lack of trust of governmental bodies to

civil initiatives is clearly reflected in the latest legislation on “foreign agents”. The remaining unfavourable conditions are likely to continue to hinder progress of Russian civil society for the years to come. The foundation for the research created the data from surveys, in-depth interviews and group discussions.

Ключевые слова: гражданское общество, Россия, социальный капитал, нейтральная сфера, некоммерческие организации, гражданский активизм.

Key words: civil society, Russia, social capital, neutral sphere, non-governmental organisations, civil activity.

М.В. Ильин. Политическое самоутверждение России**Mikhail V. Ilyin. Political raison d' tre of Russia**

Аннотация: В статье рассматривается связь между представлениями о характере России и утверждениями этих представлений в отечественной истории, включая последнее столетие. Демонстрируется противоречивость этих усилий, их парадоксальные результаты. В то же время признается, что обогащение концептуальных представлений о России вкпе с усложнением институциональной насыщенности ее политики создают дополнительные возможности для развития.

Abstract: The article presents interface between ideas justifying Russian polity and efforts to implant those ideas into actual history of the country, particularly during the last century. Contradictory effects of those efforts are acknowledged and paradoxical results acclaimed. Still it also recognized that maturing richness of Russia’s perception alongside the mounting institutional density of its politics propels further prospects for its development.

Ключевые слова: идентичность, развитие, институциональное устройство, освобождение, модернизация, геополитика

тическая роль, самодержавие, демократия.

Key words: identity, development, institutional set up, emancipation, modernization, geopolitical role, autocracy, democracy.

В.А. Смирнов. Бизнес-сообщество как бассейн рекрутирования политической элиты постсоветской Литвы

Vadim A. Smirnov. Business-community as a source for recruitment of political elite in Post-Soviet Lithuania

Аннотация: В статье анализируется процесс формирования политической элиты Литовской Республики после распада Советского Союза через призму нарастающего присутствия выходцев из бизнеса во властных кругах. Влияние выходцев из предпринимательского сообщества на политический процесс рассматривается с помощью концепции «внутренних кругов». Автор отмечает, что если в начале 1990-х гг. в политической жизни Литвы доминировали представители гуманитарной интеллектуальной элиты, то с течением времени бизнес нарастил влияние на политический процесс не только путем прямого вхождения в политический истеблишмент, но и через другие каналы, включая спонсирование партий.

Abstract: The author analyzes the process of the formation of the political elite of the Republic of Lithuania after the collapse of the Soviet Union in the light of the growing presence of representatives of business in ruling circles. The influence of people from the business community in the political process is described through the concept of “inner circles”. The article claims, that although in the beginning of the 1990s the political life in Lithuania was dominated by intellectuals, representing Humanities and artistic elite, through time business increased its impact on political process not only directly entering political establishment, but also through other channels, including sponsorship of parties.

Ключевые слова: элита, бизнес, рекрутирование, Литва, политический процесс.

Key words: elite, business, recruitment, Lithuania, political process.

В.В. Горбатова. Правовая регламентация и практика социологического сопровождения избирательной кампании по выборам депутатов государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации 4 декабря 2011 г. и Президента Российской Федерации 4 марта 2012 г.

Victoria V. Gorbatova. The Legal Regulation and Practice of Sociological Support of the Campaign for the Election of Deputies of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation on December 4, 2011 and the President of the Russian Federation, on March 4, 2012

Аннотация: В настоящем материале представлена информация об опыте проведения конкурсов социологических прогнозов Российским центром обучения избирательным технологиям при ЦИК России на выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации 4 декабря 2011 г. и Президента Российской Федерации 4 марта 2012 г. Освещение получили также правовые аспекты деятельности социологических служб в рамках отечественного избирательного процесса, в том числе при организации опросов на выходе из избирательных участков (так называемых экзитполов). Обзорно рассматриваются теоретические подходы и методологические проблемы при формировании электоральных прогнозов. Автором отмечается высокая заинтересованность экспертно-социологических служб отечественной электоральной проблематикой. Статья снабжена необходимым иллюстративным материалом.

Abstract: The present material introduces a piece of information about the Russian Election Technologies Training Center un-

der the CEC of Russia sociological forecasts' competitions, organized during the State Duma of Federal Assembly of the Russian Federation deputies' elections on December 4, 2011 and the President of the Russian Federation elections on March 4, 2012. Some legal aspects of sociological services' activity within domestic electoral process, including the organization of so-called exit polls are enlightened. A number of theoretical approaches and methodological problems during forming electoral forecasts are reviewed in short. The author denotes a high interest of expert and sociological organizations into the domestic electoral sphere. The article is supplied with the necessary illustrative graphics.

Ключевые слова: социология, Российский центр обучения избирательным технологиям при ЦИК России, конкурс социологических прогнозов, экзитпол, выборы.

Key words: sociology, Russian Election Technologies Training Center under the CEC of Russia, a sociological forecasts competition, an exit poll, elections.

А.А. Ярлыкапов. Ислам на Кавказе и его влияние на конфликтность в регионе и России.

Akhmet A. Yarlykanov. Islam in the Caucasus and its Impact on Conflict Potential in the Region and in Russia

Аннотация: Исламское поле Кавказа не представляет собой упрощенной черно-белой картины «официального» и «неофициального», «традиционного» и «нетрадиционного» ислама, а напоминает пеструю мозаику разных направлений, толков, течений, интерпрета-

ций. Ислам занимает все большее место в общественно-политической жизни республик Северного Кавказа, активно заполняя прежний идеологический вакуум. Проблемные территории региона полны конфликтов, в которые ислам волей или неволей оказывается вовлечен, но ислам служит лишь знаменем, прикрывающим истинные причины конфликтов. В статье рассматриваются вопросы укрепления позиций ислама на Кавказе, его глобализации, политизации и радикализации, анализируется сложный клубок отношений между его направлениями и течениями.

Abstract: Islam in the Caucasus cannot be described in black and white colors as official and non-official, traditional and non-traditional Islam. Islam is now playing a more distinctive role in the social and political life of the republics in the North Caucasus. However, its role in the conflicts cannot be explained by Islam itself which plays the role of disguise for the real reasons of the conflicts. The article examines strengthening of Islam on the Caucasus, as well as its globalization, and politization and the rise of jihadism. It analyses complex relations among its many different forms and schools.

Ключевые слова: ислам, Дагестан, Азербайджан, суфизм, салафизм, «Хизб ут-Тахрир», Имарат Кавказ, халифат, глобализация ислама.

Key words: Islam, Dagestan, Azerbaijan, Sufism, Salafi, Hizb ut-Tahrir, Caucasus Emirate, Caliphate, Islamic globalization.

*Аннотации подготовлены
И.Ю. Окуневым, И.А. Истоминым,
О.Г. Харитоновой*

ОБ АВТОРАХ

Борщ Александр Александрович, кандидат юридических наук, доцент РАНХиГС при Президенте Российской Федерации.

Воскресенский Алексей Дмитриевич, доктор политических наук, доктор философии (Манчестерский университет), профессор, декан факультета политологии МГИМО (У) МИД России.

Горбатова Виктория Вячеславовна, заместитель начальника отдела совершенствования избирательных технологий РЦИОИТ при ЦИК России.

Грибанова Галина Исааковна, доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой политологии Российского государственного педагогического университета имени А.А. Герцена.

Зегберс Клаус, PhD, профессор международных отношений и восточноевропейских исследований, основатель и директор Центра глобальной политики Свободного университета Берлина, содиректор совместной учебной программы Свободного университета Берлина и МГИМО (У) МИД России.

Ильин Михаил Васильевич, доктор политических наук, профессор, заместитель декана факультета прикладной политологии НИУ ВШЭ, руководитель Центра перспективных методологий социально-гуманитарных исследований

ИНИОН РАН, профессор кафедры сравнительной политологии МГИМО (У) МИД России и БФУ им. И. Канта, вице-президент Международной ассоциации политической науки.

Макаренко Борис Игоревич, доктор политических наук, профессор кафедры сравнительной политологии НИУ ВШЭ, председатель правления фонда «Центр политических технологий».

Пшеворски Адам, PhD, профессор политологии Нью-Йоркского университета.

Смирнов Вадим Анатольевич, кандидат политических наук, старший научный сотрудник БФУ им. И. Канта.

Шаклеина Татьяна Алексеевна, доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой прикладного анализа международных проблем МГИМО (У) МИД России.

Шаумян Татьяна Львовна, кандидат исторических наук, руководитель Центра индийских исследований Института востоковедения РАН.

Ярлыкапов Ахмет Аминович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра этнополитических исследований Института этнологии и антропологии РАН, доцент РГГУ.

Связь с авторами осуществляется через редакцию.
Контактная информация: e-mail: avtor@lawinfo.ru и sravnitpolit@mail.ru

Мнения и оценки, содержащиеся в публикуемых материалах, могут не совпадать с позицией редакционной коллегии журнала.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

При направлении материалов в журнал просим вас соблюдать следующие требования.

Редакционный совет и редакция журнала рассматривают материалы оригинального характера, не публиковавшиеся ранее и не принятые к публикации другими журналами. Они должны быть присланы по электронной почте и представлены в редакцию на бумажном носителе вместе с электронным носителем в следующих объемах:

- статья — 10–25 страниц — 20 000–75 000 печатных знаков со всеми сносками и пробелами;
- обзор, рецензия, информация — не более 3 страниц;
- иные материалы, либо материалы объемом более 15 страниц — по согласованию с редакцией.

При определении объема материала просим исходить из таких параметров:

- текст печатается на стандартной бумаге А-4 через 1,5 интервала;
- размер шрифта основного текста 14;
- сноски можно печатать через 1 интервал;
- размер шрифта 12;
- поля: слева 3 см, сверху, справа и снизу — 2 см.

При ссылках на авторов в тексте следует указать инициалы и фамилию, в сноске — наоборот, сначала фамилию, затем инициалы автора; обязательно привести название публикации, источник — место, год, номер, страница. *Ко всем ссылкам на русском языке необходимо добавлять транслитерацию на английском языке.* Пример: Богатуров А.Д. Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии после Второй мировой войны (1945–1995) / А.Д. Богатуров. М. : Конвент-МОНФ, 1997 [Bogaturov A.D. Velikie derzhavy na Tihom okeane. Istorija i teorija mezhdunarodnyh otnoshenij v Vostochnoj Azii posle vtoroj mirovoj vojny (1945–1995) M. : Konvert-MONF, 1997].

При использовании нормативного акта следует указать в тексте его вид (Федеральный закон, Указ Президента Российской Федерации и т.д.), дату (день принятия — цифрами, месяц — словом, год принятия — четырьмя цифрами, т.е., например, 12 декабря 2006 г.), привести в кавычках полное (без

сокращений) наименование (в том числе — не РФ, а Российской Федерации). В этом случае в сноске достаточно указать источник публикации. Можно привести в тексте вид, дату и без кавычек сокращенное наименование акта, дающее правильное представление о документе. Тогда в сноске надо привести полное название акта и источник публикации.

Все сноски размещаются после текста статьи. Нумерация сноска сквозная (1, 2, 3...).

На первой странице материала после заголовка помещаются фамилия и инициалы автора, а в подстрочнике — фамилия, имя, отчество, должность и место работы, ученая степень — при наличии. Например: доцент кафедры (ее название) факультета (название факультета, название вуза), кандидат юридических наук.

После заголовка, фамилии и инициалов автора размещается краткая аннотация статьи (не более 3 абзацев) и ключевые слова (не более 5) на русском и английском языках.

На последней странице в обязательном порядке автор подписывает материал. Здесь же приводятся:

- фамилия, имя, отчество автора (полностью);
- должность и место работы, учебы (с правильным наименованием факультета, вуза, учреждения и т.п.);
- ученая степень (при наличии);
- точные контактные данные:
 - адрес — служебный и (или) домашний, с индексом;
 - телефон(ы) (стационарный, мобильный) и факс (с кодом);
 - адрес электронной почты.

Статьи и материалы принимаются при наличии рецензии или рекомендации соответствующих кафедр вузов, отделов, секторов научно-исследовательских учреждений, либо двух известных ученых, научного руководителя (для аспирантов).

Статьи необходимо направлять на e-mail по двум адресам: avtor@lawinfo.ru и sravnitpolit@mail.ru.

При несоблюдении перечисленных требований присланные материалы не рассматриваются.